



Северо-Западный филиал  
ФГБОУВО  
«Российский государственный  
университет правосудия»



Санкт-Петербургское отделение  
Общероссийской  
общественной организации  
«Российское объединение судей»

**ПРОВЕРКА  
ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ  
СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ  
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Сборник материалов  
Всероссийской научно-практической конференции  
16-17 октября 2020 года

Санкт-Петербург  
Астерион  
2021

*Рецензенты:*

*Соколов Тимур Викторович* – руководитель Департамента систем судопроизводства и уголовного права Факультета права Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Москва);

*Клейменов Иван Михайлович* – ведущий советник Управления конституционных основ уголовной юстиции Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

П78

**Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе** : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (16–17 октября 2020 г.) / Под. ред. К.Б. Калиновского. – СПб.: Астерион, 2021. – 342 с.

ISBN 978-5-00045-995-9

Сборник посвящен актуальным проблемам апелляционного, кассационного производства в российском уголовном процессе с учетом первого опыта работы апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. В материалы включены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе, проходившей в Третьем кассационном суде общей юрисдикции и Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия» (г. Санкт-Петербург) 16–17 октября 2020 г. Издание предназначено для научных работников, практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется проблемными вопросами уголовного права и процесса.

ISBN 978-5-00045-995-9

© Коллектив авторов, 2021

**Содержание**

<b>Предисловие</b> .....	7
<b>Часть I. Материалы пленарного заседания</b>	
<i>Головки Л.В.</i> Идея «сплошной кассации» и трудности ее реализации в уголовном процессе .....	10
<i>Дорошков В.В.</i> Плюсы и минусы проверочных инстанций в современном уголовном процессе России.....	21
<i>Смирнов А.В.</i> Проблемные вопросы кассационных оснований для отмены и изменения судебных решений в уголовном процессе.....	32
<i>Пилюк А.В.</i> К вопросу о предмете и пределах апелляционного и кассационного производства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации .....	42
<i>Качалова О.В.</i> О предмете проверки в апелляционной инстанции приговоров, вынесенных в особом порядке судебного разбирательства.....	54
<i>Александров А.С.</i> Судебное следствие в процедуре рассмотрения уголовного дела апелляционным судом общей юрисдикции: реальность или юридический симулякр .....	61
<i>Качалов В.И.</i> Об основаниях пересмотра в кассационном порядке судебных решений, принятых в стадии исполнения приговора .....	72
<i>Шадрин В.С.</i> Особенности процессуального положения и участия прокурора в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции.....	78
<i>Насонов С.А.</i> Действительные и мнимые проблемы апелляционного пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей .....	85
<b>Часть II. Материалы секции «Апелляция в уголовном процессе: новые вызовы и пути их решения»</b>	
<i>Стародубова Г.В.</i> Проблемы подготовки уголовного дела к апелляционному рассмотрению .....	96
<i>Долгих Т.Н.</i> Вопросы, возникающие при необходимости ухудшения положения осужденного в суде апелляционной инстанции.....	102
<i>Ежова Е.В.</i> Ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, в суде апелляционной инстанции .....	107

<i>Костенко Р.В.</i> Пределы доказывания в апелляционном производстве по уголовным делам.....	111
<i>Марковичева Е.В.</i> Проблемы реализации права апелляционного обжалования отдельными участниками уголовного судопроизводства .....	118
<i>Цыкунова И.Н.</i> Доказывание в суде апелляционной инстанции (по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь) ..	123
<i>Яшин А.В.</i> Апелляционное производство как гарантия защиты прав, свобод и законных интересов лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве: взгляд криминолога .....	130
<i>Филатьев В.А.</i> Особенности обжалования судебных решений, принятых на этапе производства в суде первой инстанции после разрешения уголовного дела по существу .....	137

### **Часть III. Материалы секции «Судебные решения и их проверка после вступления в законную силу»**

<i>Лазарева В.А.</i> Дихотомия свойств и оснований отмены приговора .....	150
<i>Евстигнеева О.В.</i> Основания отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке.....	156
<i>Астребов В.Б.</i> Проверка законности судебных решений, принятых в особом порядке (раздел X УПК РФ) .....	163
<i>Лантух Н.В.</i> Законодательная регламентация оснований для отмены или изменения судебных решений в проверочных стадиях уголовного судопроизводства .....	170
<i>Спиридонов М.С.</i> Разграничение предмета проверки судебных решений по уголовным делам в порядке сплошной и выборочной кассации.....	177
<i>Суханова Л.Г.</i> Вопросы подготовки и направления дела в суд кассационной инстанции (на материалах работы судов Алтайского края).....	185

### **Часть IV. Материалы секции «Актуальные проблемы проверки законности и обоснованности промежуточных судебных решений»**

<i>Азаров В.А., Константинова В.А.</i> Дифференциация судебных решений и порядок их апелляционного и кассационного пересмотра.....	190
<i>Аширова Л.М.</i> Проверка законности и обоснованности избрания судом мер пресечения в отношении лиц, обвиняемых	

в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности .....	199
<i>Добровлянина О.В.</i> Правовое регулирование кассационного обжалования судебных решений, принятых в досудебном уголовном судопроизводстве .....	208
<i>Гладышева О.В.</i> Проверка законности и обоснованности судебных решений о применении мер принуждения в досудебном производстве .....	214
<i>Чечетин А.Е., Шатохин И.Д.</i> Проверка законности и обоснованности судебных решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий .....	223
<i>Белоковильский М.С.</i> Проверка и оценка допустимости доказательств в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанции .....	230
<i>Никитина С.В.</i> Обоснованность судебных решений о наложении ареста на имущество, постановленных в досудебном производстве .....	237

### **Часть V. Материалы секции «Гарантии обеспечения законности и обоснованности приговора в системе уголовного судопроизводства»**

<i>Назаров А.Д.</i> Полноценные модели апелляции, кассации и надзора как уголовно-процессуальный механизм исправления судебных ошибок в уголовном судопроизводстве .....	246
<i>Стойко Н.Г.</i> Законность, обоснованность и мотивированность приговора: уголовно-процессуальный анализ на примере одного дела .....	255
<i>Марьина Е.В.</i> Реализация принципа законности при пересмотре приговора .....	268
<i>Борисевич Г.Я.</i> Гармонизация процессуального законодательства РФ, регулирующего контрольно-проверочные стадии, как средство защиты прав личности и укрепления законности .....	274
<i>Семенцов В.А.</i> Выявление и устранение судебных ошибок в уголовном судопроизводстве .....	282
<i>Овсянников И.В.</i> О зависимости оснований пересмотра приговоров от формы разбирательства в суде первой инстанции ....	291
<i>Стрелкова Ю.В.</i> Законность и обоснованность вердикта присяжных заседателей .....	297

<i>Соловьев С.А.</i> Применение процессуального механизма благоприятствования защите при проверке законности и обоснованности судебных решений.....	303
<i>Бурмагин С.В.</i> Содержание требования обоснованности решений уголовного суда .....	309
<i>Сидоренко Е.В. Суханкина Л.И.</i> Некоторые проблемы правового регулирования института особого мнения судьи при пересмотре судебных решений .....	321
<i>Гордиенко А.Ю.</i> Ультраактивное действие уголовно-процессуального закона во времени: проблемные вопросы судебной практики .....	330
<i>Ковалева М.Г., Корсаков К.А., Суханкина Л.И.</i> Оптимизация деятельности проверочных инстанций с использованием положений криминалистики: программно-целевой метод.....	335

## Предисловие

Федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 года № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» и Федеральным законом от 11 октября 2018 года № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» созданы апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции. Они приступили к работе с 1 октября 2019 года, и к настоящему времени накоплен опыт применения ими уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в котором появились существенные новеллы. Введена сплошная кассация, превращающая пересмотр вступивших в законную силу судебных решений в ординарную процедуру. Перегрузка кассационных судов вызвала нормотворческую активность, обсуждается проект значительных поправок в нормы УПК Российской Федерации, регламентирующие кассационное производство<sup>1</sup>.

Законодатель и суды ищут баланс между обеспечением конституционного права на исправление судебной ошибки и принципом правовой определенности и исполнимости вступивших в силу судебных решений; между разграничением полномочий судов и необходимостью обеспечения справедливости и правильности применения материального права.

Обсуждению этих и других актуальных проблем апелляционного, кассационного производств в российском уголовном процессе была посвящена всероссийская конференция «Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе», организованная Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия совместно с Санкт-Петербургским отделением Российского объединения судей при информационной поддержке Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП/ИУАЈ).

<sup>1</sup> См.: Принятый 8 июля 2020 г. в первом чтении Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации Проект Федерального закона № 863554-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части установления срока обжалования итогового судебного решения по уголовному делу в порядке сплошной кассации) // Система обеспечения законодательной деятельности. – <https://sozd.duma.gov.ru/bill/863554-7> (дата обращения: 25.09.2020).

Конференция состоялась 16 и 17 октября 2020 года в Санкт-Петербурге. Пленарное заседание прошло в здании Третьего кассационного суда общей юрисдикции, заседание секций – в здании Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия. В конференции приняли участие свыше 150 процессуалистов из ведущих высших учебных заведений России, практикующие юристы, аспиранты.

Особенностью данной конференции явилось активное участие в ней представителей судебной системы Российской Федерации. На конференции выступили судья Конституционного Суда Российской Федерации В.Г. Ярославцев; председатель Третьего кассационного суда общей юрисдикции В.М. Волошин, судья Верховного Суда РФ в почетной отставке В.В. Дорошков, начальник Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда Российской Федерации О.А. Вагин, судья Второго кассационного суда общей юрисдикции Е.Г. Васильева и другие. Участие в дискуссии очно и по видеоконференц-связи принимали руководители судов, сотрудники аппарата Верховного Суда Российской Федерации, судьи и сотрудники аппаратов кассационных, апелляционных судов общей юрисдикции всей России, а также судов общей юрисдикции Северо-Западного региона.

В данном сборнике представлены тексты докладов и выступлений, прозвучавших на конференции, а также некоторые научные статьи, поступившие в адрес редакционной коллегии от коллег, которые по каким-то причинам не смогли выступить. При отборе текстов редакционная коллегия учитывала их соответствие тематике конференции, требования научной и практической значимости.

Структура сборника в основном отражает структуру конференции. Первая часть включает статьи, подготовленные на основании пленарных докладов. Остальные статьи разделены по четырем секциям: 1) «Апелляция в уголовном процессе: новые вызовы и пути их решения»; 2) «Судебные решения и их проверка после вступления в законную силу»; 3) «Актуальные проблемы проверки законности и обоснованности промежуточных судебных решений»; 4) «Гарантии обеспечения законности и обоснованности приговора в системе уголовного судопроизводства».

Организаторы конференции надеются, что ее материалы будут интересны научным работникам, судьям и другим практикующим юристам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических

вузов, а также всем, кто интересуется проблемными вопросами уголовно-процессуального права.

За большую помощь в организации, проведении конференции и выступлении с докладом на пленарном заседании организационный комитет выражает признательность председателю Третьего кассационного суда общей юрисдикции, доктору юридических наук, профессору, Заслуженному юристу Российской Федерации, Почетному работнику судебной системы Волошину Василию Михайловичу, а также всем, кто принял участие в научной дискуссии.

К.Б. Калиновский

## Часть I. Материалы пленарного заседания

Головко Л.В.  
Golovko L.V.<sup>2</sup>

### Идея «сплошной кассации» и трудности ее реализации в уголовном процессе

#### The idea of “complete” cassation and the difficulties of its realization in criminal procedure

**Аннотация.** Введение в российский уголовный процесс так называемой «сплошной кассации» является одним из важнейших процессуальных нововведений, сопровождающих создание в России апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. Однако это нововведение выглядит противоречащим некоторым классическим процессуальным аксиомам. Реально ли преодолеть данное противоречие?

**Ключевые слова:** уголовный процесс, «сплошная» кассация, кассационные суды общей юрисдикции, противоречие, процессуальные аксиомы.

**Abstract.** The introduction in the Russian criminal procedure of the so-called “complete cassation” is among the most important procedural innovations accompanying the creation in Russia of a General Jurisdiction Courts of Appeal and a General Jurisdiction Courts of Cassation. However, this innovation seems to contradict some classical procedural axioms. Is it realistic to overcome this contradiction?

**Keywords:** criminal procedure, “complete” cassation, General Jurisdiction Courts of Cassation, contradiction, procedural axioms.

Судоустройственные достижения очередного этапа нескончаемой российской судебной реформы, который связан с созданием апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, очевид-

ны. Данные суды институционально образованы, персонально сформированы и приступили к работе с 1 октября 2019 г.

Если же рассматривать сугубо *процессуальные* нововведения, сопровождающие указанные судоустройственные преобразования, то основным из них является, пожалуй, попытка имплементации в российское уголовно-процессуальное право института так называемой «сплошной кассации». Это нововведение можно считать в процессуальном смысле не только самым амбициозным, но и весьма радикальным, по крайней мере, с позиций теории обжалования судебных решений.

Нет никаких сомнений, что понятие «сплошной кассации», как и сопутствующее ему разделение кассации на «сплошную» и «выборочную», с легкой руки Верховного Суда РФ<sup>3</sup> стремительно, прочно и скорее всего надолго вошло в процессуальный научный оборот. Впрочем, дело, конечно, не в понятии, а в самой идее «назначения судебного заседания суда кассационной инстанции без предварительного решения судьи о передаче кассационной жалобы и представления», которая отменяет всяческие фильтры между участниками уголовного судопроизводства и судом кассационной инстанции, превращая кассацию из «выборочной» в «сплошную», если использовать терминологию Верховного Суда РФ.

Идея, надо признать, была встречена очень благожелательно, причем как в специально-научном дискурсе, так и в широком общественном мнении<sup>4</sup>. Дескать, зачем нужны фильтры? Они только ограничивают свободу обжалования. Если их убрать, то у граждан возникнет прямой доступ в суд кассационной инстанции, в результате чего им станет проще добиться в уголовном процессе справедливости.

По-человечески данная логика, безусловно, понятна. Но она была бы процессуально верна только в том случае, если бы наличие фильтров и отсутствие свободы обжалования были обусловлены в данном случае исключительно *техническо-организационной* невозможностью полноценного рассмотрения всей массы кассационных

<sup>2</sup> Головко Леонид Витальевич, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.

Leonid V. Golovko, Head of the Department for Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Oversight of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor.

<sup>3</sup> См. п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

<sup>4</sup> См., напр.: Куликов В. Тройка рассудит. Палата адвокатов разъяснила, как новые правила помогут гражданам исправлять судебные ошибки // Рос. газета. № 235 (7993) – <https://rg.ru/2019/10/17/kak-novye-pravila-pomogut-grazhdanam-ispravliat-sudebnye-oshibki.html> (дата обращения: 21.10.2020).

жалоб, т. е. факторами непроцессуального порядка, которые сейчас якобы преодолены с появлением в России кассационных судов общей юрисдикции.

Однако это не так. Технические факторы здесь как раз решающими не являются, поскольку у проблемы есть очевидное *процессуальное* измерение, не связанное с нагрузкой судов или условиями работы кассационных инстанций. Это требует много более осторожного и менее восторженного отношения к институту «сплошной кассации», на пути реализации которого существует немало трудностей, которые нам еще предстоит оценить. Более того, идея «сплошной кассации» в ее нынешнем виде противоречит ряду фундаментальных положений уголовно-процессуальной теории, и пока не совсем ясно, насколько данное противоречие преодолимо. Именно от них и следует оттолкнуться при обсуждении тех трудностей, с которыми рискует столкнуться институт «сплошной кассации».

Классический подход к системе пересмотра судебных решений прекрасно известен. Он базируется, в частности, на двух фундаментальных постулатах, которые до недавнего времени считались аксиомами.

*Первый постулат* заключается в том, что свобода обжалования, то есть свободный доступ лица в вышестоящую судебную инстанцию в случае подачи соответствующей жалобы, может существовать только до вступления приговора в законную силу, причем исключительно в пределах установленного и относительно непродолжительного срока. Поэтому мы откладываем вступление приговора в законную силу (суспенсивный эффект — *effectus suspensivus*), ждем в течение предусмотренного законом срока подачи всех жалоб, а затем рассматриваем их в рамках единого производства в вышестоящей инстанции.

*Второй постулат* сводится к тому, что после вступления приговора в законную силу он приобретает качества *res judicata*, которые несовместимы со свободой обжалования. При этом исправлять серьезные судебные ошибки все равно нужно, по крайней мере, *in favorem* (в сторону, благоприятную осужденному), причем независимо ни от каких сроков — иногда уже даже после исполнения наказания (в целях реабилитации). Отсюда необходимость в различных экстраординарных способах пересмотра приговоров, не ограниченных никакими сроками (*in favorem*) или иногда ограниченных весьма длительными сроками (*in defavorem*, то есть когда

речь идет об ухудшении положения осужденного), но всегда предусматривающих определенные фильтры, сдерживающие свободу обжалования. Технически они могут быть организованы по-разному, например, в виде протеста высших должностных лиц суда и прокуратуры в советском праве, предварительного решения судьи соответствующей инстанции о наличии оснований для рассмотрения жалобы в постсоветском праве и др., однако во всех случаях направлены на создание «экрана» между заинтересованными в пересмотре дела разнообразными участниками уголовного судопроизводства и судом соответствующей инстанции, что позволяет сохранять потенциал для исправления серьезных судебных ошибок едва ли не бессрочно.

Институт «сплошной кассации» в его нынешнем виде, по сути, представляет собой попытку разрушить данные постулаты или, по крайней мере, поставить под сомнение их аксиоматичный характер, совместив кассационную свободу обжалования (по правовым основаниям) с вступлением приговора в законную силу. Иначе говоря, приобретение приговором свойств *res judicata* не должно по замыслу законодателя препятствовать свободному доступу в кассационную инстанцию, причем не ограниченному никакими сроками.

Степень амбициозности данного замысла поражает еще и потому, что речь идет о случае в сравнительно-правовом смысле абсолютно *уникальном*. Никаких мало-мальски серьезных аналогов в других правовых порядках он не имеет. Если взять, например, французскую кассацию, которую принято считать архетипом данного способа пересмотра приговоров, причем как с понятийной, так и с институциональной точек зрения, то там действительно есть свобода кассационного обжалования. Однако она ограничена жестким пятидневным сроком, в течение которого действует суспенсивный эффект (приговор не вступает в силу)<sup>5</sup>. Другими словами, после апелляционного рассмотрения дела приговор становится окончательным (в плане установления и оценки фактических обстоятельств), но еще не вступившим в законную силу, поскольку у сторон есть право обратиться в течение 5 суток в высший судебный орган Франции в связи с существенными ошибками в применении права, допущенными судами первой и апелляционной инстанций, если таковые, конечно, имели место. Только после рассмотрения кассационной жалобы или истечения указанного срока на ее подачу приго-

<sup>5</sup> См., напр.: Pradel J. Procédure pénale. 15 éd. Paris: Cujas, 2010. P. 793, 801.

вор вступает в законную силу и начинает исполняться, приобретая свойства *res judicata*. К слову, именно вследствие подобного построения системы пересмотра приговоров французские участники уголовного судопроизводства не вправе обращаться в ЕСПЧ, минуя высший судебный орган своей страны, то есть путь в Страсбург всегда лежит через Париж. Это связано с тем, что кассационный пересмотр дела, предоставляющий пять суток на обжалование и связанный с отложением вступления приговора в законную силу, считается безусловно эффективным внутригосударственным способом правовой защиты, который необходимо исчерпать, прежде чем обращаться в европейские инстанции.

Но если мы, пренебрегая отмеченными выше постулатами и имеющимся сравнительно-правовым опытом<sup>6</sup>, вводим приговор в законную силу сразу после апелляционного пересмотра дела, отказываясь от установления срока на его кассационное обжалование и при этом предоставляем свободный (без фильтров) доступ в кассационную инстанцию в порядке «сплошной кассации», то немедленно возникает неизбежный вопрос: сколько раз дело может пересматриваться в кассационном порядке в одной кассационной инстанции?

В литературе на этот вопрос принято отвечать со ссылкой на ст. 401<sup>17</sup> УПК РФ, что, дескать, один раз — все остальные кассационные пересмотры дела могут иметь место лишь в порядке «выборочной кассации»<sup>7</sup>. Однако, такой ответ выглядит не только чрезмерно оптимистичным, но и не совсем понятным, поскольку в ст. 401<sup>17</sup> УПК РФ речь идет о недопустимости повторного рассмотрения кассационных жалоб, направленных «теми же лицами» «по тем же правовым основаниям». Но как быть, допустим, с другими лицами, то есть иными участниками уголовного судопроизводства, которые никаких кассационных жалоб не подавали, но сохраняют свое право на «сплошную кассацию», причем не ограниченное никакими сроками?

Если в том или ином сложном уголовном деле участвуют, например, 10 обвиняемых и 20 потерпевших, то каждый из них

<sup>6</sup> См. в более широком контексте обзор других правопорядков (помимо французского), показывающий отмеченную выше сравнительно-правовую уникальность нынешней российской «сплошной кассации»: Pradel J. Droit pénal comparé. 4 éd. Paris: Dalloz, 2016. P. 553.

<sup>7</sup> Багаутдинов Ф. Н. Новая кассация по уголовным делам: некоторые вопросы правового регулирования и деятельности // Рос. юстиция. 2020. № 1. С. 32.

имеет не только право на «сплошную кассацию», но и право действовать в своем темпе, так как никаких сроков на подачу жалобы нет: один может ее подать на следующий день после вступления приговора в законную силу, второй — через месяц или два, третий — через год и т. п. Кто-то вообще вправе решить действовать годы спустя, иногда отбыв уже срок наказания. Сколько раз тогда может пересматриваться в одной и той же кассационной инстанции уголовное дело? Проблема становится еще более острой вследствие того, что по жалобе первого участника уголовного судопроизводства (самого оперативного) дело может уже пересматриваться во второй кассационной инстанции, в порядке надзора или даже где-нибудь на уровне ЕСПЧ, тогда как второй или третий участники (более медлительные) только лишь надумали обратиться в порядке «сплошной кассации» в первую кассационную инстанцию, реализуя свое неотъемлемое процессуальное право.

Ясно, что в уголовном судопроизводстве в описанной ситуации будет наступать полный процессуальный хаос, ради недопущения которого уголовно-процессуальная теория и выработала приведенные выше непреложные постулаты (аксиомы), касающиеся обжалования судебных решений. Также ясно, что с годами при нынешнем подходе к «сплошной кассации» проблемы, быть может, не всегда видимые сейчас, будут только нарастать и накапливаться, поскольку кассационные суды начнут периодически сталкиваться с новыми кассационными жалобами по рассмотренным уже много лет назад в кассационном порядке уголовным делам, когда такие жалобы будут исходить от участников уголовного судопроизводства, которые их ранее никогда не подавали и которых при этом никак нельзя лишить принадлежащего им права на «сплошную кассацию».

Гипотетически можно обозначить лишь два возможных подхода к решению обозначенной проблемы, отдавая себе при этом отчет в том, что речь идет как раз о том случае, когда *tertium non datur* (третьего не дано).

*Первый подход* базируется, образно говоря, на принципе «кто успел первым». При этом он требует максимально широкого реви-зионного начала, возможности для которого сегодня заложены в ч. 1 и ч. 2 ст. 401<sup>16</sup> УПК РФ. Если его использовать, то дело действительно нужно пересматривать в кассационном порядке только один раз — по первой из поступивших в суд кассационной инстанции кассационных жалоб. Однако оно должно пересматриваться в пол-

ном объеме, включая тех участников уголовного судопроизводства, которые еще не подали свои кассационные жалобы, в результате чего либо приговор будет изменен в ревизионном порядке в том числе в их интересах, либо последующие кассационные жалобы будут автоматически отклоняться со ссылкой на ст. 401<sup>16</sup> УПК РФ, поскольку производство в отношении запоздалых участников уже было проверено по ранее поступившим кассационным жалобам.

Не будем анализировать данный подход с ценностной точки зрения, хотя выглядит он не совсем симпатично и не во всем полностью соответствует обещаниям законодателя предоставить право на «сплошную кассацию» *каждому* участнику уголовного судопроизводства. Однако может ли такой подход существовать технологически? В принципе, может, но только в том случае, когда речь идет об участниках уголовного судопроизводства с одной стороны, интересы которых к тому же не противоречат друг другу (например, обвиняемые, добивающиеся правильного применения уголовного закона в части назначения наказания). Но как только мы моделируем данный подход к участникам уголовного судопроизводства с разных сторон (обвиняемый и потерпевший) или даже с одной стороны, когда интересы одного противоречат другому, что должно сказываться, допустим, на квалификации деяния, то «ревизионный подход» тут же перестает быть адекватным решением, причем по сугубо процессуально-техническим причинам.

Не стоит забывать, что ревизионное начало сдерживается в уголовном процессе правилом «запрета поворота к худшему» (*non reformatio in pejus*), преодолеть которое ни при каких обстоятельствах нельзя. Поэтому если приговор пересматривается, например, по кассационной жалобе обвиняемого, после чего какое-то время спустя кассационную жалобу подает уже потерпевший, то мы не вправе ответить второму, что уже пересмотрели дело в ревизионном порядке, в том числе в его интересах по жалобе первого, поскольку это даже гипотетически невозможно в силу «запрета поворота к худшему». Поэтому сколь широким не был бы «ревизионный подход» и каково бы не было наше ценностное отношение к нему в интересующей нас ситуации, его технологические возможности в любом случае ограничены, как минимум, правилом «запрета поворота к худшему». Следовательно, полностью проблему он не решит.

*Второй подход* основан на известном принципе «накопления жалоб», когда надо дожидаться всех кассационных жалоб от всех

участников уголовного судопроизводства, после чего рассмотреть их в рамках единого кассационного производства. Он удобен и понятен, но в обязательном порядке требует установления срока, поскольку «накопление жалоб» не может длиться бесконечно. При этом такой срок должен быть разумным и компактным, исчисляясь несколькими днями, неделями, быть может, месяцем или двумя, но ни в коем случае не растягиваясь на годы.

В этом смысле появление законопроектов, направленных на установление месячного или двухмесячного срока на подачу кассационной жалобы, которые стали обсуждаться и разрабатываться еще даже начала работы кассационных судов общей юрисдикции<sup>8</sup>, более чем закономерно. Эту инициативу следует поддерживать и остается лишь сожалеть, что соответствующие положения отсутствовали в изначальном тексте Федерального закона от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ, процессуально сопровождавшего создание кассационных судов общей юрисдикции. Такой подход к решению обозначенных здесь проблем, скорее всего, является неизбежным, на нем рано или поздно придется остановиться. Обсуждению подлежит разве что срок для направления кассационных жалоб, который не должен чрезмерно отличаться от сроков апелляционного обжалования, хотя этот вопрос является, пожалуй, сугубо техническим.

Но тогда возникает один фундаментальный вопрос: если мы устанавливаем относительно небольшой срок (пусть даже месяц или два) для «накопления» всех потенциальных кассационных жалоб, после чего дело с высокой степенью вероятности будет пересматриваться в кассационной инстанции, то почему вводим приговор в законную силу не после, а *до* его кассационной проверки? Зачем начинаем исполнять приговор, нередко увозя осужденного далеко от кассационной инстанции (в случае осуждения, например, к лишению свободы), если знаем, что дело будет еще пересматриваться в кассационной судебной инстанции в порядке «сплошной кассации», вследствие чего нам вскоре придется неизбежно решать непростые технические вопросы обеспечения в той или иной форме права осужденного на участие в кассационном производстве? Насколько это разумно и рационально?

Установление компактного срока для «накопления» жалоб всегда должно быть обеспечено суспенсивным эффектом (*effectus*

<sup>8</sup> См., напр.: Кудрявцева А. В. Создание апелляционных и кассационных судов повысит авторитет судебной власти // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 48.

*suspensivus*), в результате которого откладывается вступление приговора в законную силу. Кассационное производство не может быть исключением. Такой подход безупречен теоретически, он позволит вернуть кассацию в классическое процессуальное русло, когда она станет не столько «сплошной», сколько нормальной.

Но тогда требуется избавиться от постсоветского мифа о том, что кассация, перестав быть второй инстанцией в советском духе, должна непременно превратиться в способ пересмотра приговоров, *вступивших* в законную силу, что сегодня и произошло и что блокирует реализацию в кассационной инстанции принципа свободы обжалования (по правовым основаниям). Откуда этот миф взялся?

Если не вдаваться в детали, то следует вспомнить, что вопрос о моменте вступления итогового судебного решения в законную силу (после апелляции или после кассации) никогда в континентальном уголовном и гражданском судопроизводстве не решался одинаково. В уголовном судопроизводстве ситуация понятна: приговор становится окончательным после апелляции (факты более не осуждаются), но вступает в законную силу только после кассации или истечения срока на нее. Такой подход не ставился и не ставится под сомнение ни во французском, ни в российском дореволюционном праве, если брать ключевые для нас при оценке института классической кассации процессуальные системы.

В гражданском судопроизводстве ситуация складывалась сложнее. Французы всегда отдавали себе отчет, что гражданских дел чрезмерно много и многие из них слишком незначительны (мелкие денежные споры и т.п.), чтобы полностью копировать уголовно-процессуальные подходы. Поэтому на вопрос о том, в какой момент судебное решение по гражданскому делу вступает во Франции в законную силу, однозначного ответа нет. Чаще всего оно вступает в законную силу после апелляции. Но только потому, что шансов на кассацию у сторон нет, для чего требуется подтверждение Кассационного суда, которое можно получить едва ли не в автоматическом режиме, прося о немедленном исполнении решения. Если же такие шансы появляются (дело значимо, по нему затрагиваются важные правовые проблемы и т. п.), то решение вступит в законную силу после кассации. Можно сказать, что в гражданском процессе французская кассация откладывает вступление решения в законную силу (имеет *супенсивный эффект*), однако не является при этом «сплошной» (используя нашу новую терминологию).

Составители Устава гражданского судопроизводства 1864 г. решили редуцировать все французские сложности, установив правило, что «кассации подлежат лишь решения, вступившие в законную силу»<sup>9</sup>, то есть в отличие от уголовного судопроизводства в гражданском судопроизводстве судебное решение должно не только становиться окончательным, но и вступать в законную силу не после кассационного, а после апелляционного пересмотра. Так возникла известная дифференциация подходов в российском дореволюционном уголовном и гражданском процессе.

Создатели системы современных российских арбитражных судов, где впервые в середине 1990-х гг. «обкатывалась» постсоветская кассация, будучи цивилистами, изучали в поисках теоретической опоры, разумеется, только Устав гражданского судопроизводства. Поэтому для них было очевидным, что кассация — это пересмотр исключительно вступивших в законную силу судебных решений. Иной подход, существовавший в дореволюционном российском уголовном судопроизводстве, для них просто не имел значения, в чем их сложно упрекать.

Удивительно другое: архитекторы уголовно-процессуальных реформ, которые должны были по идее искать классические истоки уголовно-процессуальной версии кассационного производства во французском праве или Уставе уголовного судопроизводства, в качестве модели взяли почему-то цивилистическую отечественную версию кассации по образцу Устава гражданского судопроизводства или современного арбитражного процесса. В результате всех этих перипетий появился некий унифицированный вариант кассации, созданный именно по цивилистическому образцу, где приговор, как и решение по гражданскому делу, вступают в силу после апелляции, а кассационное обжалование осуществляется уже в отношении вступивших в законную силу итоговых уголовно-процессуальных решений. К классической версии кассации в уголовном судопроизводстве такой подход никакого отношения не имеет.

Удастся ли избавиться от мифа, что классическая кассация связана с пересмотром приговоров, вступивших в законную силу? Сложно сказать. Но есть вероятность, что без этого нам так и не удастся не только процессуально корректно имплементировать институт «сплошной кассации», то есть свободу обжа-

<sup>9</sup> Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907. С. 293.

ния в кассационной инстанции, преодолев обозначенные выше трудности, но и построить эффективную систему пересмотра приговоров в целом.

#### Список литературы:

1. *Багаутдинов Ф. Н.* Новая кассация по уголовным делам: некоторые вопросы правового регулирования и деятельности // Рос. юстиция. 2020. № 1. С. 31–35.

2. *Гольмстен А. Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907. 426 с.

3. *Кудрявцева А. В.* Создание апелляционных и кассационных судов повысит авторитет судебной власти // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 47–53.

4. *Куликов В.* Тройка рассудит. Палата адвокатов разъяснила, как новые правила помогут гражданам исправлять судебные ошибки // Рос. газета. № 235 (7993) – <https://rg.ru/2019/10/17/kak-novye-pravila-pomogut-grazhdanam-ispravliat-sudebnye-oshibki.html> (дата обращения: 21.10.2020).

5. *Pradel J.* Droit pénal comparé. 4 éd. Paris: Dalloz, 2016. 1116 p.

6. *Pradel J.* Procédure pénale. 15 éd. Paris: Cujas, 2010. 883 p.

Дорошков В.В.  
Doroshkov V.V.<sup>10</sup>

#### Плюсы и минусы проверочных инстанций в современном уголовном процессе России

#### Pros and cons of verification authorities in modern criminal procedure in Russia

**Аннотация.** В статье рассматриваются положительные и отрицательные стороны в оценке реформы проверочных судебных инстанций в аспекте исторического этапа развития цивилизационного права.

**Ключевые слова:** апелляция, кассация, уголовный процесс.

**Abstract.** The article examines the positive and negative aspects in assessing the reform of the verification courts in the aspect of the historical stage in the development of civilization law.

**Key words:** appeal, cassation, criminal procedure.

Как справедливо подметил Председатель Конституционного Суда РФ профессор В.Д. Зорькин: «для каждого исторического этапа, для каждого государства в разные исторические периоды их существования нужны особенные модели такого регулирования, тонкая настройка механизмов правового регулирования, а поэтому «право будущего» — недостижимый идеальным концепт, который по мере приближения к нему будет снова меняться и отдаляться. Вместе с тем у цивилизации права есть общие для всех исторических периодов фундаментальные основы, остающиеся неизменными: ценности равенства и свободы, добра и справедливости»<sup>11</sup>.

<sup>10</sup> Дорошков Владимир Васильевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Заслуженный юрист РФ, Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации (в отставке).

Vladimir V. Doroshkov, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Lawyer of the Russian Federation, Secretary of the Plenum, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (retired).

<sup>11</sup> *Зорькин В.Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.

Подобный диалектический подход полностью применим к оценке реформирования проверочных инстанций в отечественном уголовном судопроизводстве. Ученые, оценивающие реформы, должны также руководствоваться теорией «эвристики доступности» Даниеля Канемана, делая свои выводы не на близкой и доступной информации об объекте исследования, а на фактах, изучение которых потребует от ученых больших творческих сил.

Из уст ученых, правоприменителей и лиц, непосредственно столкнувшихся с апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции, уже прозвучали положительные и отрицательные оценки реформам судоустройства и судопроизводства, которые можно условно подразделить на важные и второстепенные.

*Плюсы:*

1. Суды апелляционной и кассационной инстанций не находятся в зависимости от других судов региона, чье решение подлежит проверке, что способствует большей независимости судей при проверке обжалуемых решений.

Между тем, в юридической литературе неоднократно отмечалось, что тезис о связанности судей одного региона межличностными отношениями вследствие чего не обеспечивается объективность контрольной кассационной функции, выигрышно звучит лишь в СМИ, а на профессиональном уровне данный тезис - всего лишь гипотеза. Весомым аргументом в данном споре могла бы стать статистика корректировки второй кассационной инстанцией судебных актов первой кассационной инстанции, но для обоснования законопроекта подобные сведения не использовались.

2. Верховный Суд РФ, не рассматривающий ныне уголовные дела по первой инстанции, освобожден от рассмотрения дел в качестве суда апелляционной инстанции. Тем самым, Высший Суд страны, в отличие от административных, арбитражных и гражданских дел по-прежнему освобожден от проверки судебных решений по уголовным делам в апелляционном порядке. Данное обстоятельство, к сожалению, не способствует унификации всех видов судопроизводства.

3. Суды общей юрисдикции включились в «сплошную кассацию», т.е. суд принимает к производству любую жалобу, которая по формальным признакам соответствует требованиям УПК РФ. Предполагается, что такое новшество повысит качество рассмотрения жалоб и поспособствует улучшению гарантий судебной защиты. Однако следует признать, что кассационных судов

общей юрисдикции мало, и они могут не справиться с объемом поступающих жалоб, что скажется на качестве принимаемых ими судебных решений. С учетом огромного количества уголовных дел и материалов, рассматриваемых ныне российскими судами, без учета экономического критерия, возникает проблема реального своевременного рассмотрения всех дел силами судей кассационных судов (всего лишь 600 судей) *несколько миллионов материалов* ежегодно.

Так, российскими судами в 2019 г. только в порядке уголовного судопроизводства рассмотрено 749 тыс. уголовных дел в отношении 822 тыс. лиц. Далее статистика разведена на два порядка рассмотрения. В особом порядке было рассмотрено 55 % дел (в отношении 450 тыс. лиц) и осуждено 84 % (376 тыс. лиц). Остальные уголовные дела прекращены судом. В общем порядке дел рассмотрено меньше — 45 % (в отношении 372 тыс. лиц), а осуждено 66 % (245 тыс. лиц). 31 % дел (в отношении 117 тыс. лиц) прекращен судом, в 2 % случаев (в отношении 8,2 тыс. лиц) применены принудительные меры медицинского характера, и только 1 % оправдан (2,2 тыс. лиц). После внесения изменений в главу 40 УПК РФ количество уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке, снизится. Можно ли при таких обстоятельствах вводить в УК РФ «уголовный проступок», забывая о необходимости гармонизации законодательства, руководствуясь одним лишь принципом гуманизации, не учитывая мнения потерпевших?

Кроме того, следует признать, что вместо упрощения процедуры проверки и пересмотра обжалованных судебных решений мы получили их достаточное усложнение и существенный рост материальных затрат на отечественную судебную систему. Только в 2019 г. из бюджета расходы на судебную систему составили 196,3 млрд. рублей.

А ведь на 9 Съезде судей России Президент РФ В. В. Путин в своем выступлении уже обращал внимание на то, что «остается по-прежнему острой проблема перегрузки судов. Иногда невозможно тащить такой огромный объем работы, что сказывается на качестве судебных актов и приводит к судебным ошибкам»<sup>12</sup>.

4. Закон установил одинаковые для апелляционных и кассационных СОЮ требования к представителям сторон, теперь это должны быть только адвокаты, юристы с высшим юридическим

<sup>12</sup> Путин В. В. Выступление на 9 съезде судей РФ 6.12.2016 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения: 26.09.2020).

образованием либо кандидаты или доктора наук. Профессионализация судебной деятельности — это необходимость, которую осознает все большее число специалистов. И прежде всего сама судебная система. Государство должно взять на себя расходы на оплату юридической помощи малоимущим.

5. В качестве новеллы законодательно закреплено, что к кассационной жалобе могут приобщаться новые документы и доказательства, и суд кассационной инстанции не может отказать в их принятии и рассмотрении. Данная новелла будет способствовать более полной и объективной проверке обжалованных судебных решений не только по вопросам права, но и факта.

6. Отсутствует условие обязательного апелляционного обжалования судебного акта, предшествующего подаче кассационной жалобы. Тем самым расширяется перечень судебных решений, подлежащих проверке в кассационном порядке.

7. У кассационных судов появилось новое право возвращать уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Вследствие такого новшества кассационные суды смогут сократить сроки устранения недостатков предварительного расследования.

8. Пересмотр судебного решения в кассационном порядке к худшему стал возможен, хотя бы в тех случаях, когда в ходе предшествующего судебного разбирательства были допущены нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Полный запрет на пересмотр приговоров в сторону ухудшения положения осужденного в суде кассационной инстанции противоречил принципу справедливости правосудия.

9. Теперь решение может быть отменено или изменено кассационным судом и в том случае, если оно противоречит установленным судом фактическим обстоятельствам дела. В закон также введено указание на допущенные при рассмотрении дела процессуальные нарушения, которые станут безусловными основаниями для отмены решения кассационным судом. Среди них рассмотрение дела судом в незаконном составе, отсутствие протокола судебного заседания, принятие судом решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, и другие.

*Минусы:*

1. По-прежнему суды апелляционной и кассационной инстанции не призваны устанавливать истину, они лишь устраняют судебные ошибки. В связи с распространением института помощни-

ков судей фактически остается опасность, что реально проверять обжалуемые судебные решения будут не более высококвалифицированные, опытные судьи, а аппарат судов. Остается опасность формального рассмотрения жалоб и во вновь созданных апелляционных и кассационных судах. Ограничены пределы пересмотра судебных решений по вопросам факта, принятых судами с участием присяжных заседателей и дел, рассмотренных в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ и т. п. Не исключен «конвейер», при котором жалобы будут рассматриваться быстро, без тщательного изучения обстоятельств дела. Не разработаны эффективные механизмы контроля со стороны Верховного Суда РФ за апелляционными и кассационными судами, позволяющие оперативно выявлять и устранять формализм в этих судах особенно в периоды большой загруженности их делами.

2. Удаленность судов апелляционной и кассационной инстанции влечет для граждан дополнительные трудности и материальные затраты: транспортные расходы, оплата командировочных услуг адвокатов, поиск и привлечение в дело защитников, практикующих по месту нахождения кассационных судов. Эффективность дистанционного участия граждан в судебных процессах сомнительна, поскольку могут возникать технические проблемы связи, которые не позволят полноценно доносить до судей. Изначально идея судебной реформы была в том, чтобы реформировать организацию именно региональных судов. Разбить их связь с местной властью, создав судебные округа. Чтобы судебный округ не совпадал с административно-территориальным делением. Но реформа пошла по другому пути: она оставляет систему судов общей юрисдикции прежней. Только между региональными судами и Верховным судом РФ появляются две промежуточные инстанции. Хотя полезный эффект в данной ситуации тоже присутствует, но больше косметического плана.

3. Результативность рассмотрения жалоб от территориального разделения судов первой и кассационной инстанций реально не повысится, а лишь искусственно может изменяться в силу либо чрезмерного расширения оснований отмены судебных решений, либо вследствие снижения качества рассмотрения дел в судах первой инстанции, боясь нарушить процессуальные сроки;

а) эффективность наказания не зависит от наличия множества проверочных инстанций (от момента совершения преступления до его отбывания проходит большой срок);

б) количество исправленных ошибок может свидетельствовать не только об улучшении качества работы проверочных инстанций, но и об ухудшении предварительного расследования и судебного разбирательства в суде первой инстанции;

в) исключение полноты и всесторонности из оснований отмены судебного решения суда первой инстанции, института дополнительного расследования влияет на правильность установления фактических обстоятельств дела.

4. На стадиях проверки судебного решения в апелляции, кассации исключаются либо существенно сужается действие принципов правосудия (полнота, всесторонность, объективность, состязательность). Суд апелляционной инстанции может переоценить доказательства и установить совершенно иные фактические обстоятельства дела, а суд кассационной инстанции вправе проверять такое решение апелляционной инстанции только по вопросам права. Принцип правовой определенности, хотя и не указан ни в Конституции, ни в УПК РФ, но реально стал конкурировать в апелляционных и кассационных судах с иными отраслевыми принципами, а на практике зачастую рассматривается в качестве приоритетного.

5. Кассационное производство дифференцировано на порядок сплошной и выборочной кассации. Сплошная кассация, уже без всяких стеснений именуется ординарной формой проверки. Предлагается установить двухмесячный срок для подачи жалоб в порядке сплошной кассации. Такой срок особенно по групповым, многоэпизодным, многотомным делам не позволит всесторонне и полно проанализировать в целом производство по делу, выявить все (возможные) ошибки следственных органов и суда, составить по этим моментам, исчерпывающе обоснованную кассационную жалобу.

6. Положение потерпевших ухудшается вследствие сомнений у вышестоящих судебных инстанций в необъективности суда первой инстанции, непосредственно исследовавшего все материалы дела. Им приходится нести дополнительные затраты из «собственного кармана» для защиты своих интересов в судах апелляционной и кассационной инстанций, находящихся в других регионах. Тем самым нарушается шаговая доступность правосудия для населения. Поэтому неспроста «героем нашего времени» становится «ворошиловский стрелок».

7. Не учитываются исторические аспекты проблемы пересмотра судебных решений, конкретная социальная среда и государственное устройство и статус судей при реформировании права в

части апелляционного и кассационного порядка пересмотра судебных решений.

Например, во Франции смена систем обжалования судебных решений происходила через буржуазные революции, в Германии — в большей степени благодаря традициям римского права, в Англии — через общинный уклад жизни. Экстраординарный вид судопроизводства, при котором дело решалось единолично должностным лицом без передачи его на рассмотрение судьи, постепенно стало обычным порядком рассмотрения дел. Поскольку судебная власть осуществлялась государственными чиновниками, стоявшими в строгой иерархической подчиненности и черпавшими свои полномочия из единого источника, допускалась неоднократная апелляция в вышестоящую инстанцию, вплоть до императора.

В России же существовали своя история и особые традиции обжалования судебных решений. Изначально власть разрешать споры принадлежала главе семьи или рода, ничем не ограничивалась, а впоследствии перешла во власть судить челядь (владельческий суд). *Таким образом, первоначально судопроизводство по жалобе имело вид суда с судьей.*

Отказ советского процесса от апелляции носил, скорее, формальный характер. На деле советская кассация имела слишком заметное сходство с апелляцией. Суд кассационной инстанции не только проверял правильность применения законов нижестоящим судом, но и, в отличие от традиционной кассации, входил в рассмотрение фактических обстоятельств дела. Не мог суд, состоящий из чиновников, проверять решение «народного суда».

9. Вызывает обоснованное сомнение требование о приобщении к кассационной жалобе заверенных судом оспариваемых судебных актов, если теперь любое дело (или опись и отдельные документы из дела, когда обжалуются некоторые определения), направляются в апелляционный и кассационный суды из суда первой инстанции. Зачем же требовать от заявителя кассационной жалобы приложения тех документов, которые будут в материалах, которые суд первой инстанции передаст в суд кассационной? Зачем эти очереди в канцеляриях районных судов, нагрузка на аппарат по бессмысленному заверению копий судебных актов для приложения их к кассационным жалобам?

10. Высказано вполне реалистическая позиция ученых, согласно которой апелляционное производство является не повторным рассмотрением дела в суде вышестоящей инстанции, а формой

реализации контроля вышестоящего суда за законностью отправления правосудия нижестоящим судом. Если будет заявлено ходатайство об исследовании новых доказательств, заявитель обязан обосновать в апелляционной жалобе или представлении невозможность представления этих доказательств в суд первой инстанции. Данное положение, свойственное диспозитивному процессу, необоснованно распространено на публичный процесс. Все это — ради сокращения начала непосредственности судебного разбирательства. Эта же цель преследуется исключением из порядка апелляции правила, согласно которому суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон, и некоторыми другими нововведениями.

Создание звена автономных кассационных судов позволило изменить порядок деятельности кассационной инстанции. Для первого кассационного рассмотрения предусмотрена так называемая «сплошная кассация». Само по себе такое новшество возражений не вызывает — пусть каждое обращение рассмотрит собственно кассационная инстанция в составе коллегии судей. Но настораживают ажиотаж, с которым вводится сплошная кассация, и акцент на существенном несовершенстве выборочной кассации. Особенно недопустимо в столь важном для российского судоустройства и судопроизводства вопросе прибегать к популистским утверждениям, что ранее в предварительном кассационном производстве отсеивались жалобы практически производились помощниками судей и секретарями, а теперь положение будет исправлено и рассмотрение всех жалоб станет осуществлять собственно кассационная инстанция в составе судей.

В российском судопроизводстве юридически восстановлен принцип рассмотрения уголовных дел в двух инстанциях. Однако классическое апелляционное производство, близкое по сущности к производству в суде первой инстанции, так и не создано. Усиленно развиваются инстанции и процедуры кассационного производства, хотя судебные акты к этому моменту уже вступили в законную силу и исполняются. Если идти на затраты, то не логичнее ли вместо пяти апелляционных судов, которые охватывают незначительную часть судебных решений и всего лишь освобождают Верховный Суд РФ от апелляционной нагрузки, и девяти кассационных судов создать определенное количество апелляционных судов, выступающих вышестоящей инстанцией по отношению к районным и об-

ластным (краевым) судам, либо создать в составе областных (краевых) и районных судов структурно обособленных и обеспеченных ресурсами апелляционных коллегий, поскольку пересмотр судебных актов должен быть своевременным, а не отложенным до вступления их в законную силу. Особенно для решений мировых судей и следственных судей.

11. Вопрос о необходимости повторного вызова и допроса в суде апелляционной инстанции свидетелей закон относит к дискреционным полномочиям суда. В соответствии с ч. 7 ст. 389<sup>13</sup> УПК РФ, суд выясняет у сторон мнение о необходимости проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции, и с согласия сторон вправе рассмотреть апелляционную жалобу или представление без их проверки. Это положение означает, что для того, чтобы рассмотреть дело в апелляционном порядке без исследования тех доказательств, которые уже были предметом проверки судом первой инстанции, суду требуется еще получение согласия сторон.

Вместе с тем для решения вопроса о вызове уже допрошенных судом первой инстанции свидетелей, существует иное правило: свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в суде апелляционной инстанции, только в том случае, если суд признает их вызов необходимым. При принятии решения о необходимости допроса таких свидетелей, суды исходят из того, будут ли показания этих свидетелей иметь значение для вывода суда о законности, обоснованности и справедливости обжалуемого приговора, законности и обоснованности иного обжалуемого судебного решения.

12. *Новые кассационные суды должны заставить нижестоящие инстанции уважать и учитывать свои правовые позиции и разъяснения Верховного Суда РФ, чтобы в судах первой инстанции было больше определенности.* Именно окружные суды смогут заставить суды первой инстанции пристально следить за развивающейся практикой правоприменения, изучать «прецеденты» Верховного Суда РФ, а также формулировать свои правовые позиции относительно вопросов права. Во многих континентально-европейских правовых порядках устоявшаяся практика высшего суда фактически предопределяет развитие практики в нижестоящих судах, не будучи при этом источником права. В России сейчас в сфере толкования и применения норм права в судах общей юрисдикции наблюдается полный разнобой. Региональное правосудие про-

цветает, разные суды толкуют одну и ту же норму закона по-разному, что явно неправильно.

13. Кассационным судам следует принципиально пересмотреть подходы к составлению своих решений. *Во-первых*, их тексты должны не только разрешить спор, но и унифицировать судебную практику, ясно разрешать некий вопрос права (например, толкования законодательной нормы), чтобы нижестоящие суды не повторяли аналогичные ошибки. В частности, следует ссылаться на свою же практику и периодически отменять решения нижестоящих судов, которые ее игнорируют. *Во-вторых*, тексты процессуальных документов должны демонстрировать модель правовой аргументации для нижестоящих судов, чтобы те видели лучшие образцы, которым стоит подражать. *В-третьих*, по актам вышестоящих судов во многом судят о состоянии права в стране. Акт кассационного суда должен быть первоклассным правовым текстом, в котором излагается четкая правовая позиция по вопросам права, который не стыдно обсуждать на юридических форумах и читать практикующим юристам. Сейчас же это, мягко скажем, совсем не так в силу различных причин.

14. Наверняка, в ближайшее время потребуется активная деятельность Президиума и Пленума Верховного Суда РФ в адекватном формировании правовых позиций при рассмотрении дел в административном, арбитражном, гражданском и уголовном порядке, каким ранее был Пленум Верховного Суда СССР, рассматривающий конкретные уголовные дела в порядке надзора. Каким образом отразится на процессе формирования судебных precedентов переезд высшего суда страны из Москвы в Санкт-Петербург — тоже большой вопрос? Тем более что реализация этой идеи длится уже много лет, но до сих пор нет четкой даты переезда, который откладывается под различными предложениями, в отличие от той же идеи создания апелляционных и кассационных судов в судах общей юрисдикции.

Следовательно, анализ положительных и отрицательных положений современных проверочных судебных инстанций в стране позволяет сделать следующие выводы.

*Во-первых*, несмотря на отдельные положительные моменты в реформировании отечественных проверочных судебных инстанций имеются существенные недостатки, требующие своего разрешения, поскольку не учитывают полностью такие общечеловеческие ценности как равенство, свободу, добро и справедливость.

*Во-вторых*, подобное реформирование осуществлено достаточно поспешно, без учета экономического, политического, нравственного и научного критериев, а также без убедительной аргументации ее необходимости именно в настоящий момент.

*В-третьих*, отечественный уголовный процесс должен стать своеобразным эталоном для подражания и копирования нашего опыта другими государствами.

#### **Список литературы:**

1. *Зорькин В.Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. № 6. 2020. с. 7–19.
2. *Путин В.В.* Выступление на 9 съезде судей РФ 6.12.2016 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения 26.09.2020).

**Проблемные вопросы кассационных оснований  
для отмены и изменения судебных решений  
в уголовном процессе**

**Problematic issues of cassation grounds for canceling  
and changing court decisions in criminal proceedings**

**Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы оснований для кассационного производства по уголовным делам и проверки судебных решений, вступивших в законную силу.

**Ключевые слова:** уголовный процесс, кассация, судебное решение

**Abstract.** The article examines the problems of the grounds for cassation proceedings in criminal cases and verification of court decisions that have entered into legal force.

**Keywords:** criminal procedure, cassation, court decision

В УПК РФ указаны три группы оснований для кассационной (надзорной) отмены или изменения судебных решений:

1) *существенные* нарушения уголовного и уголовно-процессуального законов, повлиявшие на исход дела (ч. 1 ст. 401<sup>15</sup>, ч. 1 ст. 412<sup>9</sup>);

2) нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, повлиявшие на исход дела и влекущие ухудшение положения осужденного (ст. 401<sup>6</sup>, ч. 2 ст. 412<sup>9</sup>);

3) несоблюдение лицом условий и невыполнение им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве (ч. 1 ст. 401<sup>15</sup>, ч. 1 ст. 412<sup>9</sup>).

<sup>13</sup> Смирнов Александр Витальевич, советник Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Alexander V. Smirnov, Counselor of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Вторая группа указанных оснований в практике некоторых высших судов получила название *фундаментальных* нарушений.

Так, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а именно п. 2 ст. 4 Протокола № 7 (в редакции Протокола № 11), установлено, что право не привлекаться повторно к суду или повторному наказанию не препятствует повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно — процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах либо если в ходе предыдущего разбирательства было допущено существенное нарушение (т. е. имеющее *фундаментальный*, принципиальный характер — «a fundamental defect» в английском тексте, «un vice fondamental» во французском тексте), повлиявшее на исход дела.

Конституционный Суд РФ в своих постановлениях от 17 июля 2002 г. № 13-П и от 11 мая 2005 г. № 5-П подтвердил, что пересмотр вступившего в законную силу судебного решения возможен лишь при обнаружении допущенных на предыдущих стадиях процесса *существенных нарушений*, которые имеют *фундаментальный*, принципиальный характер и *повлияли на исход дела*.

При этом ни УПК, ни Европейская Конвенция не раскрывают понятий *существенных* и *фундаментальных* нарушений закона, в связи с чем возникает ряд вопросов, как то:

А. Равнозначны ли понятия *существенных* и *фундаментальных* нарушений, или последние выступают как своего рода квалифицированная разновидность нарушений *существенных*?

В. Каковы отличительные признаки *существенных* и (или) *фундаментальных* нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона?

С. Что такое «исход дела», и как именно нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона должны на него повлиять?

В определенной мере ответ на первый вопрос можно найти в правовых позициях Конституционного Суда РФ. В Постановлении от 17 июля 2002 г. № 13-П он указал: «Поворот к худшему в порядке надзора допускается лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки *искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей*, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших». В этом смысле *фундаментальные* нарушения отличаются от *существенных* нару-

шений закона, превосходя их по своей негативной значимости. Тем не менее, в этом фрагменте присутствуют сразу три понятия: *суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия и необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей*, смысл и соотношение которых требуют истолкования.

Как можно вывести из данного определения, функциональная сущность первых двух — юридически не слишком операциональных — признаков («суть правосудия» и «смысл приговора как акта правосудия») может быть выявлена лишь через их функциональную роль, а именно через *разрушение баланса конституционно защищаемых ценностей*, которое, собственно, и рассматривается как критерий этого самого «искажения сути правосудия и смысла приговора». Понятие же баланса конституционных ценностей часто встречается в решениях Конституционного Суда, будучи достаточно разработанным. В целом можно сказать, что баланс конституционно-правовых ценностей рассматривается как их динамическое равновесие.

При этом баланс частных и публичных интересов в наиболее общей форме регулируется в Конституции РФ следующими ее положениями:

— человек, его права и свободы являются *высшей ценностью*. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и Конституции РФ — обязанность государства (ст. 2, ч. 1 ст. 17);

— права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18);

— осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать [смежные] права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17), что транслирует в правовую сферу известное философское положение о том, что пределы свободы каждого заканчиваются там, где начинаются такие же свободы другого лица;

— права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов *других* лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

Таким образом, конституционный баланс ценностей и интересов выражается: во-первых, в первенстве прав и свобод человека, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права и Конституции РФ, по отношению к интересам государства; во-вторых, в ограничении пределов осуществления индивидуальных прав и свобод сохранением возможности для беспрепятственного осуществления своих прав и свобод другими такими же индивидами.

Следовательно, фундаментальными следует считать лишь такие нарушения закона, которые: 1) без необходимости и несоразмерно ограничивают ради публичного интереса права и свободы личности, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права и Конституции РФ; 2) несоразмерно ущемляют права, свободы и законные интересы лица в пользу других лиц.

Таким образом, исходя из названных конституционных положений, получается, что, например, неподписание судьей оправдательного приговора, будучи, безусловно, существенным нарушением уголовно-процессуального закона, вполне достаточным для отмены любого приговора в апелляционном порядке, не может, на наш взгляд, признаваться нарушением фундаментальным, допускающим ухудшение положения осужденного или оправданного в кассационном порядке или в порядке надзора, поскольку оно, хотя и лишает такой приговор значения акта правосудия, однако не выходит за рамки конституционного баланса ценностей, при котором интерес личности нормативно превышает интерес государства. Точно так же назначение виновному слишком мягкого наказания, хотя и остающегося в пределах санкции уголовного закона, будучи существенным нарушением и апелляционным основанием для изменения приговора, не может считаться в кассации и надзоре фундаментальным.

Мне могут, конечно, возразить в этом пункте, указав, что такого рода ошибками нарушаются *права других лиц*, в частности, потерпевшего, что может подпадать под перечень исключений, указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако следует заметить, что нарушения нарушениям рознь, и право потерпевшего на защиту его интересов посредством абсолютно точного приговора во многих случаях встречает оппонента в форме принципа *res judicata* — в данном случае реализующегося в виде запрета другой стороне (прокурору и потерпевшему) ссылаться на собственную правовую ошибку или недоработку в минувшем

судебном разбирательстве<sup>14</sup>, т. е., по сути, в виде эстоппеля или, в континентальной правовой традиции, принципа «*venire contra factum proprium*» (лат.).

Однако, с другой стороны, если следовать духу и букве Конституции, то, вероятно, следует признавать фундаментальным нарушение, выразившееся в неправильной квалификации предусмотренных УК РФ преступлений с определенными особо значимыми объектами, корреспондирующими тем, которые перечислены в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а именно, направленных: против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29), нравственности — в частности, преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18); против жизни и здоровья (гл. 16); против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25); против собственности (гл. 21); против общественной безопасности (гл. 24). Здесь общепризнанное право личности на стабильность вступившего в законную силу судебного решения (*res judicata*) отступает перед публичным интересом, конституционно защищаемым в силу его особой значимости, и поворот обвинения к худшему возможен, несмотря на вступление решения в силу.

Следовательно, можно предположить, что по всем другим видам преступлений с иными родовыми объектами принцип *res judicata*, наоборот, должен препятствовать повороту обвинения к худшему ввиду ошибок квалификации для вступивших в законную силу решений.

Кроме того, в силу отмеченного выше конституционно-правового баланса встречных *индивидуальных* свобод и ценностей, неправомерный отказ гражданскому истцу в удовлетворении его исковых требований к обвиняемому либо непризнание обвиняемого в необходимых случаях гражданским ответчиком также, по видимому, могут считаться фундаментальными нарушениями и т. д.

Следующий из поставленных нами вопросов — что следует считать нарушениями норм закона, которые влияют на исход дела?

<sup>14</sup> Распространенная форма принципа *res judicata*, используемая в английских судах: «Суд требует от сторон процесса, чтобы они предъявили свои аргументы целиком, и не допускает (за исключением особых случаев), чтобы те же стороны открыли обсуждение того же предмета в отношении вопроса, который мог быть поднят как часть предмета спора, но не был поднят, лишь потому, что они по неосторожности, невнимательности, или даже случайно, пропустили часть своих аргументов» (вице-канцлер Уигрэм).

С материально-правовыми нарушениями все более менее ясно — это неверная квалификация или назначение наказания, не предусмотренного уголовным законом. Проблема заключается, прежде всего, в процессуальных нарушениях. Ведь в широком смысле таковыми можно считать и нормативное требование *обоснованности* судебного решения (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), в том числе фактами и доказательствами. А это автоматически переводит проблему в плоскость *доказанности* обвинения. Но в таком случае исчезает водораздел между кассацией (надзором) и апелляцией. Кстати, судебная практика часто идет именно по этому пути, и в кассационных актах анализируются доказательства с выводами об обоснованности (или необоснованности) итогового решения. Так, в постановлениях судей об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции стандартными являются такие, например, формулировки:

«В соответствии с ч.1 ст. 401<sup>15</sup> УПК РФ, основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Существенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену судебных решений, при рассмотрении уголовного дела, допущено не было. Дело расследовано и рассмотрено всесторонне, полно и объективно. Всем доказательствам суд дал надлежащую правовую оценку.

Выводы суда о виновности осужденного в совершении указанных преступлений основаны на достаточной совокупности исследованных доказательств, проверенных и оцененных в судебном заседании с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности, в соответствии со ст. 88 УПК РФ, подробно и полно приведенных в приговоре суда и апелляционном определении...»<sup>15</sup>. (Далее в постановлении дается анализ доказательств виновности осужденного).

Или:

«...Судом первой инстанции правильно установлены фактические обстоятельства дела, судебное разбирательство проведено полно и всесторонне, верно квалифицированы действия Тропина

<sup>15</sup> Постановление № 4У-279/2019 от 26 апреля 2019 г. по делу № 4У-279/2019. Смоленский областной суд // Судебные и нормативные акты РФ. — <https://sudact.ru/>.

Е.П., вина осужденного в совершении инкриминируемого ему преступления *полностью доказана*.

Выводы суда о виновности Тропина Е.П. в совершении инкриминируемого ему преступления *являются обоснованными и подтверждаются доказательствами*, проверенными в ходе судебного разбирательства и приведенными в приговоре.

Доводы осужденного Тропина Е.П. о его невиновности в совершении инкриминируемого ему преступления опровергаются показаниями потерпевшего ФИО3, свидетелей ФИО4, ФИО5, ФИО6, письменными материалами дела»<sup>16</sup>.

Или:

«...Обстоятельства совершения Казберовым К.В. преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 228 УК РФ, судом установлены на основе показаний самого осужденного, показаний Сапрыкиной Ю.Н. показаний свидетелей Розова П. В., Саввакова И.А., Коровайного М.И., Войновой И.А. и Андреевой Л.В., а также других доказательств.

Оснований для оговора Казберова К.В., а также заинтересованности в исходе дела со стороны указанных лиц установлено не было, в связи с чем суд обоснованно положил их показания в основу приговора»<sup>17</sup>.

Следует, однако, заметить, что по прямому указанию закона (ст. 401<sup>1</sup> УПК РФ) суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобе или представлению лишь законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу, и является общепринятым, что кассационная форма пересмотра решений имеет своим предметом вопросы права, а не факта, т. е. не должна иметь дело с переоценкой доказанности обстоятельств дела, если только на нее не оказало решающего влияния грубое нарушение закона.

Этой точки зрения придерживается и Конституционный Суд РФ, который в названных выше постановлениях подчеркнул, что запрет на ухудшение положения осужденного или оправданного сохраняется и при выявлении одной только *фактической необосно-*

*ванности* судебного решения (если только последняя не является следствием фундаментальных нарушений закона). Иначе говоря, когда сторона обвинения не смогла фактически доказать виновность лица в совершении преступления и это повлекло за собой необоснованность судебного решения, то такое решение после вступления его в законную силу не может быть пересмотрено в кассационной или надзорной инстанции лишь в целях получения нового, устраивающего сторону судебного постановления, если только в ходе предыдущего разбирательства не были допущены существенные *нарушения закона*, имеющие фундаментальный, принципиальный характер и предопределившие исход дела (постановления Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П, от 25 марта 2014 г. № 8-П, определение от 24 июня 2014 г. № 1445-О и др.).

И, наконец, третий из поставленных нами вопросов — что следует понимать под «исходом дела», и как нарушения закона должны на него влиять?

Под «исходом дела» следует, на наш взгляд, понимать законность всего хода производства по делу, а не только решение собственно вопроса о доказанности (недоказанности) виновности или назначении незаконного или несправедливого наказания. То есть исход дела — это не только то, что решил суд по вопросу об уголовной ответственности обвиняемого, но и *как* он это сделал. В противном случае грубое и явное нарушение в ходе производства по делу требований Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, других общепризнанных норм международного права, положений Конституции РФ, основополагающих принципов уголовного процесса, если оно не повлияло на правильность решения вопроса об уголовной ответственности по существу (осужден, судя по всему, виновный, квалификация преступления правильная, мера наказания законная и справедливая), не могло бы влечь за собой пересмотр решения в кассационном и надзорном порядке. Так, например, отсутствие при производстве по делу защитника в случаях, когда его участие по закону было обязательно, незаконный состав суда и прочие «сугубо процедурные» нарушения, если они не повлияли на существо решения, не могли бы считаться основанием для отмены приговора, что явно абсурдно.

При этом по смыслу действующего правового регулирования влияние фундаментальных нарушений уголовно-процессуального или уголовного законов на исход дела по суще-

<sup>16</sup> Постановление № 4У-101/2018 от 22 февраля 2018 г. по делу № 1-68/2017. Верховный Суд Республики Крым (Республика Крым) // Судебные и нормативные акты РФ. — <https://sudact.ru/>.

<sup>17</sup> Постановление судьи Верховного Суда РФ № 8-укс19-144 об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 27 августа 2019 г. // <https://sudact.ru/>.

ству должно быть полностью доказанным, т. е. причинная связь между ними должна быть установлена достоверно, а не предположительно. Это, конечно, весьма непростая задача — в первую очередь, для процессуальных нарушений, — и судам привычнее применять при кассационном и надзорном пересмотре решений по умолчанию ( явным или имплицитным образом) традиционную апелляционную формулу «могли повлиять», что не соответствует букве закона и нивелирует, как представляется, действие самого принципа *«res judicata»*.

Так, например, Президиум Верховного Суда Российской Федерации, отменяя в надзорном порядке собственное постановление, принятое ранее в процедуре производства ввиду новых обстоятельств — постановления ЕСПЧ, касающегося лишь чрезмерности срока содержания обвиняемого под стражей (где, тем не менее, Президиум посчитал возможным по аналогии закона применить правила надзорного пересмотра, проверив законность и обоснованность всего итогового судебного решения), в части отмены приговора Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 24 ноября 2017 г., апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Карелия от 30 января 2018 г., а также постановлений Сегежского городского суда Республики Карелия от 13 сентября 2018 г. и от 24 октября 2018 г., апелляционного постановления Верховного Суда Республики Карелия от 8 ноября 2018 г. в отношении Алиханова Д.М., исходил из следующего:

«...выход за пределы представления и проверка Президиумом Верховного Суда Российской Федерации законности состоявшихся по делу судебных решений по существу обвинения Алиханова Д. М. в другом процессуальном порядке, предусмотренном главой 48<sup>1</sup> УПК РФ, повлекли существенное нарушение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [А. С.: а именно, прокурор, участвующий в судебном заседании не был уведомлен о намерении суда исследовать обстоятельства дела в полном объеме, вследствие чего он был лишен возможности надлежащим образом довести до суда свою позицию относительно правосудности итогового судебного решения по уголовному делу]. Указанное нарушение уголовно-процессуального закона привело к отмене судебного акта с прекращением производства по делу по существу обвинения, что позволяет признать его существенным, повлиявшим на исход де-

ла, искажающим саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия»<sup>18</sup>.

Представляется, что здесь в завуалированном виде сделан, по сути, предположительный вывод о том, что частичное применение правил надзорной процедуры пересмотра вместо производства ввиду новых обстоятельств, *фактически повлияло* на итог дела в виде его прекращения ввиду отсутствия состава преступления, поскольку одно только неуведомление судом прокурора о рассмотрении дела в полном объеме и ограничение таким образом его процессуальных прав лишь создавало условие для вынесения неверного по существу дела решения, однако, отнюдь его не предопределяло.

---

<sup>18</sup> Постановление от 28 декабря 2018 г. Верховный Суд Российской Федерации. Уголовное дело № 296-П18пр.// Судебные и нормативные акты РФ. — <https://sudact.ru/>.

**К вопросу о предмете и пределах апелляционного  
и кассационного производства в уголовном судопроизводстве  
Российской Федерации**

**On the subject and limits of appeal and cassation proceedings  
in criminal proceedings of the Russian Federation**

**Аннотация.** Построение апелляционного и кассационного производства в Российской Федерации в современный период имеет много общего. Следует определить границы уголовной апелляции и кассации, поскольку назначение данных стадий уголовного процесса различно. Предлагается закрепить в УПК РФ положение о том, что уголовное дело, поступившее в суд апелляционной инстанции, в любом случае, за исключением определенных, строго оговоренных случаев, должно быть рассмотрено по существу. Кассационное производство из обычного, «ординарного» порядка, должно стать порядком исключительным, исправляющим ошибки, допущенные в нижестоящих инстанциях.

**Ключевые слова:** уголовный суд; уголовная апелляция; кассация; существенные, фундаментальные нарушения закона; исследование доказательств.

**Abstract.** The structure of appeal and cassation proceedings in the Russian Federation in the modern period has much in common. It is necessary to determine the boundaries of criminal appeal and cassation, since the purpose of these stages of the criminal process is different. It is proposed to consolidate in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the provision that a criminal case submitted to a court of appeal, in any case, with the exception of certain strictly specified cases, should be considered on the merits. The cassation proceeding from the usual, “ordinary” order should become an exceptional order, correcting mistakes made in lower instances.

**Keywords:** criminal court; criminal appeal; cassation; significant, fundamental violations of the law; research evidence.

<sup>19</sup> Пиюк Алексей Валерьевич, председатель Суда Ямало-Ненецкого автономного округа, доктор юридических наук.

Alexey V. Pyuk, Chairman of the Court of the Yamalo-Nenets Autonomous District, Doctor of Law.

Апелляционный и кассационный порядок проверки приговора привлекли внимание процессуалистов сразу же, как современный законодатель приступил к реформе данных стадий процесса.

Как известно, отличие апелляции от кассации заключается в том, что в апелляции ревизии подвергаются и фактические обстоятельства дела, и правильность применения уголовного и уголовно-процессуального закона, и справедливость принятого судом первой инстанции решения. Для выполнения задач апелляции имеется и соответствующий инструментарий: суд вправе пересмотреть материалы уголовного дела в полном объеме, исследовать доказательства и постановить иное, отличное от принятого судом первой инстанции решение. Кассация, как считается, ограничена вопросами права, здесь должны рассматриваться фундаментальные, основополагающие вопросы, данная процедура обычно относится к «экстраординарным», «исключительным» порядкам. В этой связи можно утверждать, что отличие кассации от апелляции должно заключаться в основаниях, процедуре, а также в предмете и пределах ревизии решения, принятого судом.

Как указывает Л.В. Головкин, в классической европейской модели «стороны имеют право на «две инстанции» рассмотрения дела или, что одно и то же, на повторное рассмотрение их спора вышестоящим судом, т. е. имеют право на апелляцию», а производство в апелляционном суде фактически повторяет процедуру судебного следствия в суде первой инстанции<sup>20</sup>. Достоинством европейской апелляции автор считает именно возможность полного пересмотра уголовного дела, включая допрос свидетелей, то есть наличие в данной стадии судебно-следственного инструментария.

Если посмотреть на исторические истоки российской апелляции и кассации, становится очевидным, что в Российской империи, а затем в советской России, апелляции по европейскому образцу никогда не было, согласно ст. ст. 879–889 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС), а также в соответствии со ст. 912 УУС устанавливалось, что пересмотр решения суда судебной палатой или уголовным кассационным департаментом Правительствующего сената производился по до-

<sup>20</sup> Головкин Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М., 2011.

кладу одного из членов (сенаторов) с заслушиванием явившихся лиц и изучением письменных материалов уголовного дела<sup>21</sup>.

Пересмотр решения суда первой инстанции в России советского периода по Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 г. назывался «кассацией», хотя данная стадия процесса имела черты и кассации, и апелляции. Так, согласно ч. 4 ст. 377 УПК РФ в редакции до 01.12.2012 года при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке суд был вправе по ходатайству стороны непосредственно исследовать доказательства в соответствии с требованиями главы 37 УПК РФ, то есть производить судебное следствие<sup>22</sup>. На практике, как правило, исследование и проверка доказательств судом второй (кассационной) инстанции осуществлялась путем изучения письменных материалов уголовного дела.

После реформы апелляционного и кассационного производства, произведенной в 2012 г. и в 2018–2019 гг., проблем в отечественной доктрине и практике меньше не стало, к их числу по-прежнему относится вопрос о предмете и пределах апелляционного и кассационного производств.

Статья 389<sup>9</sup> УПК РФ устанавливает, что суд апелляционной инстанции проверяет по апелляционным жалобам и представлениям законность, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции. В соответствии с ч. 1 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения. Основания отмены или изменения судебного решения суда первой инстанции, как известно, изложены в ч. 2 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ.

Согласно ст. 401<sup>1</sup> УПК РФ суд кассационной инстанции проверяет законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу. Статьей 401<sup>15</sup> УПК РФ установлено, что основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного

и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, либо выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Кроме того, уголовно-процессуальный закон устанавливает, что ни апелляционная, ни кассационная инстанция не связана доводами апелляционных (кассационных) жалоб и представлений и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме (ч. 1 ст. 389<sup>19</sup> УПК РФ и ч. 1 ст. 401<sup>16</sup> УПК РФ).

Достаточно очевидно, что самые существенные, явные нарушения, не позволяющие считать судебный акт законным (а также и обоснованным) перечислены как раз в ч. 2 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ, регламентирующей апелляционное, а не кассационное рассмотрение. Кроме того, законное решение вряд ли может быть необоснованным и наоборот, рассматривая вопросы «права», очень трудно, если вообще возможно, абстрагироваться от вопросов «факта», как отмечали В.А. Давыдов и И.С. Дикарев, существует тесная связь между законностью и обоснованностью<sup>23</sup>. А.В. Кудрявцева абсолютно верно указывает, что «вопросы факта являются предметом судебного рассмотрения в суде кассационной инстанции, если они повлекли ... ошибки в вопросах права»<sup>24</sup>. Российскими правоведами еще в конце XIX века также указывалось, что «вопросы «существа» и «нарушения закона» зачастую переплетаются между собой; примеры кассации приговоров по существу встречаются все более и чаще»<sup>25</sup>.

Судебная практика также позволяет сделать однозначный вывод: апелляционное и кассационное производства в российском уголовном процессе по факту мало чем отличаются. Даже после всех реформ апелляционное рассмотрение уголовного дела более всего напоминает советскую кассацию, а проверка доказательств в

<sup>23</sup> Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М., 2015. С. 533; Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: дисс. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016.

<sup>24</sup> Кудрявцева А.В. Кассационные основания к отмене или изменению судебных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 218.

<sup>25</sup> Тимановский А. Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра второго за двадцать пять лет (1866–1891). Варшава, 1892. С. 602.

<sup>21</sup> Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. СПб., 1914. Глава 2, отд. 2; Глава 4 отд. 2 и 3.

<sup>22</sup> УПК РФ в ред. до 01.12.2012 // СПС «Консультант-Плюс».

данной стадии по большинству дел ограничивается исследованием письменных материалов уголовного дела и заслушиванием мнений участников уголовного судопроизводства. Кассационное производство, призванное быть чрезвычайной, экстраординарной стадией процесса, в свою очередь, в настоящее время, остается обычным, ординарным порядком, в котором без судебно-следственного инструментария оцениваются не только вопросы факта и правильность квалификации, но даже и правильность распределения судебных расходов.

Переходя к рассмотрению возможных путей совершенствования апелляционной и кассационной процедур, предлагаем подумать, можно ли, как это порой некоторыми авторами предлагается<sup>26</sup>, очертить и закрепить в законе (либо в Постановлении Пленума ВС РФ) исчерпывающий перечень кассационных оснований (существенных или «фундаментальных» нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона)? И должна ли кассационная инстанция, если нарушение очевидное, но не существенное, оставлять его без внимания?

Представляется, и на тот, и на другой вопрос следует ответить отрицательно, критерий для разграничения оснований для апелляционного и кассационного производства, который достаточно длительное время пытаются определить правоведы, вряд ли будет найден без уточнения уголовно-процессуального закона.

Решение имеющихся в кассационной и апелляционной процедуре проблем следует искать в иной плоскости. Бесспорно, что приговор (и иной акт суда), должен быть обоснован, мотивирован, законен и справедлив. Достижению этой цели путем исправления возможных судебных ошибок и служат апелляционное и кассационное рассмотрение, при этом вряд ли нужны «две кассации», либо несколько апелляций, обе этих стадии имеют собственное предназначение, исходя из этого они и должны отличаться друг от друга сущностно, то есть объемом полномочий и инструментарием для решения поставленных задач.

Чрезвычайно важно и то, что судебное решение должно быть устойчивым, стабильным, бесконечная ревизия и возможность пересмотра не способствуют ни авторитету суда, ни уважению законов и укреплению правопорядка в обществе. На опасность такого положения указывал еще И.Я. Фойницкий, отметивший, что беско-

нечное обжалование «создало бы крайне важные практические неудобства. Судебные дела тянулись бы до бесконечности, правовые отношения утратили бы всякую устойчивость», а поскольку «судебные дела служат интересам общества», они «должны производиться быстро, им должен наступать когда-нибудь конец хотя бы ценой внутренней правды»<sup>27</sup>.

Для обеспечения стабильности, правовой определенности судебных решений и для обеспечения эффективности уголовного судопроизводства в целом, очень желательно минимизировать, либо вообще исключить случаи возвращения уголовного дела в нижестоящую инстанцию. Особенно актуально это для апелляции. Исследуя данный вопрос, следует начать с того, что законодателем суду апелляционной инстанции предоставлен достаточный объем процессуальных инструментов для качественного решения имеющихся задач. Представляется также, что апелляционное производство не должно быть ориентировано ни на исключительно изучение письменных материалов дела, что фактически превращает его в кассацию, ни на повторное производство судебного следствия в полном объеме.

Основной чертой современной российской апелляции является то, что судьи апелляционной инстанции по своему усмотрению решают, в каких пределах и в каком объеме они будут проверять уголовное дело, рассмотренное судом первой инстанции. Более того, у апелляционного суда имеется и возможность вернуть уголовное дело в первую инстанцию для рассмотрения уголовного дела с самого начала, как установлено ч. 1 ст. 389<sup>22</sup> УПК РФ обвинительный приговор или иные решения суда первой инстанции подлежат отмене с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство, если в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции были допущены нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустранимые в суде апелляционной инстанции.

Обычно, констатируя, что нарушение «неустранимое», апелляционные судьи ссылаются на ч. 2 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ, при этом, согласно исследованиям, проведенным в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах, Тюменской и Московской областях и Красноярском крае, до введения в конце 2019 г. обязательного аудиопотоколирования судебных процессов в суде первой инстанции большую часть нарушений (в среднем более 80 %), со-

<sup>26</sup> См., напр.: Дикарев И. С. Указ. соч. С.263.

<sup>27</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 267–268, 510.

ставляли указанные в пп. 6, 7, 10 и 11 ч. 2 ст.389<sup>17</sup> УПК РФ (непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон; непредоставление подсудимому последнего слова; отсутствие подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, на соответствующем судебном решении; отсутствие протокола судебного заседания). Вместе с тем в большинстве случаев подобные нарушения объяснялись не действительным ущемлением прав участников уголовного судопроизводства, а техническими причинами, изъятиями и недостатками в ведении протокола, а также недостаточным уровнем подготовки секретарей судебных заседаний и секретарей суда, обеспечивающих формирование письменных и иных материалов дела и направление их в вышестоящие суды.

Очевидный субъективизм категорий «неустраимости» и «существенности» нарушений, служащих основаниями для отмены решения суда и передачи уголовного дела вновь на разрешение в суд первой инстанции, открывает перед апелляционными судьями широкий простор для усмотрения. То, что разные судьи и суды различных субъектов подходят к вопросу о возвращении уголовного дела в суд первой инстанции порой с кардинально противоположных позиций, красноречиво иллюстрирует статистика. В некоторых субъектах количество возвращенных на пересмотр в первую инстанцию дел в последние годы устойчиво составляет 20–25 % и даже более, в то время как в других субъектах он редко превышает 5–8 %. Думается, причина столь различных данных кроется скорее не в тотальном профессиональном превосходстве судей первой инстанции одних субъектов Федерации перед другими, а в разном подходе к процедуре апелляции у апелляционных судей. Нам доводилось слышать упреки судей первой инстанции в адрес апелляционных судей, заключающиеся в стремлении пойти по легкому пути, нежелании брать на себя ответственность и разбираться по существу в сложных, многоэпизодных делах, там, где необходимо прилагать значительные усилия, при этом не всегда подобные упреки, на наш взгляд, были необоснованными. Полагаем, что возвращение уголовного дела в первую инстанцию в уголовном судопроизводстве должно допускаться лишь в экстраординарных, исключительных случаях, если суд первой инстанции допустил такое нарушение, которое делает ничтожным всю процедуру судопроизводства в суде первой инстанции. И вот перечень таких нарушений целесообразно было бы закрепить либо в самом УПК РФ, либо в Поста-

новлении Пленума ВС, включив в него только случаи, когда лицу, не владеющему языком судопроизводства, не был предоставлен переводчик или было нарушено неустраимое в апелляционной инстанции право на защиту, либо если уголовное дело было рассмотрено с нарушением правил подсудности.

Что касается объема доказательств, подлежащих исследованию в апелляционном суде, полагаем необходимым исходить из того, что он в любом случае должен быть достаточным для того, чтобы судом апелляционной инстанции было принято законное, обоснованное и справедливое решение. Следует согласиться с мнением, что «пересматривая не вступившее в законную силу судебное решение по юридическим, процессуальным основаниям, вполне достаточно дать оценку письменным материалам уголовного дела. В то же время в случае пересмотра приговора по фактическим основаниям, с дачей оценки имеющимся в деле доказательствам, подтверждающим или опровергающим обстоятельства, установленные ст. 73 УПК, суд апелляционной инстанции должен более взыскательно подходить к вопросу наличия оснований для допроса свидетелей. Этот вопрос становится наиболее актуальным в тех случаях, когда суд апелляционной инстанции принимает решение, кардинально противоположное решению суда первой инстанции»<sup>28</sup>.

Представляется, при качественном апелляционном рассмотрении уголовных дел будут разрешены многие проблемы, которые в настоящее время решаются уже в кассационной инстанции.

Производство в суде кассационной инстанции из обычной, ординарной формы судопроизводства, должно превратиться в исключительное, экстраординарное производство. Наблюдаемое в настоящее время положение, при котором ревизуются практически все вступившие в законную силу решения, вряд ли отвечает задаче обеспечения стабильности приговора и убежденности участников уголовного судопроизводства в его правосудности, то есть требованию правовой определенности. Известно, что УПК РФ, в отличие от УУС 1864 г., не знает приговоров «окончательных» и «неокончательных», любой приговор, вступивший в законную силу, в настоящее время может быть ревизован в кассации, а затем и в надзоре, причем пресекательный срок на обжалование действует лишь в отношении оправданного лица. Подобное положение вряд ли правильно, после введения с 1 октября 2019 г. так называемое

<sup>28</sup> Панов С.В., Карпов И.П. Проблемы исследования доказательств в апелляционном производстве по уголовным делам // Законность. 2016. № 2.

«сплошной кассации» кассационные суды общей юрисдикции перегружены делами, избыточное же количество работы, на наш взгляд, положительно на ее качестве не отражается. Следует согласиться с М. С. Спиридоновым, что вопрос об установлении срока на кассационное обжалование может быть решен изменением момента вступления приговора в законную силу: решение суда апелляционной инстанции должно быть неокончательным и подлежащим обжалованию в установленный срок в кассационном порядке. После такого обжалования или при истечении срока на обжалование, приговор вступает в законную силу и может быть пересмотрен только в надзорном порядке Верховным Судом<sup>29</sup>. Отметим, что качество судопроизводства в кассационной и апелляционной инстанциях мы связываем не с установлением каких-либо сроков (хотя уменьшение объема работы должно сказаться и на ее качестве), а с изменением содержания деятельности судов: основаниями для отмены решений нижестоящих судов в кассации должны являться бесспорные, существенные нарушения, то есть такие, которые «искажают саму суть правосудия».

На практике в суде кассационной инстанции выявляются не только существенные, но и нарушения закона, не являющиеся существенными и не влияющие на исход уголовного дела. Обычно кассационные суды устраняют и эти нарушения, это считается оправданным, поскольку «указание на допущенные нарушения уголовно-процессуального закона без их устранения будет дискредитировать законную силу приговора и подрывать убежденность участников уголовного судопроизводства в его правосудности»<sup>30</sup>.

Представляется, что суд кассационной инстанции не должен отменять правильный по существу судебный акт вследствие несущественных нарушений, это не соответствует ни задачам кассации, ни требованиям обеспечения стабильности судебных решений. Подход должен быть тот же, что и при пересмотре уголовных дел в апелляции: нарушения, который суд кассационной инстанции может устранить самостоятельно, он должен исправить, констатация ошибки без ее исправления либо отложение коррекции судебного решения на будущее не способствует ни процессуальной экономии, ни авторитету суда.

<sup>29</sup> Спиридонов М.С. Наследие классической русской кассации по уголовным делам и его современное значение // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 65.

<sup>30</sup> См.: Дикарев И.С. Проблемы теории и практики производства в суде надзорной инстанции по уголовным делам. М., 2011. С. 415.

Почти любую ошибку, при желании, можно представить, как «существенное», «фундаментальное» нарушение, к примеру, неправильное определение вида исправительного учреждения либо неправильное производство зачета можно посчитать таковыми потому, что нормы, применяемые при разрешении данных вопросов, относятся к основным вопросам уголовного судопроизводства — вопросу о виновности лица и о его справедливом наказании. Мы полагаем, что, если фактические обстоятельства по уголовному делу установлены правильно и виновность лица подтверждается достаточной совокупностью доброкачественных доказательств, оснований для отмены правильного по существу решения суда не имеется и его следует не отменять, а изменять.

Вместе с тем и в этом разрезе на практике возникает ряд проблем, которые законодателю следовало бы решить. К их числу относится вопрос о понятии и пределах «недопустимости поворота к худшему». Приведем наиболее часто встречающийся в настоящее время пример: при вынесении приговора судья первой инстанции неверно произвел зачет времени содержания лица под стражей согласно ст. 72 УК либо неверно определил вид исправительного учреждения в соответствии со ст. 58 УК. В случае если в результате ошибки он назначил более строгий вид учреждения или зачел в срок отбывания наказания меньше дней, чем следовало по закону, в суде второй инстанции подобные нарушения устраняются без проблем. В случае же, если судья ошибся в меньшую сторону, считается, что они «улучшил» положение осужденного. Если уголовное дело при этом пересматривается судом апелляционной инстанции не по представлению прокурора или жалобе потерпевшего и подобных доводов нет, суд апелляционной инстанции может лишь констатировать подобное нарушение, оставив неверный по существу судебный акт без изменения, поскольку согласно ч. 1 ст. 389<sup>24</sup> УПК РФ акты суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей. Сразу после вынесения решения апелляционной инстанцией, прокурор, как правило, обращается в суд кассационной инстанции, который, ссылаясь уже на существенность и фундаментальность допущенной ошибки, корректирует вынесенный приговор.

В данном случае ошибка суда первой инстанции очевидна, а вынесенный приговор явно несправедлив. Порядок, при котором

устранение подобных ошибок, выявленных в апелляции, осуществляется лишь в кассации, не способствует стабильности судебных решений и процессуальной экономии. Представляется, подобные очевидные, бесспорные ошибки, исходя из интересов правосудия, должны исправляться при их выявлении апелляционными инстанциями и самостоятельно, без жалобы потерпевшего или представления прокурора, в этом случае можно утверждать, что суд не ухудшает положение осужденного, а лишь устраняет явное, очевидное нарушение закона, при наличии которого приговор нельзя считать законным, обоснованным и справедливым.

Такие ошибки, как неправильное определение вида исправительного учреждения, неразрешение или неправильное определение судьбы вещественных доказательств, неверное исчисление и зачет сроков в соответствии с положениями ст. 72 УК РФ, если они выявлены уже в кассационной инстанции, также целесообразно исправлять здесь же, поскольку в этих случаях не требуется исследования доказательств, а следует лишь правильно применить уголовный закон. Изложенное подтверждается тем, что в большом количестве случаев кассационные суды поступают именно так.

Что касается распределения процессуальных издержек, очевидно, что в ряде случаев для разрешения спорных вопросов суду необходимо исследовать фактические обстоятельства, чего суд кассационной инстанции делать не должен, в этом случае логичнее, как предлагается в литературе<sup>31</sup>, не отменяя и не изменяя правильного по существу решения суда, констатировать нарушение и обязать устранить его суд нижестоящей инстанции, поскольку допущенная ошибка не относится к числу фундаментальных.

#### Список литературы:

1. Головки Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2011.
2. Давыдов В.А. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: в 2 ч. Ч. I / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2015. 528 с.
3. Дикарев И.С. Проблемы теории и практики производства в суде надзорной инстанции по уголовным делам. М., 2011. 432 с.

<sup>31</sup> Свиридов М.К., Нехороших М.Е. Итоговые решения судов кассационной инстанции // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 60.

4. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: дисс. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016.

5. Кудрявцева А.В. Кассационные основания к отмене или изменению судебных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429.

6. Панов С.В., Карпов И.П. Проблемы исследования доказательств в апелляционном производстве по уголовным делам // Законность. 2016. № 2.

7. Свиридов М.К., Нехороших М.Е. Итоговые решения судов кассационной инстанции // Уголовная юстиция. 2019. № 14.

8. Спиридонов М.С. Наследие классической русской кассации по уголовным делам и его современное значение // Уголовная юстиция. 2019. № 14.

9. Тимановский А. Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра второго за двадцать пять лет (1866–1891). Варшава, 1892. 732 с.

10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. 607 с.

**О предмете проверки в апелляционной инстанции приговоров,  
вынесенных в особом порядке судебного разбирательства**

**On the subject of verification in the appellate instance  
of judgments delivered in a special procedure of court proceedings**

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности предмета судебного разбирательства суда апелляционной инстанции по проверке приговоров, вынесенных в особом порядке. Делается вывод об усеченности судебно-проверочной деятельности суда апелляционной инстанции. Юридическая оценка не может быть осуществлена в отрыве от фактических обстоятельств дела, суд апелляционной инстанции не может принять объективное решение по уголовному делу, не удостоверившись в убедительности обвинения, достаточности доказательств, предполагающей, что на основе собранных доказательств можно установить наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию.

**Ключевые слова:** особый порядок судебного разбирательства, пересмотр приговоров, суд апелляционной инстанции, законность, обоснованность.

**Abstract.** The article examines the features of the subject of the court proceedings of the court of appeal for verifying sentences passed in a special order. The conclusion is made about the truncation of the court-checking activity of the court of appeal. A legal assessment cannot be carried out in isolation from the factual circumstances of the case, the court of appeal cannot make an objective decision in a criminal case without making sure of the convincingness of the accusation, the sufficiency of evidence, suggesting that on the basis of the collected evidence it is possible to establish the existence of circumstances to be proven.

**Keywords:** special order of court proceedings, revision of sentences, court of appeal, legality, validity.

<sup>32</sup> Качалова Оксана Валентиновна, руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

Oksana V. Kachalova, Head of the Scientific Direction of Research on the Problems of Criminal Proceedings at the Scientific Center for Research on Problems of Justice, Russian State University of Justice, Doctor of Law, assistant professor.

Обжалование приговоров, принятых в особом порядке судебного разбирательства, может означать, что задача достижения социального компромисса, идея которого лежит в основе данной процессуальной формы (поскольку рассмотрение дела в особом порядке возможно лишь при согласии всех сторон уголовно-правового конфликта), не достигнута, а стороны процесса гораздо дальше от компромисса, чем были на момент дачи согласия на особый порядок судебного разбирательства.

В связи с этим на суды вышестоящих инстанций, и, в первую очередь, суд апелляционной инстанции, возлагается важнейшая социальная функция обеспечения намечавшегося компромисса, что может быть достигнуто не иначе как посредством обеспечения справедливого разрешения уголовного дела. Эта задача усложняется тем, что судебно-проверочная деятельность вышестоящих инстанций по делам, рассмотренным в особом порядке, носит специфический ограниченный характер. Сокращение судебного следствия при рассмотрении уголовного дела в особом порядке влечет за собой невозможность обжалования приговора ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой инстанции (ст. 317 УПК РФ), поскольку они не были исследованы в судебном разбирательстве. Это влечет за собой ограничения в предмете судебного разбирательства в апелляционном порядке; ограничения в механизме судебно-проверочной деятельности суда апелляционной инстанции (закон не предусматривает прямой возможности исследования судом апелляционной инстанции фактических обстоятельств дела, связанных с доказанностью виновности лица).

Вместе с тем, суд апелляционной инстанции выполняет те же функции, что и при проверке судебных решений, принятых в порядке ординарной процедуры; является главнейшим инструментом исправления возможных судебных ошибок — материальных и процессуальных; создает дополнительные гарантии справедливости судебного решения; выполняет функцию контроля за процессуальными действиями и решениями, совершенными или принятыми на предыдущих этапах судопроизводства; способствует осуществлению реального, а не формального контроля за правосудностью судебных актов<sup>33</sup>.

<sup>33</sup> См. об этом более подробно: Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / под ред. В.В. Ершова. М., 2013. С. 48–49.

Предмет проверки в судебном разбирательстве суда апелляционной инстанции определен ст. 389.9 УПК РФ как законность, обоснованность и справедливость приговора. Возможность проверки судом апелляционной инстанции законности и справедливости приговора не вызывает сомнений. Однако в силу невозможности пересмотра приговора ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела (ст. 389.27 УПК РФ) обоснованность приговора как предмета проверки судом апелляционной инстанции существенно ограничивается. По смыслу закона суд апелляционной инстанции не может рассматривать вопросы, указанные в ст. 389.16 УПК РФ: подтверждаются ли выводы суда доказательствами, рассмотренными в судебном заседании; учел ли суд обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда; не содержат ли выводы суда существенных противоречий и т.д.)<sup>34</sup>, суд апелляционной инстанции не может оставить без внимания отсутствие в деле достаточных доказательств, позволяющих суду прийти к выводу о виновности лица в совершении преступления.

Если при отсутствии в уголовном деле совокупности доказательств, убедительно свидетельствующих о виновности лица в совершении преступления, суд принимает решение о рассмотрении уголовного дела в особом порядке и выносит обвинительный приговор, это фактически означает, что суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда (п. 2 ст. 389.16 УПК РФ).

В соответствии с разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ<sup>35</sup> суд апелляционной инстанции не вправе исследовать доказательства, подтверждающие либо опровергающие обвинение, доказательства, относящиеся к фактическим обстоятельствам предъявленного лицу обвинения, в случае, если дело рассматривалось в особом порядке, судом апелляционной инстанции не проверяются. Вместе с тем принятие любого решения судом, в том числе и судом апелляционной инстанции, невозможно в отрыве от фактических обстоятельств дела. Юридическая оценка не может быть осуществлена в отрыве от фактических обстоятельств дела,

<sup>34</sup> Загорский Г.И. Постановление приговора. М., 2017. С. 113.

<sup>35</sup> П. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (в редакции Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2010 г. № 4, от 23 декабря 2010 г. № 31, от 9 февраля 2012 г. № 3, от 5 июня 2012 г. № 10).

суд апелляционной инстанции не может принять объективное решение по уголовному делу, не удостоверившись в убедительности обвинения, достаточности доказательств, предполагающей, что на основе собранных доказательств можно установить наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию. В противном случае можно было бы говорить о нарушении внутренней логики механизма судебного познания. Суд апелляционной инстанции, установив несоблюдение судом требований об основаниях применения особого порядка судебного разбирательства, нарушение процедуры заявления соответствующего ходатайства, невыполнение судом первой инстанции при назначении судебного разбирательства требований о необходимости убедиться в обоснованности и доказанности обвинения, должен отменить судебное решение и направить уголовное дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

На практике нередко встречаются случаи, когда в решениях судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанции, отменяющих решения нижестоящих судов, «сквозь строку» проглядывает то обстоятельство, что выводы суда первой инстанции не соответствуют фактическим обстоятельствам дела. Т.П. Хомицкая пишет, что если при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке у суда появятся сомнения в обоснованности обвинения по объему или квалификации, в виновности лиц в совершении преступлений, то он вправе признать в действиях суда первой инстанции нарушение уголовно-процессуального закона, заключающееся в рассмотрении уголовных дел в особом порядке без наличия всех необходимых для этого условий (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). На этом основании суд апелляционной инстанции должен отменить приговор и принять по делу решение в соответствии со ст. 389<sup>20</sup> УПК РФ<sup>36</sup>. Фактически имеющиеся процессуальные инструменты позволяют устранять ошибки нижестоящих судов лишь посредством оценки допущенных нарушений как нарушений законности.

Проверяя законность приговора, вынесенного в особом порядке, следует обратить особое внимание на наличие условий для применения данной процессуальной формы, к числу которых, помимо указанных в законе, относятся обоснованность обвинения и отсут-

<sup>36</sup> Хомицкая Т.П. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2014.

ствии сомнений в виновности обвиняемого, квалификации содеянного, обоснованности обвинения и достаточности доказательств<sup>37</sup>. Необоснованность обвинения исключает возможность рассмотрения дела в особом порядке. Обоснованность обвинения — подтвержденность обвинения совокупностью имеющихся в деле доказательств, каждое из которых отвечает требованиям относимости, допустимости, достоверности. Требуется проверка с точки зрения законности и соблюдение законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Особо тщательно необходимо проверить, нет ли повторных контрольных закупок, признаков провокации преступления. Подлежит проверке и отсутствие существенных противоречий между собранными по делу доказательствами, оценка которых не могла быть дана в ходе судебного следствия. Трудно согласиться с выводом И.Б. Михайловской о том, что принятие гл. 40 УПК РФ, исключившей судебное следствие, «устранило необходимость оценивать доказательства, собранные следствием»<sup>38</sup>.

Подлежит проверке и согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, осознание им характера и последствий заявленного ходатайства; добровольность ходатайства, проведение консультаций с защитником по данному вопросу. В связи с этим следует обратить особое внимание на ситуации, когда может вызывать сомнения адекватность формирования воли обвиняемого на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, добровольность заявления ходатайства и реальность его согласия с предъявленным обвинением. Речь идет о лицах, страдающих психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, алкоголизмом и наркоманией, лицах, страдающих некоторыми физическими недостатками, которые могут ограничивать их возможность реализовывать свои права самостоятельно в полной мере (существенное снижение зрения, слуха), лицах, не владеющих языком, на котором ведется производство по уголовному делу, государственный обвинитель<sup>39</sup>.

Представляется важным тщательно проверить законность вынесенного в особом порядке приговора по уголовному делу при от-

<sup>37</sup> Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. М., 2015. С. 154.

<sup>38</sup> Михайловская И.Б. Стандарты качества предварительного следствия задает суд // Расследование преступлений. Проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. трудов / под ред. А.И. Бастрыкина. Вып. 3. М., 2014. С. 266.

<sup>39</sup> Качалова О.В. Может ли состояние здоровья повлиять на рассмотрение уголовного дела в особом порядке // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 9.

сутствии признательных показаний обвиняемого. Отсутствие таких показаний может поставить под вопрос согласие обвиняемого с предъявленным обвинением. Изменение позиции обвиняемого — его право, обеспечивающее его защиту от обвинения, вместе с тем, изменение позиции обвиняемого, который не признавал вину, не давал признательных показаний, может свидетельствовать о том, что его вынудили заявить ходатайство угрозами, угрозами и т. д. В этой ситуации суд апелляционной инстанции должен проверить, установил ли суд первой инстанции причину, по которой обвиняемый изменил позицию. Если из материалов дела следует, что обвиняемый, ознакомившись с материалами уголовного дела по окончании расследования, убедился в подтвержденности обвинения собранными доказательствами и решил согласиться с предъявленным обвинением, ходатайствовал о применении особого порядка, отсутствие в деле его признательных показаний вполне допустимо<sup>40</sup>.

Нельзя согласиться с С.И. Голиковым и в вопросе о том, что дело не может быть рассмотрено в особом порядке, если, признав вину в совершении преступления, обвиняемый отказался от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ. По мнению автора, в этом случае необходимо устанавливать, какие конкретные обстоятельства содеянного он признает, что предполагает исследование доказательств в общем порядке судебного разбирательства<sup>41</sup>. Полагая, что отказ от обвиняемого дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ в ходе предварительного расследования не может быть препятствием для рассмотрения его дела в особом порядке. И. П. Попова вполне обоснованно пишет, что процедура рассмотрения ходатайства не исключает, а прямо обязывает выяснить отношение к обвинению и в зависимости от этого суд и решает: возможно ли рассматривать уголовное дело в сокращенном порядке или прекращает его, и назначает рассмотрение дела в общем порядке с исследованием доказательств<sup>42</sup>.

<sup>40</sup> Качалова О.В. Может ли суд рассмотреть в особом порядке дело без признательных показаний обвиняемого // Уголовный процесс, 2018. № 7. С. 9.

<sup>41</sup> Голиков С.И. Проблемы судебного разбирательства уголовных дел в особом порядке // Законность. 2018. № 12. С. 19.

<sup>42</sup> Попова И.П. Признание вины обвиняемым: новые тенденции судебной практики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4. С. 175.

**Список литературы:**

1. Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / под ред. В.В. Ершова. М., 2013. 352 с.
2. Голиков С.И. Проблемы судебного разбирательства уголовных дел в особом порядке // Законность. 2018. № 12. С. 18–20.
3. Загорский Г.И. Постановление приговора. М., 2017. 202 с.
4. Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. М., 2015. 298 с.
5. Качалова О.В. Может ли состояние здоровья повлиять на рассмотрение уголовного дела в особом порядке // Уголовный процесс. 2019. № 2.
6. Качалова О.В. Может ли суд рассмотреть в особом порядке дело без признательных показаний обвиняемого // Уголовный процесс, 2018. № 7.
7. Михайловская И.Б. Стандарты качества предварительного следствия задает суд // Расследование преступлений. Проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. трудов / под ред. А. И. Бастрькина. Вып. 3. М., 2014. С. 263–270.
8. Попова И.П. Признание вины обвиняемым: новые тенденции судебной практики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4. С. 169–180.
9. Хомицкая Т.П. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд. М., 2014.

**Судебное следствие в процедуре рассмотрения  
уголовного дела  
апелляционным судом общей юрисдикции:  
реальность  
или юридический симулякр**

**Judicial investigation in the procedure  
for considering a criminal case  
by the court of appeal  
of general jurisdiction:  
reality or legal simulacrum**

**Аннотация.** Апелляционная модель потенциально способна повысить значение судебного следствия в уголовно-процессуальной системе. Это, действительно, происходит, но специфическим образом. Сами суды апелляционной инстанции не склонны прибегать к судебному следствию для проверки алиби или в ситуации изменения положения осужденного (оправданного) к худшему. Зато иногда они пресекают попытки судов первой инстанции уклониться от проведения судебного следствия через возвращение уголовного дела прокурору.

**Ключевые слова:** судебное следствие, апелляционное производство, возвращение уголовного дела прокурору, алиби.

**Abstract.** The appellate model is potentially capable of increasing the importance of the judicial investigation in the criminal procedure system. This does happen, but in a specific way. The courts of appeal themselves are not inclined to resort to judicial investigation to check the alibi or in a situation where the position of the convicted (acquitted) changes for the worse. But sometimes they suppress the attempts of the courts of first instance to evade the conduct of the judicial investigation by returning the criminal case to the prosecutor.

**Keywords:** judicial investigation, appeal proceedings, return of the criminal case to the prosecutor, alibi.

<sup>43</sup> Александров Александр Сергеевич, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД, доктор юридических наук, профессор.

Alexander S. Alexandrov, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs, Doctor of Law, Professor.

«Дешевое правосудие дорого обходится народу, а дорогое – еще дороже».  
(Как-то так сказал Александров)

Институт судебного следствия, как и институт следствия предварительного, имеет показательное значение для характеристики всей уголовно-процессуальной системы.

В той системе, где судебное следствие имеет главное значение, а предварительное — вспомогательное (хотя и очень важное), доказывание по делу устроено правильно. Это состязательная справедливая уголовно-процессуальная система. Она характерна для демократических государств.

В той же уголовно-процессуальной системе, где доминирует предварительное следствие, а следствие в суде является приложением к нему, мало что решающим в установлении фактов по делу, доказывание устроено неправильно. Оно характерно для автократий.

Почему судебное следствие ценнее, важнее предварительного следствия? Потому же, почему состязательность лучше инквизиционности, а демократия лучше, чем автократия. Потому что «свобода, лучше, чем несвобода» — как-то так сказал Д. А. Медведев, будучи в должности президента Российской Федерации<sup>44</sup>.

Судебное следствие и судебное доказывание это парные категории. Одно подразумевает другое. Судебное доказывание, происходящее при ведении судебного следствия, формирует «факты», последние есть «данные судебного следствия»<sup>45</sup>. Поскольку суд обладает исключительными полномочиями по разрешению уголовного дела по существу, постольку судебное доказывание и судебное следствие предполагаются наилучшими средствами установления истины по делу.

Такова нормальная процессуальная логика. Правда есть еще «следственная логика», согласно которой следователь проводит «всестороннее, полное и объективное» следствие и устанавливает «объективную истину» по делу. Она основана на вере во всемогущее государство, воплощением которого является «следственная

власть», якобы способная установить истину, и защитить общество от преступности мерами уголовно-правового воздействия<sup>46</sup>.

На наш взгляд, только судебное следствие по настоящему отвечает стандарту «всесторонности, полноты и объективности». В отличие от предварительного следствия, ему не надо рядиться в одежды «объективной истины», для того чтобы подходить под вышеуказанный стандарт. «Всесторонность» судебного следствия в том, что в нем участвует *все* стороны. Каждый, а не только представитель государства, может в судебном заседании поучаствовать в доказывании, в следственных действиях — для установления фактов. Представленные доказательства исследуются полно в обстановке судебного заседания — это и есть «полнота». «Объективность» судебного следствия гарантируется независимым судом, обязанностью председательствующего судьи обеспечить равенство сторон.

Через призму изменения соотношения предварительного и судебного следствия можно оценивать серьезность преобразований уголовно-процессуальной системы. Если соотношение не меняется, то «реформу» надо считать имитацией.

Вышеприведенные рассуждения подводят к оценке произошедших в последние годы трансформаций апелляционного и кассационного производств - верхушки уголовного правосудия.

В целом, наблюдается усиление роли судебного следствия в уголовно-процессуальной системе<sup>47</sup>. Одним из проявлений этой тенденции надо считать метаморфозы русской апелляции. Сразу заметим, что, во-первых, апелляция — это один из ресурсов увеличения значения судебного следствия в уголовно-процессуальной системе. Она не только сама вмещает судебное следствие, но и косвенно усиливает присутствие судебного следствия в суде первой инстанции. Во-вторых, наиболее острые проблемы апелляционного производства: пределы поворота к худшему, пересмотр обвинительных приговоров, вынесенных в особом порядке, возвращение уголовного дела прокурору проявляются именно в свете института судебного следствия.

<sup>46</sup> См.: Интервью Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Российской газете» // <https://sledcom.ru/press/interview/item/507388/> (дата обращения: 16.10.2020).

<sup>47</sup> Это происходит, конечно, не совсем последовательно и только в тех пределах, что задаются смешанным типом уголовного процесса, то есть при сохранении господства следственной власти над обвинением и формированием доказательств.

<sup>44</sup> См.: Медведев Д. Свобода лучше, чем несвобода // Рос. газета. 2008. 21 февраля – <https://rg.ru/2008/02/21/svoboda.htm01> (дата обращения: 16.10.2020).

<sup>45</sup> См.: Сергеев П. Искусство речи на суде. Тула, 1998. С. 152.

Потенциально апелляционная модель способна повысить роль судебного следствия в уголовно-процессуальной системе. Из этого исходил законодатель, что явствует из пояснительной записки к Федеральному закону № 433-ФЗ от 29.12.2010 г.<sup>48</sup>.

Основное преимущество апелляции над кассацией виделось именно в большей доступности к судебному следствию сторон при пересмотре уголовного дела и соответственно — большей возможности исправления фактических судебных ошибок. Кассационная модель, включая ее советскую разновидность (которую не принято считать чистой кассацией), в принципе не предусматривает судебного следствия.

Однако потенциал положительного воздействия апелляционной модели на институт судебного следствия не вполне раскрылся. Как часто у нас бывает, чистые намерения инициаторов перехода на апелляционную схему по ходу их реализации поменялись. Этому немало поспособствовали сами судебные власти, которые быстро осознали, что не так-то и просто воплотить на практике *полную* апелляционную модель судебного следствия. Судебное следствие в апелляционной инстанции было принесено в жертву интересам быстроты и удобства судебной власти, расположенной в самом Верховном Суде России и судах субъектов федерации. Так по прошествии семи лет можно оценить результаты «медведевской» реформы механизма судебного контроля.

Однако, стремление к добру и милосердию, как известно не имеет пределов. В прошлом году произошло новое «эпохальное» событие в судоустройстве и судопроизводстве, которое завершило (временно) эволюцию отечественной апелляционной модели — в виде создания окружных апелляционных судов с соответствующей юрисдикцией, воплощенной в надлежащую процессуальную форму.

Повлияли ли эти изменения в судоустройстве на интенсивность применения судебного следствия в апелляционном производстве? Разве что только в количественном плане. Появилось больше площадок, где может проводиться судебное следствие в рамках апелляционной процедуры. Предположительно перед более высококвалифицированным судебным составом. Однако все эти потен-

<sup>48</sup> О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 45 – СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2020).

циальные плюсы нивелируются одним маленьким минусом<sup>49</sup>: отрывом окружных апелляционных судов от места нахождения участников процесса и затруднительности их явки в суд — для участия в судебном следствии.

Проблема пространства была решена технически: применением видеоконференцсвязи (далее — ВКС), которая призвана обеспечить участие субъектов процесса в судебном заседании и если потребуется — в судебном следствии. При том что ВКС — скорее суррогат непосредственности, устности и гласности, и обстановки реального судебного заседания (в частности, фактора публики) вполне воссоздать не может<sup>50</sup>.

Впрочем, несмотря на чудеса «умных технологий» и потенциальную возможность проведения следственных действий, судебное следствие в судах апелляционной инстанции мало востребовано. Мы разделяем вывод, что апелляция содержательно более напоминает кассацию: исследование доказательств ограничивается письменными документами, имеющимися в деле и представленными дополнительно сторонами<sup>51</sup>.

Не спешат наши судьи прибегать к столь радикальному средству проверки правомерности судебных решений, не вступивших в законную силу, как проведение своего нового расследования спорных обстоятельств. Показательно в этом плане реагирование апелляции на необходимость отмены судебных приговоров, вынесенных в особом порядке, в том числе по делам, по которым проводилось дознание в сокращенной форме. Приведем несколько любопытных примеров, когда суд апелляционной инстанции оказывается перед фактом наличия алиби у осужденного: тот находился по документам под административным арестом, был участником ДТП (подтвержденным протоколом и постановлением мирового судьи) или, защитой ходатайствует о приобщении видеозаписей со стационарных или мобильных веб камер, подтверждающих, что лицо находилось в другом месте и не могло совершить преступление физически.

<sup>49</sup> Этот маленький минус является обратной стороной громадного плюса от того же отрыва: повышение независимости этого суда апелляционной инстанции.

<sup>50</sup> Однако то, что техническая возможность проведения судебного следствия в апелляционной инстанции есть, в том числе при рассмотрении дел окружными апелляционными судами, есть, отрицать нельзя. Более того, в условиях пандемии такой формат ведения судебного следствия весьма актуален. Может даже это шаг в виртуальное «цифровое правосудие» 21 века.

<sup>51</sup> См.: Романова А. А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. наук. Н. Новгород, 2017. С. 4.

Обычная модель поведения судьи апелляционной инстанции в такой ситуации — поведение страуса, который погружает голову в песок при виде угрозы. Типа ничего не вижу. Если указание на алиби содержится в самой жалобе, то следует отказ в ее удовлетворении со ссылкой на п. 1 ст. 389<sup>15</sup> УПК РФ<sup>52</sup>.

Сложнее ситуация, когда подсудимый, его защитник заявляют о наличии алиби и доказательств об этом уже в судебном заседании, коварно принеся жалобу по формальному допустимому основанию, и запустив апелляционное производство. Так, в судебном заседании суда апелляционной инстанции осужденный С. показал, что он не совершал преступления, его алиби не проверено. Судебная коллегия по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда отметила в своем решении, что доводы С. о не совершении им преступления по существу сводятся к оспариванию приговора суда в связи с несоответствием его выводов фактическим обстоятельствам дела. Вместе с тем, согласно ст. 317 УПК РФ приговор, постановленный в соответствии со ст. 316 УПК РФ не может быть обжалован в апелляционном порядке по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 389<sup>15</sup> УПК РФ<sup>53</sup>. Изучение судебной практики показывает, что такой исход — правовой стандарт<sup>54</sup>.

Попытки отменить обвинительный приговор, вынесенный в особом порядке, со ссылками на «неопровержимые» доказательства алиби, терпят неудачу. Суд апелляционной инстанции проявляет себя редким «формалистом» и не спешит воспользоваться судебным следствием в таких ситуациях хотя бы для восстановления справедливости.

Получается вроде бы безвыходная ситуация для установления истины и восстановления справедливости. Но тут на процессуальную арену выходит суд кассационной инстанции, который хотя и «формалист» по происхождению своему и по буквальному смыслу

<sup>52</sup> См.: Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан от 28 июня 2017 года по делу №22-807/2017 // Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 16.10.2020).

<sup>53</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 15 марта 2016 г. по делу № 1-1284 // Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 16.10.2020).

<sup>54</sup> См.: Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 12 января 2016 г. по делу № 22-32/2016 // Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 16.10.2020); Определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 03.04.2012 г. по делу № 22-1250 // Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 16.10.2020).

ч. 1 ст. 401<sup>15</sup> УПК, тем не менее, неформально реагирует на факты, опровергающие правосудность обвинительного приговора, вынесенного в особом порядке.

Может быть это случайность, а может русский феномен исключительности кассационной модели. Кассация оказалась более эффективным методом реагирования на судебные ошибки в фактической стороне дела, чем апелляция. В то время как апелляция не спешит прибегнуть к судебному следствию, чтобы исправить такую ошибку, то кассационная инстанция безо всякого судебного следствия это делает.

Нам известны несколько примеров отмены кассационной инстанцией приговоров, постановленных в особом порядке (гл. 40 УПК РФ), в виду опровержения обвинения алиби, на которое защита безуспешно ссылалась в апелляционном порядке<sup>55</sup>.

Не исключаем, что здесь дала себя знать особая установка Верховного Суда РФ для судей кассационной инстанции. Не случайно, наверное, была обновлена редакция пункта 18 постановления Пленума от 25 июня 2019 г. № 19, где появилось указание, что по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства (главы 40, 40<sup>1</sup> УПК РФ), наряду с доводами жалобы, представления проверке подлежит соблюдение судом требований ч. 7 ст. 316 УПК РФ<sup>56</sup>. Формально вроде бы ничего нового: все и так знают эту норму. Но не исключено, что тем самым подан знак судам кассационной инстанции: «проверять обоснованность обвинения». И исправлять судебную ошибку<sup>57</sup>.

Итак, парадокс: апелляция может, но не хочет, а кассация и не может, и не хочет, но все равно делает (отменяет обвинительный

<sup>55</sup> См.: Постановление Президиума Ярославского областного суда от 3 августа 2016 года № 44-у-62-2016 // Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 16.10.2020); Постановление Президиума Воронежского областного суда от 26.12.2018 по делу № 44у-94/2018 // Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 16.10.2020).

<sup>56</sup> О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума 25 июня 2019 г. № 19 // Российская газета. 03.07.2019. № 142.

<sup>57</sup> Это мудро. Особенно хорошо, что это сделано в тайне от непосвященных: завеса тайны и неопределенности укрепляет авторитет судебной власти. Полагаю, неправильно трактовать отмеченный феномен как проигрыш апелляции кассации по вопросам факта. В том, что кассация безо всякого судебного следствия усматривает фактическое основание для отмены приговора, вынесенного в особом порядке, с чем не справилась ни апелляция, ни суд первой инстанции, мы видим торжество универсального российского принципа «начальник всегда прав».

приговор в виду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела).

Впрочем, когда надо меч правосудия в руках апелляционной инстанции и так отсечет чего надо у преступности. Суд апелляционной инстанции может изменить решение нижестоящего суда в худшую сторону. И опять же обходится безо всякого следствия, достаточным оказывается доказательств уже имеющихся в деле и представления прокурора, жалобы другого представителя стороны обвинения, а также более развитое чувство справедливости. Такого рода решения иногда скандализуют судебную систему. Особенно когда рассматриваются резонансные дела — в отношении правозащитников, оппозиционеров. Даже появилось мнение, что апелляционное производство встроилось в «судебно-полицейской машину, подавления граждан, всех, кто противостоит государству»<sup>58</sup>.

Однако своевременное вмешательство Конституционного Суда России<sup>59</sup> озонило ситуацию и внесло добрый вклад в установление правовой определенности, ибо было подтверждено, что у суда апелляционной инстанции есть такие полномочия — если имеется представление прокурора или жалоба потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр дела и в которых поставлен вопрос о необходимости учетаотягчающего наказание обстоятельства или об ужесточении наказания осужденному, а значит, об ухудшении его положения.

Важно подчеркнуть, что изменить положение осужденного (оправданного) к худшему суд апелляционной инстанции вправе безо всякого судебного следствия, исходя из своей оценки имеющихся доказательств и доводов прокурора. Выскажем в связи с этим свое мнение: при принятии решения о назначении более строго наказания и в других случаях ухудшения положения осужденного путем изменения приговора, судебное следствие надо проводить. На всякий случай — для убедительности.

Подчеркнем, связь апелляционной модели с судебным следствием не исчерпывается собственно апелляционным судебным

<sup>58</sup> Ремчуков К. «О намерении Азербайджана идти до конца, «агенте» Навальном, шансах Трампа и «наказании» за апелляцию» // Независимая газета от 05.10.2020 – [https://www.ng.ru/politics/2020-10-05/100\\_echo05102020.html](https://www.ng.ru/politics/2020-10-05/100_echo05102020.html) (дата обращения: 16.10.2020).

<sup>59</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 N 3271-О «По запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 1. С. 66–71.

следствием, она более сложна и проявляется по-разному. Так, надо отметить ту положительную роль, которую сыграла апелляционная модель в отлаживании механизма возвращения судом уголовного дела прокурору. Апелляционная инстанция оказала позитивное влияние на правовой стандарт применения норм, регулирующих возвращение судом уголовного дела в виду выявившейся неполноты предварительного следствия. Первый шаг в определении этого основания был сделан Пленумом Верховного Суда РФ: суд по ходатайству стороны или по своей инициативе возвращает дело прокурору при условии, что их устранение не будет связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия<sup>60</sup>. Выполнение этого требования не позволяет полностью восстановить советскую модель «доследования», аннулированную самим Конституционным Судом РФ в 1999 г.<sup>61</sup>.

Мы в свое время негативно оценили перемены в механизме возвращения уголовного дела из суда прокурору, в том числе и из апелляционной инстанции<sup>62</sup>. Теперь признаем — суды нащупали точку «невозврата» дела прокурору. Знаковым событием в установлении ее стало известное уголовное дело в отношении К.С. Серебрянникова и других, в которых имело место попытка судьи вернуть уголовное дело прокурору по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Отменяя его, апелляционная инстанция указала: «органы предварительного расследования при предъявлении обвинения описали в соответствии со ст. 73 УК РФ, способ совершения преступления, время, место, обстоятельства, мотивы и цели, а также роль каждого из соучастников, в том виде и в том объеме, как было ими установлено, исходя из имевшихся у них доказательств. Из этого следует, что обвинительное заключение, утвержденное прокурором, в отношении Апфельбаум С.М., Итина

<sup>60</sup> См.: п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Российская газета. 2017. 29 декабря. № 297.

<sup>61</sup> По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П //СЗ РФ. 26.04.1999. № 17, ст. 2205.

<sup>62</sup> См.: Александров А. С., Лапатников М. В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6–12.

Ю.К., Малобродского А.А. и Серебренникова К.С. содержит тот объем предъявленного обвинения, который органы предварительного расследования посчитали в данном случае доказанным. При таких обстоятельствах принятое судом первой инстанции решение о возвращении дела прокурору нельзя признать законным и обоснованным, и соглашаясь в этой части с апелляционным представлением, суд апелляционной инстанции приходит к выводу об отсутствии у суда первой инстанции на данном этапе судебного разбирательства препятствий для рассмотрения уголовного дела по существу, в связи с чем, обжалуемое постановление подлежит отмене, а уголовное дело - передаче на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе»<sup>63</sup>. Похожее решение апелляционная инстанция приняла еще по одному уголовному делу<sup>64</sup>.

Таким образом, благодаря судам апелляционной инстанции, установился более жесткий стандарт допустимости возвращения уголовного дела прокурору в виду неполноты предварительного расследования. Они если сами не проводят, то хотя бы заставляют суд первой инстанции проводить судебное следствие, а не сливать его в предварительное.

Подведем итоги. Мы, конечно, не относимся себя к тем злопыхателям, которые говорят, что перестройки в системе судебно-контрольных инстанций — только трата денег налогоплательщиков. Ведь сути уголовного правосудия все эти перестройки не изменили и не изменят.

Мы думаем иначе: чем «больше» судебная власть, тем лучше. Выскажем прогноз: под тяжестью судебного строения, которое, надеемся, в скором времени, утяжелит корпус следственных судей, следственный базис (в виде досудебного производства) сплющится до минимума и самоликвидируется!

Вот тогда судебное следствие и судебное доказывание станут источником объективного процедурного знания. Это будет небывалая в истории победа суда над следователем. Без проведения ре-

формы предварительного расследования. И наша система противодействия преступности таким самобытным маневром войдет в семью развитых уголовно-процессуальных порядков.

#### Список литературы:

1. Александров А.С., Лапатников М.В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6–12.
2. Интервью Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Российской газете» – <https://sledcom.ru/press/interview/item/507388/> (дата обращения: 16.10.2020).
3. Медведев Д.А. Свобода лучше, чем несвобода // Российская газета. 2008. 21 февраля – <https://rg.ru/2008/02/21/svoboda.html> (дата обращения: 16.10.2020).
4. Ремчуков К. «О намерении Азербайджана идти до конца, «агенте» Навальном, шансах Трампа и «наказании» за апелляцию» // Независимая газета от 05.10.2020 – [https://www.ng.ru/politics/2020-10-05/100\\_echo05102020.html](https://www.ng.ru/politics/2020-10-05/100_echo05102020.html) (дата обращения: 16.10.2020).
5. Романова А.А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. наук. Н. Новгород, 2017.
6. Сергеев П. Искусство речи на суде. Тула, 1998.

<sup>63</sup> Апелляционное постановление Московского городского суда 08.10.2019 по делу № 10-19458/2019 // <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/5db6bbb2-6461-408f-8e82-59b74181b668> (дата обращения: 16.10.2020).

<sup>64</sup> Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 04.06.2019 № 22-2657/19 // [https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=28651329&delo\\_id=4&new=4&text\\_number=1#](https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=28651329&delo_id=4&new=4&text_number=1#) (дата обращения: 16.10.2020).

**Об основаниях пересмотра в кассационном порядке судебных решений, принятых в стадии исполнения приговора**

**On the grounds for cassation review of court decisions taken at the stage of execution of the sentence**

**Аннотация.** В статье рассматриваются наиболее частые основания к отмене судом кассационной инстанции судебных решений, принятых в стадии исполнения приговора. Делается вывод о том, что существенные нарушения норм уголовного права применительно к стадии исполнения приговора, как правило, определяют материально-правовые основания для принятия соответствующего решения (основания применения условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, освобождения от наказания в связи с болезнью, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и т. д.). К числу существенных нарушений уголовно-процессуального характера относятся такие, в результате которых стороны лишаются возможности реализовать свои права и законные интересы и тем самым повлиять на исход уголовного дела (ненадлежащее извещение сторон и, как следствие этого, — рассмотрение дела в отсутствие участников процесса, чьи права и законные интересы могут быть затронуты пересматриваемым решением, отсутствие подписи председательствующего на протоколе судебного заседания).

**Ключевые слова:** стадия исполнения приговора, пересмотр судебных решений, суд кассационной инстанции, основания отмены, существенные нарушения уголовно-процессуального закона.

**Abstract.** The article examines the most common grounds for the cancellation of court decisions by the court of cassation, adopted at the stage of execution of the sentence. It is concluded that significant violations of criminal law in relation to the stage of execution of the sentence, as a rule, determine the substantive legal grounds for making the appropriate decision (the grounds for applying conditional early release from

<sup>65</sup> Качалов Виктор Иванович, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

Viktor I. Kachalov, Professor of the Department of Criminal Procedure Law named after N. V. Radutnoi of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor.

further serving a sentence, release from punishment due to illness, replacement unserved part of the punishment with a milder type of punishment, etc.). Significant violations of a criminal procedural nature include those as a result of which the parties are deprived of the opportunity to exercise their rights and legitimate interests and thereby influence the outcome of the criminal case. (improper notification of the parties and, as a consequence, — consideration of the case in the absence of participants in the process, whose rights and legitimate interests may be affected by the revised decision, lack of signature of the presiding judge on the minutes of the court session).

**Keywords:** stage of execution of the sentence, revision of court decisions, court of cassation, grounds for cancellation, significant violations of the criminal procedure law.

Возможность проверки законности и обоснованности судебного решения выступает в качестве одной из составляющих прав человека на справедливое правосудие. Как верно пишет О.В. Качалова: «положения ст. 6 УПК РФ, определяющие назначение уголовного судопроизводства, смысл и содержание основных институтов уголовно-процессуального права как предназначенных для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, определяют и значение института пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводств»<sup>66</sup>.

Среди предусмотренных уголовно-процессуальным законом судебно-проверочных инстанций, приемлемых для пересмотра решений, принятых в стадии исполнения приговора, являются апелляция, кассация и надзор, хотя ст. 401 УПК РФ прямо указывает на возможность лишь апелляционного порядка пересмотра данных решений<sup>67</sup>. Однако в силу общего смысла и содержания института обжалования в уголовном судопроизводстве кассационное и надзорное производства также применимы для проверки судебных решений, принятых в ходе исполнения итоговых судебных решений. На это указывает и п. 26 Постановления Пленума Верховного

<sup>66</sup> См.: Качалова О.В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. М., 2016. С. 154.

<sup>67</sup> См.: Качалов В.И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений. М., 2017. С. 259.

Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

Возможность обращения в кассационную и надзорные инстанции для проверки судебных решений, принятых в порядке уголовно-процессуальных исполнительных производств, означает доступ к новому, более высокого уровня и компетенции, суду. В. А. Давыдов совершенно справедливо пишет о том, что в большинстве существенных моментов производство в суде надзорной инстанции осуществляется по тем же правилам, что и производство в суде кассационной инстанции, оба производства имеют родственную правовую природу, единые цели, предмет, задачи и общие основания пересмотра судебных решений<sup>68</sup>. Вместе с тем, следует понимать, что современный надзор, осуществляемый Президиумом Верховного Суда РФ, реализует задачи судебной-проверочной деятельности в совокупности с задачами высшей судебной инстанции, решения которой имеют принципиальное значение для определения вектора судебной практики и толкования и применения закона всеми судами.

Специфика производства в суде кассационной инстанции обусловлена тем, что суд кассационной инстанции уже не выступает как суд факта, его компетенции — разрешение вопросов исключительно правового характера. Как верно пишет Л. В. Головкин, кассационное рассмотрение дела представляет собой «краткую концентрированную дискуссию по важной проблеме толкования права»<sup>69</sup>. Никаких принципиальных особенностей правового регулирования в кассации применительно к предмету судебного разбирательства, механизму судебной-проверочной деятельности суда, пределах полномочий суда при проверке вступивших в законную силу судебных решений, принятых в порядке уголовно-исполнительного производства, не усматривается.

Анализ правоприменительной практики приводит к выводу о том, что судебные решения, принимаемые при разрешении вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора и иных итоговых судебных решений, достаточно часто обжалуются в суд кассационной инстанции.

<sup>68</sup> См.: Давыдов В.А. Комментарий к главе 48<sup>1</sup> УПК РФ // Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2014. С. 902–903.

<sup>69</sup> См.: Головкин Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М., 2011. С. 55–56.

Предметом судебного разбирательства в суде кассационной инстанции выступает законность определения или постановления суда, вступивших в законную силу (ст. 401<sup>1</sup> УПК РФ и ч. 2 ст. 412<sup>1</sup> УПК РФ).

Основаниями отмены судебного решения в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (ст. 401<sup>15</sup> УПК РФ, ст. 412<sup>9</sup> УПК РФ). Существенные нарушения норм уголовного права применительно к стадии исполнения приговора, как правило, определяют материально-правовые основания для принятия соответствующего решения (основания применения условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, освобождения от наказания в связи с болезнью, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, наличие либо отсутствие оснований к изменению наказания ввиду принятия уголовного закон, имеющего обратную силу и т. д.), которые делают принятое судебное решение незаконным и несправедливым.

Весьма распространенным основанием к отмене судебного решения, принятого в стадии исполнения приговора, является неправильное исчисление срока наказания, подлежащего назначению осужденному ввиду приведения приговора в соответствии с вновь принятым уголовным законом, смягчающим его положение. Так, например, по делу в отношении П., сделав вывод о том, что внесенные ФЗ № 141-ФЗ от 29 июня 2009 г. в ч. 1 ст. 62 УК РФ изменения улучшают положение осужденного, президиум суда Ямало-Ненецкого автономного округа фактически его положение не улучшил, так как оставил наказание по ч. 1 ст. 222 УК РФ в том размере, которое было назначено по приговору суда до внесения изменений в закон. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала данное решение не соответствующим требованиям закона, изменив его и снизив назначенный размер наказания в виде лишения свободы<sup>70</sup>.

К числу существенных нарушений уголовно-процессуального характера, выступающих кассационными основаниями для отмены судебных решений, являются такие нарушения, в результате которых стороны лишаются возможности реализовать свои права и законные интересы и тем самым повлиять на исход уголовного дела. Они зачастую бывают аналогичны тем, которые влекут отмену в

<sup>70</sup> Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. № 70-УДП17-1 // СПС Консультант Плюс.

кассации (надзоре) иных судебных решений, в том числе и итоговых — ненадлежащее извещение сторон и, как следствие этого, — рассмотрение дела в отсутствие участников процесса, чьи права и законные интересы могут быть затронуты пересматриваемым решением, отсутствие подписи председательствующего на протоколе судебного заседания, проведенного в порядке ст. 399 УПК РФ<sup>71</sup> и т. д. К числу безусловного основания к отмене судебного решения является не извещение вопреки требованиям закона заинтересованных лиц о рассмотрении вопросов, при разрешении которых могут быть затронуты их права и законные интересы. Так, Верховный Суд РФ отменил постановление Верховного Суда Республики Мордовия ввиду того, что о месте и времени рассмотрения вопроса, связанного с исполнением приговора (устранение ошибки в порядке взыскания гражданского иска) стороны, в том числе и осужденная, не извещались. Осужденная Л. при таких обстоятельствах была лишена возможности осуществить свои права с помощью адвоката, заявить ходатайство о своем участии в судебном заседании. Дело было направлено на новое рассмотрение<sup>72</sup>. Аналогичное решение принял Президиум Московского городского суда, указав в качестве оснований отмены судебного решения рассмотрение материалов дела в отсутствие осужденного<sup>73</sup>.

Президиумом Московского городского суда было отменено решение, вынесенное в отсутствие представителя Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции РФ, что послужило одним из оснований для отказа в удовлетворении представления, хотя ранее суд признавал невозможным рассмотрение представления в отсутствие представителя данного учреждения<sup>74</sup>.

К числу нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих изменение судебного решения, принятого в порядке исполнения приговора и иного судебного решения в суде кассационной (надзорной инстанции) судебная практика относит также отсутствие в судебном решении о признании и исполнении приговора иностранного государства указания закона РФ, по которому гражд-

<sup>71</sup> См.: Постановление Президиума Московского городского суда от 28.06.2013 по делу № 44у-182/13 // Архив Московского городского суда за 2013 г.

<sup>72</sup> Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда от 31 октября 2007 г. № 15-Д07-26 // СПС Консультант Плюс.

<sup>73</sup> См.: Постановление Президиума Московского городского суда от 23.08.2013 по делу № 44у-231/13 // Архив Московского городского суда за 2013 г.

<sup>74</sup> См.: Постановление Московского городского суда от 04.07.2013 № 4у/3-3794 // Архив Московского городского суда за 2013 г.

данин должен отбывать наказание<sup>75</sup>; отсутствие в данном виде решения указаний на начало и окончание срока отбывания наказания осужденным, а также вид исправительного учреждения, в котором осужденный должен отбывать наказание<sup>76</sup>; отсутствие подписи председательствующего на протоколе судебного заседания, проведенного в порядке ст. 399 УПК РФ<sup>77</sup> и др.

В кассационном порядке также могут быть внесены изменения технического характера в судебные решения, если на предыдущих этапах производства ошибки технического характера не были устранены. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации внесла изменение в Постановление президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 12 марта 2014 г., в котором была неправильно указана дата рождения осужденного Г. : «во вводной части постановления президиума считать дату рождения Г. <...> года»<sup>78</sup>.

#### Список литературы.

1. Головкин Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2011. 188 с.
2. Давыдов В.А. Комментарий к главе 48<sup>1</sup> УПК РФ // Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. В. М. Лебедева. М., 2014. 1054 с.
3. Качалов В.И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений. М., 2017. 298 с.
4. Качалова О.В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. М., 2016. 242 с.

<sup>75</sup> См.: Постановление Президиума Московского городского суда от 16.01.2015 по делу № 44у-300/14 // Архив Московского областного суда за 2015 г.

<sup>76</sup> См.: Постановление Московского городского суда от 31.01.2013 № 4у/9-77/13 // Архив Московского городского суда за 2013 г.

<sup>77</sup> См.: Постановление Президиума Московского городского суда от 28.06.2013 по делу № 44у-182/13 // Архив Московского городского суда за 2013 г.

<sup>78</sup> Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2014 г. № 49-УД14-22 // СПС Консультант Плюс.

**Особенности процессуального положения и участия прокурора  
в рассмотрении уголовного дела  
судом апелляционной инстанции**

**Features of the procedural status and participation  
of the Prosecutor in the consideration of a criminal case  
by the court of appeal**

**Аннотация.** Рассматриваются проблемные вопросы процессуального статуса прокурора в апелляционном производстве, характеристика его деятельности и последствия её осуществления в суде апелляционной инстанции.

**Ключевые слова:** прокурор, государственный обвинитель, апелляция, отказ от обвинения.

**Abstract.** The article deals with problematic issues of the Prosecutor's procedural status in appeal proceedings, the characteristics of his activity and the consequences of its implementation in the court of appeal.

**Keywords:** prosecutor, public prosecutor, appeal, refusal of prosecution.

Процессуальный статус и роль представителей прокуратуры, принимающих участие в заседании суда апелляционной инстанции, неоднократно становились предметом рассмотрения в юридической литературе, однако единого мнения о них в теории и практике современного российского уголовного судопроизводства до настоящего времени не сложилось.

Согласно ч. 1 ст. 389<sup>1</sup> УПК РФ право апелляционного обжалования предоставлено государственному обвинителю и (или) вышестоящему прокурору. В то же время в п. 1 ч. 1 ст. 389<sup>12</sup> УПК РФ

<sup>79</sup> Шадрин Виктор Сергеевич, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) ФГБУВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Viktor S. Shadrin, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, doctor of law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation.

говорится об обязательности участия с судебном заседании суда апелляционной инстанции «государственного обвинителя и (или) прокурора», что позволяет сохранять и использовать в настоящее время ранее сложившуюся судебную и прокурорскую практику, в которой традиционно допускалось участие в заседаниях суда апелляционной инстанции не только государственных обвинителей и вышестоящих прокуроров, но и иных представителей прокуратуры, прежде всего занимающих должности прокуроров апелляционных отделов уголовно-судебных управлений (ранее — управлений по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел) прокуратур субъектов Российской Федерации, аналогичных структурных подразделениях Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Главной военной прокуратуры. С учетом отмеченных особенностей правового регулирования и реальной судебной практики Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что судебные решения в апелляционном порядке могут быть обжалованы не только государственным обвинителем и (или) вышестоящим прокурорами, но и прокурором, который может выступать в суде апелляционной инстанции вместо обвинителя<sup>80</sup>.

В свою очередь Генеральный прокурор Российской Федерации в своем приказе наряду с разъяснением, что вышестоящий прокурор — вышестоящий по отношению к государственному обвинителю прокурор (его заместитель), имеющий в соответствии с уголовно-процессуальным законом принести представление, обозначил, какие именно прокуроры и какого уровня системы прокуратуры должны участвовать в заседаниях суда соответствующей апелляционной инстанции. Вместе с тем предписано иметь в виду, что по указанию руководителей прокуратур «в необходимых случаях» в заседаниях судов апелляционной инстанции могут участвовать и иные прокуроры, а также создаваться группы государственных обвинителей и (или) иных прокуроров<sup>81</sup>.

Такой (вариативный) подход к определению участников апелляционного производства от прокуратуры в зависимости от ситуации, определяемой особенностями производства по конкретному

<sup>80</sup> Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», п. 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

<sup>81</sup> Приказ Генерального прокурора от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», п. 14, 17.

уголовному делу, полностью соответствует положениям уголовно-процессуального закона, согласно которым прокурор — это соответственно Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре (п. 31 ст. 5 УПК РФ). В принципе участие в заседании суда апелляционной инстанции может быть поручено соответствующим руководителем прокуратуры любому нижестоящему прокурору, руководствуясь, разумеется, под свою персональную ответственность определением его компетентности в вопросах уголовного судопроизводства и способности надлежащим образом выполнить возложенные на него обязанности.

Тем не менее, судебной практике известны случаи, когда судьи под теми или иными предлогами, не имеющими должных оснований в законе, не допускают назначенное от прокуратуры лицо, имеющее процессуальный статус прокурора, к участию в заседании суда апелляционной инстанции. Так, на приговор Свердловского областного суда апелляционное представление было подано Р. — и. о. начальника отдела государственных обвинителей прокуратуры Свердловской области. Однако постановлением судьи апелляционной инстанции, вынесенным при назначении дела к рассмотрению, оно было возвращено, поскольку указанное лицо в суде первой инстанции не участвовало, обвинение не поддерживало<sup>82</sup>. Подобные случаи можно расценивать как не обязательное вмешательство судебной власти в прерогативу прокуратуры определять, какой именно ее представитель способен наиболее эффективно отстаивать перед судом интересы как государства, общества, так и отдельной личности. Возможно, исключению такого рода ситуаций из судебной практики могло бы способствовать закрепление в уголовно-процессуальном законе прямого указания на то, что публичные действия в суде осуществляет прокуратура, правомочная по своему усмотрению направлять в судебное заседание компетентных в данной области юридических знаний своих представителей, как это сделано, например, в Гер-

<sup>82</sup> Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Часть 2. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики. Практическое пособие. 7-е издание, переработанное и дополненное: под ред. В.М. Лебедева. Юрайт, 2016.

мании и Франции, уголовный процесс в которых, как и российский, относится к смешанному типу. Так, § 296 УПК ФРГ гласит: «Право допустимого обжалования судебных решений принадлежит как прокуратуре, так и обвиняемому», а в § 324, предусматривающем проведение разбирательства в апелляционном суде, говорится о «представителе прокуратуры». Согласно ст. 34 УПК Франции Генеральный прокурор лично или через своих заместителей «представляет прокуратуру в апелляционном суде».

В посвященных участию прокурора в апелляционном производстве научных статьях, в том числе практических работников прокуратуры, неоднократно поднимались вопросы, кому именно из представителей прокуратуры целесообразно осуществлять участие в заседании суда апелляционной инстанции. Так, критикуя формулировку п. 1 ч. 1 ст. 389<sup>12</sup> УПК РФ о возможности одновременного участия в заседании суда апелляционной инстанции государственного обвинителя и прокурора, категорично указывалось: «Необходимости в таком тандеме нет никакой»<sup>83</sup>. Утверждалось, что, «очевидно, говоря о прокуроре, законодатель имел в виду вышестоящего прокурора, который в силу ст. 389<sup>1</sup> УПК РФ вправе обжаловать приговор или иное судебное решение, если этого по тем или иным причинам не сделал государственный обвинитель, а также в случае несогласия с мотивами апелляционного представления последнего»<sup>84</sup>, хотя явных оснований для такого рода очевидности не усматривается. Приводились аргументы, что для обеспечения объективности и беспристрастности представителя прокуратуры в оценке исследуемых в апелляционном производстве материалов уголовного дела «в суде апелляционной инстанции непосредственно должен участвовать тот прокурор, который не принимал участия в рассмотрении уголовного дела по существу», т. е. в заседании суда первой инстанции<sup>85</sup>.

Как представляется, предусматриваемая законом возможность участия в суде апелляционной прокуроров в разном процессуальном качестве, должностном положении и сочетании не

<sup>83</sup> *Разинкина А.Н.* Проблемы правовой регламентации процедур пересмотра судебных актов в апелляционном и кассационном порядке // *Законность.* 2013. № 9. С. 8.

<sup>84</sup> *Жумаканова Н.А.* Какой прокурор приходит в апелляцию? // *Российский юридический журнал.* 2014. № 4. С. 104.

<sup>85</sup> *Курочкина Л.А.* Прокурор в суде апелляционной инстанции: кто он? // *Законность.* 2016. № 7. С. 29.

является свидетельством каких-либо просчетов законодателя, а лишь свидетельствует о широких полномочиях прокуратуры по своему усмотрению, в зависимости от характера, сложности и иных особенностей конкретного уголовного дела, определять состав своих представителей в данном заседании суда апелляционной инстанции. При этом за каждым из них сохраняется право оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению. При участии в рассмотрении уголовного судом нескольких представителей прокуратуры какие-либо разногласия между ними не допустимы. Если это разногласия между прокурором и вышестоящим прокурором, то последний должен или согласиться с прокурором, или сам осуществлять участие в суде. Во всяком случае, они должны действовать непременно согласованно, не забывая о необходимости проявлять необходимую осмотрительность в оценке исследуемых доказательств по уголовному делу и исправно исполнять требование Генерального прокурора Российской Федерации всемерно способствовать принятию судом законного, обоснованного и справедливого решения. Как отмечал в прошлом известный деятель прокуратуры Н. В. Муравьев, с 1884 г. министр юстиции России, «вся сила прокурорского учреждения заключается в его единстве, а единство его должно состоять в том, чтобы все органы прокурорского надзора действовали согласно между собой и нераздельно»<sup>86</sup>.

Проблемным является и вопрос о функции прокурора в апелляционном производстве. Довольно распространенным является мнение, что какое бы должностное лицо органа прокуратуры ни пришло в заседание суда, его функция заключается в поддержании государственного обвинения<sup>87</sup>. Исходя из этого, утверждается что «в случае отказа прокурора от обвинения суду апелляционной инстанции необходимо принять решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным п. п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 и п. п. 1, 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, а иное означало бы выполнение судом несвойственной ему функции обвинения»<sup>88</sup>.

<sup>86</sup> *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889. С. 420.

<sup>87</sup> См.: *Жумаканова Н.А.* Указ. соч. С. 104.

<sup>88</sup> *Панюкин А.М.* Право прокурора на отказ от обвинения в суде апелляционной инстанции // Уголовное право. 2018. № 2. С. 128.

Однако следует иметь в виду правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой следует учитывать, что предъявленное по уголовному делу обвинение в суде первой инстанции уже трансформировалось в приговор, по поводу которого, исходя из содержания апелляционных жалобы или представления, и ведется спор в суде апелляционной инстанции. Принимая во внимание, что юридическая оценка деяния и назначение наказания за него осуществляются именно и только судом, исходя из его исключительных полномочий по осуществлению правосудия, установленных Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом, суд призван вынести решение в соответствии с принципами самостоятельности, свободы и независимости от позиций сторон. При этом позиция прокурора в апелляционной инстанции об отмене приговора и оправдании лица за отсутствием состава преступления не является для суда обязательной и не влечет таких же последствий, как отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции. Для случаев, когда суд апелляционной инстанции придет к выводу об ошибочности позиции прокурора и установит, что вынесенный приговор является законным, обоснованным и справедливым, он правомочен отказать в удовлетворении апелляционного представления прокурора, что, в свою очередь, влечет вступление решения суда первой инстанции в законную силу<sup>89</sup>.

#### Список литературы:

1. *Жумаканова Н.А.* Какой прокурор приходит в апелляцию? // Российский юридический журнал. 2014. № 4.
2. *Курочкина Л.А.* Прокурор в суде апелляционной инстанции: кто он? // Законность. 2016. № 7.
3. *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889. 552 с.
4. *Панюкин А.М.* Право прокурора на отказ от обвинения в суде апелляционной инстанции // Уголовное право. 2018. № 2.
5. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Часть 2. Актуальные вопросы судебной

<sup>89</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 № 2800-О «По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 2.

практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики. Практическое пособие. 7-е издание, переработанное и дополненное: под ред. В. М. Лебедева. Юрайт, 2016.

6. *Разинкина А.Н.* Проблемы правовой регламентации процедур пересмотра судебных актов в апелляционном и кассационном порядке // Законность. 2013. № 9.

Насонов С.А.  
Nasonov S.A.<sup>90</sup>

### **Действительные и мнимые проблемы апелляционного пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей**

#### **Valid and mock problems of the appellate review of judgments rendered on the basis of the jury verdict**

**Аннотация.** В статье исследуются проблемы апелляционного пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей. Автором приводится собственная классификация моделей пересмотра не вступивших в законную силу приговоров суда присяжных: полная апелляция, неполная апелляция и ограниченный пересмотр (кассация). В статье рассматривается проблема проявления всех указанных моделей пересмотра в новейшей апелляционной практике. Анализируется проблема трансформации апелляционного производства в средство компенсации допущенных сторонами тактических ошибок, которые, используя полученную непроцессуальным путем после вердикта присяжных заседателей информацию, добиваются отмены приговора в суде второй инстанции.

**Ключевые слова:** вердикт, суд присяжных, присяжные заседатели, приговор, законность, апелляция.

**Abstract.** The article examines the problems of appellate review of judgments rendered on the basis of a jury verdict. The author provides his own classification of models of revision of judgments rendered by jury trial that have not entered into legal force: full appeal, incomplete appeal and limited revision (cassation). The article deals with the problem of manifestation of all these models of revision in the latest appeal practice. The article analyzes the problem of transforming the appeal proceedings into a means of compensating for tactical mistakes made by the parties, which, using information obtained in a non-procedural way

---

<sup>90</sup> Насонов Сергей Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат АП г. Москвы, кандидат юридических наук.

Sergey A. Nasonov, Associate Professor of the Chair of Criminal Procedure Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Advocate of the Moscow Bar Association, PhD in law.

after the jury's verdict, seek to overturn the judgment in the court of the second instance.

**Keywords:** verdict, jury trial, jurors, sentence, legality, appeal.

Дифференциация проблем уголовно-процессуального производства на действительные и мнимые всегда имеет условный характер. Каждая из действительных проблем проявляется в контексте обстоятельств конкретного уголовного дела и может иметь различное значение по разным делам: где-то существенно влиять на правосудность приговора, где-то – не оказывать такого воздействия. С развитием уголовно-процессуального законодательства та или иная проблема может стать мнимой, т.е. не создавать никаких сложностей в судопроизводстве. При этом могут возникать новые проблемы, ранее никак не проявлявшиеся в судебной практике. Эти закономерности в полной мере характерны и для апелляционного пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей.

В литературе высказывается суждение, что *основная проблема* апелляционного производства по этой категории дел – имманентное противоречие между сущностными чертами апелляции и сущностью присяжного судопроизводства<sup>91</sup>. Эта позиция впервые была озвучена еще классиками российской процессуальной мысли, которые категорически отвергали пригодность апелляции для пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей. Так, В.К. Случевский, критикуя идею распространения апелляционного пересмотра на приговоры суда присяжных, подчеркивал, что «...апелляция может быть применена только по отношению к тем судебным приговорам, которые мотивируются, только основания этих приговоров могут быть проверены по существу»<sup>92</sup>.

С одной стороны, такой подход имеет под собой определенное объективное основание, поскольку «классическая» апелляционная проверка подобных приговоров реализована быть не может вследствие ряда причин:

— полный пересмотр уголовного дела судом апелляционной инстанции, действующим в составе коллегии профессиональных

судей, будет означать вторжение в исключительную компетенцию присяжных заседателей, правомочных устанавливать фактические обстоятельства дела и виновность подсудимого;

— не применима к апелляционному пересмотру таких приговоров и концепция более высокого профессионализма апелляционных судей, поскольку сопоставление по этому признаку присяжных заседателей и профессиональных судей невозможно;

— очевидно также и то, что суд апелляционной инстанции не вправе вынести то же решение, что и коллегия присяжных заседателей.

— по указанным причинам, суд апелляционной инстанции не вправе исследовать те же доказательства, что и присяжные заседатели.

С другой стороны, проблема несовместимости апелляционного пересмотра с производством в суде с участием присяжных заседателей, на наш взгляд, является *мнимой*, поскольку современные модели проверки не вступивших в законную силу приговоров, вынесенных судом присяжных, в достаточной степени адаптировались под специфику присяжного судопроизводства. В зависимости от предмета и средств такой проверки можно выделить три концептуальных модели подобного производства: полная (неограниченная или незначительно ограниченная) апелляция; неполная (частично ограниченная) апелляция; кассация (максимально ограниченная апелляция).

*Первая модель* апелляционного пересмотра таких приговоров представляет собой сущностную трансформацию самого апелляционного суда, который преобразуется в своеобразный аналог суда с участием присяжных заседателей, вследствие чего получает возможность пересматривать приговор в полном объеме, включая вердикт присяжных заседателей. Подобная трансформация может быть произведена в двух формах. Первая форма состоит во введении в состав суда второй инстанции присяжных заседателей, что позволяет произвести новое рассмотрение уголовного дела другой коллегией присяжных заседателей в процессуальном режиме тождественным рассмотрению дела судом первой инстанции. В настоящее время такая модель предусмотрена Уголовно-процессуальным кодексом Франции для судов ассизов, не являющихся судами присяжных в классическом понимании. В случае рассмотрения уголовного дела по первой инстанции судом ассизов, его приговор может быть обжалован в режиме «горизонтальной» апелляции, когда по-

<sup>91</sup> См.: Бобракова И.С., Ковтун Н.Н. Апелляция в уголовном процессе: осознанная необходимость или взлелеянный миф // Вопросы правоведения. М., 2012. № 2. С. 178–191.

<sup>92</sup> Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 625.

сле принесения жалобы дело заново рассматривается другим судом ассизов, являющимся судом того же уровня, но только в составе трех профессионалов и 12 членов жюри<sup>93</sup>. Другим примером этого же подхода является уголовно-процессуальная модель апелляции в Норвегии, где суд присяжных функционирует только на уровне суда апелляционной инстанции. Согласно статье 352 Уголовно-процессуального акта Норвегии (The Criminal Procedure Act) от 22 мая 1981 г., апелляционный суд должен включить в свой состав присяжных заседателей, если в апелляционной жалобе на приговор оспаривается оценка доказательств, подтверждающих виновность осужденного, либо оспаривается размер наказания, назначенного судом (за совершение преступления, за которое полагается более 6 лет лишения свободы)<sup>94</sup>.

Вторая форма рассматриваемой модификации представляет собой наделение профессионального состава суда апелляционной инстанции полномочиями по проверке обоснованности вердикта присяжных заседателей. В Великобритании, например, предусмотрены апелляция по вопросам права (для нее основанием является ошибочное применение судом норм уголовного или уголовно-процессуального права) и апелляция по вопросам факта (неверное установление фактических обстоятельств дела, недоказанность обвинения, необоснованность наказания и т. д.). Отделение по уголовным делам Апелляционного суда, пересмотрев дело по существу, вправе принять следующие виды решений: отклонить апелляцию; отменить вердикт присяжных и вынести альтернативный вердикт о признании лица виновным в совершении другого преступления с учетом принципа «запрета поворота к худшему»; отменить вердикт присяжных и вынести специальный вердикт о признании подсудимого невменяемым. Очевидно, что суд апелляционной инстанции в рассматриваемом случае наделяется правом исследования доказательств, в т.ч. тех, что в суде первой инстанции исследуются только с участием присяжных заседателей<sup>95</sup>.

*Вторая модель* апелляционного пересмотра рассматриваемых приговоров — неполная апелляция — представляющая собой пере-

<sup>93</sup> Головки Л.В. Реформа уголовного процесса во Франции // Государство и право. 2001. № 8. С. 96.

<sup>94</sup> Насонов С.А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // Lex Russica. 2013. № 4. С. 379–390.

<sup>95</sup> См.: Там же. С. 379–390.

смотр приговоров только в части допущенных нарушений норм процессуального или материального права, характеризуется существенным ограничением как предмета проверки (вердикт присяжных не проверяется) так и процессуальных средств (не исследуются новые доказательства, касающиеся фактов, устанавливаемых, исключительно, присяжными заседателями).

Так, согласно ст. 846-2 в. УПК Испании в апелляционном порядке приговор, постановленный на основании вердикта присяжных, может быть отменен по одному из следующих оснований:

1) процедура или приговор содержат нарушение процессуальных норм и гарантий...;

2) приговор нарушает положения закона или конституционные права подсудимого применительно к юридической квалификации деяния осужденного или определению наказания или применительно к мерам безопасности и гражданской ответственности;

3) был потребован роспуск суда присяжных вследствие отсутствия существенных доказательств виновности подсудимого, однако эта просьба была отклонена председательствующим без указания причин;

4) был назначен, но не был произведен роспуск суда присяжных;

5) была нарушена презумпция невиновности в связи с тем, что рассмотренные на слушании доказательства не дают достаточных оснований для вынесения обвинительного приговора<sup>96</sup>.

Необходимо отметить, что последнее апелляционное основание не означает проверку апелляционным судом обоснованности вердикта присяжных, а лишь наличие ссылок в вердикте на доказательства, послужившие основанием для выводов присяжных.

Режим неполной апелляции позволяет суду при проверке приговора исследовать любые доказательства (в т. ч. допросить свидетеля), не подлежащие исследованию с участием присяжных заседателей, если они позволяют проверить наличие апелляционного основания.

Наконец, *третья модель* рассматриваемого производства — кассация — представляет собой самое существенное сужение, как предмета, так и средств проверки приговора, вынесенного судом с участием присяжных заседателей.

<sup>96</sup> Насонов С.А. Европейские модели производства в суде присяжных: суд присяжных в Испании (сравнительно-правовое исследование) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 154–159.

Эта модель была закреплена в Уставе уголовного судопроизводства России 1864 года (далее — УУС), в УПК РСФСР 1960 г. (в период с 16 июля 1993 г. по 1 июля 2002 г.), в УПК РФ — с момента его принятия по 1 января 2013 г. Суть кассационного пересмотра очень точно была передана И.Я. Фойницким, который подчеркивал, что «... в его чистом виде кассационный пересмотр ограничивается ответом на поставленный жалобой вопрос о наличии или отсутствии нарушений закона в обжалованном приговоре..., отнюдь не переходя в разрешение самого дела и постановление по нему приговора»<sup>97</sup>. Проверка приговора в рассматриваемом процессуальном режиме осуществляется лишь по материалам дела и никакие новые доказательства исследованию в судебном заседании не подлежат.

К какой же из рассмотренных моделей апелляционного пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, относится современное российское апелляционное производство?

На первый взгляд, ответ очевиден: процессуальный режим пересмотра таких приговоров, закрепленный в УПК РФ, соответствует модели неполной (ограниченной) апелляции. Согласно ст. 389<sup>27</sup> УПК РФ основаниями отмены или изменения судебных решений, вынесенных с участием коллегии присяжных заседателей, являются три группы оснований, предусмотренных пунктами 2–4 статьи 389<sup>15</sup> УПК РФ: существенное нарушение уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона; несправедливость приговора. Очевидно, что такие основания исключают возможность оспаривания обоснованности обжалованного приговора в суде апелляционной инстанции.

Однако анализ судебной практики позволяет выявить проявление иных моделей апелляционного пересмотра.

Так, например, в апелляционном представлении по делу Ш. государственные обвинители указали, что вердикт коллегии присяжных заседателей о недоказанности события преступления в отношении Ш. «противоречит здравому смыслу, поскольку факт его смерти не оспаривался сторонами и установлен заключением экспертов». Несмотря на очевидную незаконность этого тезиса, Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда согласилась с ним и, отменяя оправдательный приговор в отноше-

<sup>97</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. СПб. Т. 2. 1996. С. 533, 548.

нии Ш., указала, что «...присяжные заседатели, путем голосования, признали недоказанным событие преступления, несмотря на наступление смерти потерпевшего Ш. Д. А. 25 ноября 2015 г. от закрытой черепно-мозговой травмы, полученной им в результате нанесения ему множественных ударов руками и ногами в область головы, 20 ноября 2015 г. в помещении СИЗО-4 УФСИН по г. Москве. Кроме того, из протокола судебного заседания усматривается, что сторонами в ходе судебного следствия и в прениях сторон не оспаривался факт умышленного причинения телесных повреждений потерпевшему Ш. Д. А., от которых в дальнейшем наступила смерть последнего, а стороной защиты оспаривалась причастность к этому подсудимых Щ. С. и А. При таких обстоятельствах, следует согласиться с доводами апелляционного представления о нарушении председательствующим требований ст. 345 УПК РФ»<sup>98</sup>.

Представляется, что такое понимание противоречивости вердикта является глубоко ошибочным. Закон под противоречивостью вердикта имеет в виду его *внутреннюю противоречивость*, когда ответы присяжных противоречат вопросам или друг другу. Попытка сопоставления вердикта присяжных заседателей с доказательствами по делу, с позициями сторон или со здравым смыслом — прямое оспаривание решения присяжных заседателей, запрещенное уголовно-процессуальным законом. Фактически, суд апелляционной инстанции реализовал указанным решением рассмотренную выше модель полного апелляционного пересмотра, предполагающего оценку обоснованности вердикта присяжных заседателей и возможность его корректировки.

По ряду других дел, в судебной практике можно выявить классический кассационный подход к апелляционной проверке приговоров, вынесенных на основании вердиктов присяжных заседателей. Это выражается в тотальном запрете исследования каких-либо новых или ранее исследованных доказательств в судебном следствии (которое в этой ситуации обесмысливается как отдельный этап производства). Так, например, по одному из дел, рассмотренных в апелляционном порядке Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ, судом было отказано стороне защиты в исследовании доказательств, подтверждающих алиби одного из осужденных, и не исследованных судом первой инстанции по

<sup>98</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 18 октября 2019 г. № 10-16883/19 // СПС КонсультантПлюс.

мотивам неотносимости этих доказательств. Суд апелляционной инстанции отказался исследовать эти доказательства, указав, что они касаются вопросов, разрешенных присяжными заседателями в вердикте, и их исследование будет являться вторжением в полномочия коллегии присяжных. Между тем, сторона защиты ходатайствовала об исследовании этих доказательств исключительно с целью проверки законности постановления председательствующего об отказе в их исследовании с участием присяжных заседателей<sup>99</sup>.

В этой множественности подходов в судебной практике, относящихся к радикально различающимся моделям апелляционного производства, на наш взгляд, и состоит одна из действительных проблем апелляции по делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей. Указанная множественность не только не обеспечивает единообразия судебной практики, но (поскольку эти подходы взаимоисключающие) дисбалансирует всю систему апелляционного производства.

Представляется, что судебная практика должна в полной мере соответствовать нормативно закрепленной модели неполной апелляции. В апелляционном судебном следствии предметом проверки должна быть лишь допустимость доказательств, исследованных с участием присяжных заседателей, а также могут быть проверены доказательства, исследованные в отсутствие присяжных (например, на этапе обсуждения последствий вердикта присяжных заседателей), либо связанные с проверкой существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных в судебном заседании при рассмотрении дела. Именно поэтому в таком апелляционном судебном следствии, на наш взгляд, могут быть допрошены только те свидетели, которые допрашивались (или должны были допрашиваться) в отсутствие присяжных заседателей. Это же правило должно действовать применительно к оглашению на заседании суда апелляционной инстанции каких-либо письменных доказательств и исследованию новых доказательств, представленных сторонами. Аналогичное требование должно применяться и к дополнению сторонами апелляционного судебного следствия (ч. 9 ст. ст. 389<sup>13</sup> УПК РФ). К сожалению, законодатель не отразил эти объективно возникающие особенности апелляционного производства, применительно к обжалованию рассматриваемых приговоров, в статьях 389<sup>13</sup>, 389<sup>14</sup> УПК РФ, что является очевидным пробелом

<sup>99</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.10.2016 № 23-АП/16-5СП // СПС КонсультантПлюс

действующего законодательства, требующим своего скорейшего исполнения.

Другая, на наш взгляд, действительная проблема апелляционного пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, состоит в формирующейся в судебной практике тенденции «превращения» апелляционного пересмотра в средство компенсации тактических ошибок, допущенных стороной в суде первой инстанции. Анализ апелляционных представлений государственных обвинителей на оправдательные приговоры судов присяжных свидетельствует о том, что довольно популярным апелляционным основанием выступает указание на то, что кто-либо из кандидатов в присяжные заседатели во время опроса на этапе формирования коллегии, сообщил о себе недостоверную информацию (например, о наличии судимости у родственников), вследствие чего было нарушено право стороны обвинения на заявление ему отвода (мотивированного либо немотивированного). Любопытно, что подобные сведения сторона обвинения получает лишь при вынесении оправдательного приговора и исключительно после его вынесения. Суды же апелляционной инстанции в подавляющем большинстве случаев реагируют на этот довод апелляционного представления одинаково, отменяя обжалуемый оправдательный приговор и предоставляя прокурору «еще один шанс» на победу в уголовно-правовом споре<sup>100</sup>.

На наш взгляд, апелляционное производство не должно выступать средством компенсации допущенных сторонами тактических ошибок, которые, используя полученную непроцессуальным путем после вердикта присяжных заседателей информацию, добиваются отмены «нежелательного» приговора в суде второй инстанции.

Именно поэтому, отношение судов апелляционной инстанции к указанному доводу апелляционных представлений должно быть изменено. Примером предлагаемого подхода может послужить позиция, изложенная в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 26 марта 2019 г. Отвергая аналогичный вышеуказанным довод прокурора, суд апелляционной инстанции указал: «Кроме того, в течение длительного времени: с момента представления списка кандидатов в присяжные заседатели, формирования коллегии

<sup>100</sup> Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.07.2012 г. № 47-012-30сп-а // СПС КонсультантПлюс.

присяжных заседателей, судебного рассмотрения дела, до вынесения присяжными заседателями оправдательного вердикта государственный обвинитель имел возможность удостовериться в законности состава коллегии присяжных заседателей, однако укатанной возможностью своевременно не воспользовался, предоставил данные о близком родственнике присяжного заседателя Б. лишь после вынесения оправдательного приговора, но указав при этом, когда, кем и каким образом эти данные получены, соответствующих запросов в компетентные органы уполномоченных на то лиц, к ним не приложил. Представленные государственным обвинителем сведения в судебном заседании не исследовались, достоверность их не проверялась, поэтому они не могут являться основанием для отмены судебного решения»<sup>101</sup>.

Представляется необходимым законодательное установление пресекательного срока для заявления сторон об указанных обстоятельствах: только до провозглашения вердикта коллегии присяжных заседателей. Представляется, что это будет стимулировать стороны в использовании этих аргументов в рамках стадии судебного разбирательства. В свою очередь, это создаст барьер от превращения апелляции в средство восполнения тактических ошибок и получения «второго шанса» на благоприятный исход судебного разбирательства.

Адекватное решение действительных проблем апелляционного пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, будет способствовать совершенствованию этого специфического режима рассмотрения уголовных дел и самого апелляционного производства.

#### Список литературы:

1. *Бобракова И.С., Ковтун Н.Н.* Апелляция в уголовном процессе: осознанная необходимость или взлелеянный миф // Вопросы правоведения. М.: Междунар. исслед. ин-т. 2012. № 2. С. 178–191.
2. *Головкин Л.В.* Реформа уголовного процесса во Франции // Государство и право. 2001. № 8. С. 89—98.
3. *Насонов С.А.* Европейские модели производства в суде присяжных: суд присяжных в Испании (сравнительно-правовое ис-

следование) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 154–159.

4. *Насонов С.А.* Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // Lex Russica. 2013. № 4. С. 379–390.

5. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913.

<sup>101</sup> Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 26 марта 2019 г. // СПС КонсультантПлюс.

## Часть II. Материалы секции «Апелляция в уголовном процессе: новые вызовы и пути их решения»

Стародубова Г.В.  
Starodubova G.V.<sup>102</sup>

### Проблемы подготовки уголовного дела к апелляционному рассмотрению

#### Problems of the preparation of the criminal case for appeal

**Аннотация.** В статье анализируется порядок подготовки уголовного дела к рассмотрению в суде апелляционной инстанции и нарушений данного порядка, обусловивших снятие дел с апелляционного рассмотрения с их возвращением в суд первой инстанции. Приводится статистика таких решений судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда, а также примеры наиболее распространенных нарушений норм УПК РФ. Предлагается законодательно ограничить срок подготовки уголовного дела к апелляционному пересмотру двумя месяцами с возможностью его продления мотивированным постановлением судьи суда первой инстанции.

**Ключевые слова:** апелляционное производство, апелляционная жалоба, пересмотр, подготовка, возвращение уголовного дела, снятие с апелляционного рассмотрения.

**Abstract.** The article analyses the procedure for preparing a criminal case for consideration in the court of appeal. In view of the fact that this training is carried out by the court of first instance before the submission of the criminal case or materials to the second instance, the number of violations that led to the withdrawal of cases from the appeal, their return to the court of first instance, is quite large. Statistics of such decisions of the Judicial Board on Criminal Cases of the Voronezh Regional Court are given, as well as examples of the most common violations of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing this stage of criminal proceedings. It is proposed

<sup>102</sup> Стародубова Галина Викторовна, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Galina V. Starodubova, Head of the Criminal Process Department of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

to limit by law the period of preparation of a criminal case for appeal review to two months, with the possibility of its extension by a reasoned decision of a judge of the court of first instance.

**Keywords:** appeal production, appeal, revision, preparation, term, return of criminal case, removal from appeal consideration.

Принесение апелляционного представления и подача апелляционной жалобы являются средством обеспечения публичного и частного интересов соответственно, эффективным способом обратить внимание на допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения и совершенные вследствие этого судебные ошибки. Именно этими процессуальными документами инициируется процедура апелляционного пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу.

Период апелляционного производства учитывается при оценке срока производства по уголовному делу в целом. Необходимо отметить, что этот вопрос является предметом постоянного внимания Европейского Суда по правам человека. Согласно отраженным в его решениях правовым позициям относительно судопроизводства в разумный срок в срок рассмотрения уголовного дела в суде включается период апелляционного производства по нему.

Апелляционное производство начинается с подачи апелляционной жалобы либо апелляционного представления. УПК РФ закрепил, что они приносятся через суд, постановивший приговор, либо вынесший иное обжалуемое решение (ч. 1 ст. 389<sup>3</sup>). При этом требования незамедлительно направить уголовное дело с поступившими апелляционными жалобами либо представлением закон не содержит. Это связано с осуществляемой судьей суда первой инстанции подготовкой уголовного дела к апелляционному рассмотрению.

Законом на суд первой инстанции возложен довольно существенный круг обязанностей организационно-обеспечительного характера, связанных с апелляционными жалобами и представлениями (проверка жалобы или представления на предмет их соответствия требованиям ч. 1, 1.1 и 2 ст. 389<sup>6</sup> УПК РФ; извещение заинтересованных лиц об их подаче с направлением им копий и разъяснением права представить свои возражения; рассылка копий возражений заинтересованным лицам (ч. 4 ст. 389<sup>6</sup> УПК РФ); разрешение ходатайств о восстановлении пропущенного срока обжалования (ч. 1 ст. 389<sup>5</sup> УПК РФ) и др.). Все эти действия, уже не имеющие како-

го-либо отношения к производству по первой инстанции, безусловно, составляют правовое, органичное единство с апелляционным производством<sup>103</sup>. Их выполнение – довольно длительная часть апелляционного производства, которая таким образом вовсе не исчерпывается 10-суточным сроком апелляционного обжалования. Так, данный срок не считается пропущенным, если до его истечения апелляционная жалоба будет сдана в почтовое отделение. Соответственно суду необходимо выждать достаточное время для ее доставки. Аналогичным образом осуществляется направление возражений участников уголовного судопроизводства и т.д.

Кроме того, в период до направления судом первой инстанции уголовного дела с поданной апелляционной жалобой, принесенным апелляционным представлением и возражениями на них в апелляционную инстанцию суд должен ознакомить участников, ходатайствовавших об этом, с материалами уголовного дела и протоколом судебного заседания, рассмотреть замечания на него, если они поданы сторонами.

Таким образом, продолжительность производства в суде второй инстанции во многом обусловлена оперативностью действий судьи, принявшего решение, о пересмотре которого ставится вопрос. Некачественная, невнимательная подготовка уголовного дела на этом этапе обуславливает дополнительные временные затраты на апелляционное производство в целом.

На практике существует данная проблема — проблема ненадлежащей подготовки судьей первой инстанции уголовного дела к апелляционному рассмотрению. Случаи длительного разбирательства дел обусловлены не только обстоятельствами объективного характера (правовая и фактическая сложность дела, время на ознакомление с протоколом судебного заседания и с иными материалами, предшествующее подаче жалобы, система описываемых апелляторами нарушений и их аргументов, исследование доказательств, в т. ч. новых и не исследованных ранее и т. д.), но и существенными недостатками в организации работы по направлению материалов и уголовных дел в апелляционную инстанцию. Эта проблема стабильно сохраняется на протяжении долгого времени.

При подготовке и назначении заседания суда апелляционной инстанции поступившие материалы или уголовное дело должны быть изучены и проверены на предмет выполнения судом первой

<sup>103</sup> Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / под общ. ред. В.В. Ершова. М., 2013. С. 112.

инстанции требований ст. 389<sup>6</sup> и 389<sup>7</sup> УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что при выявлении несоответствия апелляционной жалобы или представления требованиям закона (части 1–3 ст. 389<sup>6</sup> УПК РФ), при неизвещении лиц, интересы которых ими затрагиваются, ненаправлении им соответствующих копий и т.д. (ст. 389<sup>7</sup> УПК РФ), судья, в соответствии с ч. 3 ст. 389<sup>11</sup> УПК РФ возвращает уголовное дело в суд первой инстанции для устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению данного дела в суде апелляционной инстанции. Такое же решение принимается и в случае направления уголовного дела с апелляционной жалобой или представлением, поданными по истечении срока, установленного ч. 1 ст. 389<sup>4</sup> УПК РФ, а также при несоблюдении прав сторон на ознакомление с протоколом судебного заседания и (или) иными материалами дела. Если вышеназванные нарушения выявлены в ходе судебного заседания апелляционной инстанции, то уголовное дело должно быть снято с апелляционного рассмотрения с возвращением его в суд первой инстанции для устранения этих нарушений.

Процентный показатель уголовных дел и материалов, снятых с апелляционного рассмотрения с возвращением их в суд вынесший обжалуемое решение судом апелляционной инстанции в практике Воронежского областного суда довольно большой. В 2017 г. в судебную коллегия по уголовным делам Воронежского областного суда поступило на рассмотрение 2946 уголовных дел и материалов, из них снято с апелляционного рассмотрения 227 дел, что составляет 7,8 %<sup>104</sup>. В 2018 г. из 2795 уголовных дел и материалов возвращено без рассмотрения судом апелляционной инстанции 162 дела или 5,8 % соответственно<sup>105</sup>, в 2019 г. из 2981 — 148 или 5 % соответственно<sup>106</sup>. Снижение количества уголовных дел, возвращенных

<sup>104</sup> Справка по результатам анализа практики снятия дел с апелляционного рассмотрения за 2017 год // [http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum\\_sud&id=457](http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=457) (дата обращения: 12.05.2020).

<sup>105</sup> Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2018 года // [http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum\\_sud&rid=37](http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=37) (дата обращения: 20.05.2020).

<sup>106</sup> Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2019 года // [http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum\\_sud&rid=42](http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=42) (дата обращения: 20.07.2020).

в суд первой инстанции, свидетельствует о повышении качества их подготовки до направления в суд апелляционной инстанции. Однако с учетом того, что основания для этого преимущественно связаны с недочетами в работе суда первой инстанции, показатель все же является недопустимо высоким.

Среди наиболее часто встречающихся причин снятия дел с апелляционного рассмотрения судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда можно отметить невыполнение требования ст. 389<sup>7</sup> УПК РФ об извещении сторон о поданных апелляционных жалобах и принесенных апелляционных представлениях, возражениях на них, о направлении их копий, а также копий иных процессуальных документов, оформляющих решения суда первой инстанции на рассматриваемом этапе судопроизводства. Так, уголовные дела были возвращены в суд первой инстанции в связи с отсутствием подтверждения получения осужденной копии приговора, из-за ненаправления заинтересованным лицам копий постановления об отклонении замечаний на протокол судебного заседания; в виду невручения участникам, не владеющим языком уголовного судопроизводства, копий перевода приговора, либо апелляционного представления, либо возражений на апелляционную жалобу.

Еще одной причиной возвращения уголовных дел в суд первой инстанции является несоответствие апелляционных жалоб требованиям ст. 389<sup>6</sup> УПК РФ и неиспользование закрепленного ч. 4 этой же статьи механизма по устранению выявленного несоответствия. Так, материалы по апелляционным жалобам либо уголовные дела возвращались в связи с тем, что в суд первой инстанции поступали предварительные апелляционные жалобы, в которых было указано о подаче основной жалобы после ознакомления с материалами уголовного дела или получения копии обжалуемого решения, но в суд апелляционной инстанции направлялись именно предварительные жалобы; апелляционные жалобы не были подписаны их заявителем вовсе либо подписаны, но другим лицом, не являющимся участником уголовного судопроизводства. Кроме того, можно отметить случаи, когда уголовное дело было снято с апелляционного рассмотрения в связи с подачей жалобы лицом, не наделенным правом обжалования: судом первой инстанции постановлен обвинительный приговор в отношении совершивших преступление в соучастии обвиняемых; в апелляционной жалобе одной из них содержалась просьба об отмене этого приговора в отношении второго осужденного, а не в отношении нее самой, что нарушает положения ст. 389<sup>1</sup> УПК РФ.

УПК РФ не установлен срок производства в суде первой инстанции до направления уголовного дела с поданной апелляционной жалобой, принесенным апелляционным представлением и возражениями на них в апелляционную инстанцию, как и срок апелляционного производства в целом. Последний законодательно определить вряд ли возможно. Однако, что касается срока подготовки уголовного дела судом первой инстанции к апелляционному пересмотру, то его необходимо закрепить законодательно. Представляется, что он должен составлять 2 месяца с момента провозглашения приговора судом первой инстанции. Этого срока достаточно для совершения данным судом необходимых действий по уведомлению лиц, чьи интересы затрагиваются апелляционной жалобой либо апелляционным представлением, об их подаче с направлением копий, получения возражений и т. д. При этом закон должен предусматривать возможность продления данного срока мотивированным постановлением соответствующего судьи суда первой инстанции, если по объективным причинам требуется дополнительное время, к примеру, в связи с большим объемом уголовного дела и заявлением кем-либо из участников уголовного судопроизводства ходатайства об ознакомлении с ним. Нормативное установление срока подготовки уголовного дела судом первой инстанции к апелляционному пересмотру дисциплинирует судей и будет дополнительной гарантией права участников на судопроизводство в разумный срок.

#### **Список литературы:**

1. Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / под общ. ред. В.В. Ершова. М., 2013. 352 с.
2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2019 года // [http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum\\_sud&rid=42](http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=42) (дата обращения: 20.07.2020).
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2018 года // [http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum\\_sud&rid=37](http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=37) (дата обращения: 12.05.2020).
4. Справка по результатам анализа практики снятия дел с апелляционного рассмотрения за 2017 год // [http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum\\_sud&id=457](http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=457) (дата обращения: 12.05.2020).

**Вопросы, возникающие при необходимости ухудшения  
положения осужденного в суде апелляционной инстанции**

**Questions arising when it is necessary to worsen the situation  
of convicted persons in a court of appeal**

**Аннотация.** В статье рассматриваются сложные вопросы, возникающие на практике при необходимости ухудшения положения осужденного при рассмотрении апелляционных жалоб сторон на приговор. Особое внимание, с учетом анализа решений Конституционного Суда РФ, уделено наличию у суда возможности выхода за рамки доводов представления прокурора или жалобы потерпевшего.

**Ключевые слова:** принцип ревизионного начала, ухудшение положения осужденного, апелляционное представление прокурора.

**Abstract.** The article examines the complex issues that arise in practice when it is necessary to worsen the situation of the convict when considering appeals of the parties to the sentence. Particular attention, taking into account the analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, is paid to the possibility of the court going beyond the arguments of the presentation of the prosecutor or the complaint of the victim.

**Keywords:** the principle of the revision principle, deterioration of the position of the convict, the prosecutor's appeal.

Применительно к (обновленному) апелляционному порядку проверки судебных решений начало недопустимости поворота к худшему, прежде всего, проявляет себя в нормах положений ст. 389<sup>24</sup> УПК РФ о том, что обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя,

<sup>107</sup> Долгих Татьяна Николаевна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Балтийского Федерального Университета им. И. Канта, судья Калининградского областного суда, кандидат юридических наук.

Tatyana N. Dolgikh, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Baltic Federal University named after I. Kant, Judge of the Kaliningrad Regional Court, PhD in Law.

их законных представителей и (или) представителей, а также в ст. 389<sup>8</sup> УПК РФ — в дополнительной жалобе потерпевшего, частного обвинителя или их законных представителей и представителей, а также в дополнительном представлении прокурора, поданных по истечении срока обжалования, не может быть поставлен вопрос об ухудшении положения осужденного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, если такое требование не содержалось в первоначальной жалобе, представлении.

Отсутствие в законе указание на то по каким мотивам должны быть принесены такие представления или жалобы повлекло необходимость их уточнения Пленумом Верховного Суда РФ.

Так, п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» уточняет, что суд апелляционной инстанции, принимая решение, ухудшающее положение осужденного по отношению к приговору суда первой инстанции по представлению прокурора и (или) жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей не вправе выходить за пределы доводов жалобы или представления.

Аналогичную позицию Пленум Верховного Суда РФ занял и в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» п. 65 которого разрешает судам назначить реальное наказание путем изменения приговора об условном осуждении, но только по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, содержащим соответствующие доводы.

Таким образом, фактически суд апелляционной инстанции обязан действовать строго в рамках доводов жалобы (представления) только в одном случае — если речь идет о принятии решения, ухудшающего положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. Суд не является органом уголовного преследования, а значит, не может выступать инициатором каких-либо изменений, ставящих осужденного (оправданного) в невыгодное положение. Он может лишь согласиться с доводами и мотивами, приведенными в представлении прокурора, жалобе частного обвинителя, потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя. Здесь действует принцип асимметрии ревизионного начала.

Такое ограничение оправдано идеей разделения процессуальных функций и запретом возлагать на суд какие бы то ни было обязанности, противоречащие его роли органа, осуществляющего правосудие. Изменение положения лица по инициативе самого суда *in defavorem* нельзя расценить иначе, как восполнение недоработок стороны обвинения, а значит, суд в таком случае становится на позицию обвинителя, что совершенно недопустимо. Тогда как обнаружение нарушений, исправление которых позволит оправдать незаконно осужденного или снизить размер назначенного наказания, в полной мере будет отвечать целям правосудия и назначению уголовного судопроизводства, сформулированному в ст. 6 УПК РФ<sup>108</sup>.

Если обратиться к судебным решениям, будет видно, что суды в рассматриваемых случаях не выходят за доводы апелляционных представлений или жалоб.

14 января 2016 г. Конституционный Суд РФ принял определение № 15-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389<sup>13</sup>, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389<sup>24</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в котором выявил смысл положений ст. 389<sup>24</sup> УПК РФ и разъяснил, что — если решение суда противоречит принципам справедливости и равенства перед законом и судом оно не может являться справедливым актом правосудия и должно быть исправлено, пришел к выводу, что суд апелляционной инстанции вправе, отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления при наличии представления прокурора о необходимости учета дополнительного отягчающего наказание обстоятельства и (или) жалобы потерпевшего на мягкость наказания.

Таким образом, Конституционный Суд РФ констатировал, что для усугубления положения осужденного в суде апелляционной инстанции достаточно повода с любыми доводами прокурора или потерпевшего на ухудшение положения осужденного.

Вместе с тем, как следует из изученных решений, суды по-прежнему ограничиваются доводами стороны обвинения.

Отменяя апелляционное определение Саратовского областного суда от 4 марта 2020 г. по доводам кассационного представления

прокурора суд кассационной инстанции со ссылкой на ч. 1 ст. 389<sup>24</sup> УПК РФ, а также в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 указал следующее.

По приговору суда действия осужденных были переквалифицированы с ч. 3 ст. 159 на ч. 2 ст. 159 УК РФ с исключением квалифицирующего признака «в крупном размере».

В апелляционном представлении ставился вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое судебное разбирательство в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, существенным нарушением уголовно-процессуального закона, указывалось на несогласие с исключением квалифицирующего признака и переквалификацией действий подсудимых.

Апелляционным определением Саратовского областного суда от 4 марта 2020 г. приговор отменен и уголовное дело возвращено прокурору Саратовской области на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом. Суд апелляционной инстанции указал, что анализ материалов уголовного дела свидетельствует о том, что в ходе предварительного расследования и при рассмотрении уголовного дела судом установлены обстоятельства, которые служат основанием для квалификации действий осужденных как более тяжкого преступления. При этом суд пришел к выводу, что осужденные, действуя с единым умыслом на совершение хищения в особо крупном размере, путем обмана приобрели право собственности на имущество общей стоимостью более одного миллиона рублей, что относится к особо крупному размеру в соответствии с п. 4 примечания к ст. 158 УК РФ.

Учитывая, что вопрос о необходимости отмены приговора и возвращении уголовного дела прокурору по мотиву необходимости предъявления обвиняемым более тяжкого обвинения в апелляционном представлении поставлен не был, суд нарушил требования ч. 1 ст. 389<sup>24</sup> УПК РФ и вышел за пределы доводов представления, заключил суд кассационной инстанции<sup>109</sup>.

В другом примере, увеличивая осужденному наказание при наличии апелляционного представления и жалобы потерпевшей о мягкости наказания, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации использовала, в том числе доводы, отсутствовавшие в представлении и жалобе о мягкости назначенного наказания,

<sup>108</sup> Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 113.

<sup>109</sup> Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09 июля 2020 № 77-1008/2020 // СПС КонсультантПлюс.

явившиеся поводом для изменения приговора в сторону ухудшения положения осужденного: лишил жизни двух человек, год рождения погибшей, использование одного и того же способа — сначала приведение в бессознательное положение, потом применение ножа, поведение после убийства — поджог вещей, отчего загорелась квартира, отсутствие в приговоре ссылки на какие-либо положительные данные личности осужденного в настоящее время, а не предшествовавшее задолго до преступления, то, что он с родителями не проживал<sup>110</sup>.

Несмотря на то, что Судебная коллегия посчитала возможным выйти за рамки апелляционных доводов, ее решение осталось в рамках одного со стороной обвинения основания для изменения решения, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 389<sup>15</sup> УПК РФ — несправедливость приговора.

Статья 389<sup>6</sup> УПК РФ обязывает стороны приводить в жалобе, представлении свои доводы с указанием оснований, предусмотренных ст. 389<sup>15</sup> УПК РФ, в противном случае в соответствии с ч. 4 этой же статьи суд может возратить жалобу для пересоставления с установлением для этого срока. При наличии доводов сторон об ухудшении положения осужденного судам при принятии таких жалоб, следует более активно использовать эти положения закона, особенно применительно к содержанию апелляционного представления прокурора, являющегося профессиональным участником уголовно-правового конфликта, способного при обжаловании судебного решения точно применять используемые в УПК РФ формулировки.

Преодолеть разновекторность судебной практики представляется возможным путем дачи Пленумом Верховного Суда РФ разъяснений об объеме полномочий суда в случае необходимости ухудшения положения осужденного с учетом вышеизложенной позиции Конституционного Суда РФ.

Правосудие может признаваться таковым лишь при условии, что оно обеспечивает эффективное восстановление в правах в условиях отсутствия ограничений в возможности пересмотра судебных решений, не отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости.

#### Список литературы:

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. 1278 с.

<sup>110</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 июля 2018 № 60-АПУ18-1 // СПС КонсультантПлюс.

#### Ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, в суде апелляционной инстанции

#### Deterioration of the position of a convicted person, acquitted person, a person against whom a criminal case has been terminated, in a court of appeal

**Аннотация.** В статье, с учетом позиций Конституционного Суда РФ, рассматриваются вопросы, связанные с особенностями ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, в суде апелляционной инстанции.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, апелляционное производство, Конституционный Суд РФ.

**Abstract.** In the article, taking into account positions of the constitutional Court of the Russian Federation, the issues related to the characteristics of deterioration of the convict, the acquitted, the person against whom the criminal case was dismissed, the court of appeal.

**Keywords:** criminal proceedings, appeal proceedings, the Constitutional Court of the Russian Federation.

Производство в суде апелляционной инстанции, несмотря на прямую отсылку законодателя к процедуре, аналогичной судебному заседанию суда первой инстанции, имеет свои особенности, связанные с тем, что предметом проверки этого суда является не обвинение, предъявляемое лицу на стадии предварительного расследования, а уже состоявшееся судебное решение по делу, хоть пока и не вступившее в законную силу. Учитывая это, существуют и определенные особенности изменения положения обвиняемого в суде апелляционной инстанции в сторону его ухудшения.

<sup>111</sup> Ежова Елена Владимировна, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Elena V. Yezhova, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

По общему правилу (ст. 389<sup>24</sup> УПК РФ), «обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей». Это же правило распространяется на случаи отмены оправдательного приговора.

Согласно буквальному толкованию уголовно-процессуального закона получается, что инициаторами ухудшения положения осужденного, оправданного могут быть только указанные выше лица (что вполне логично, учитывая их непосредственную заинтересованность в вынесении законного, обоснованного и справедливого решения по делу).

Однако в последнее время все чаще возникает вопрос о зависимости суда апелляционной инстанции от позиции сторон, выраженной в апелляционной жалобе (представлении), и о его праве самостоятельно решить вопрос об ухудшении положения лица при вынесении решения. Ведь основной посыл, который был дан в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П заключается в том, что суд, выносящий решение по делу и берущий на себя ответственность за его правосудность, не должен быть зависим от требований сторон в уголовном процессе: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны» (п. 3 Постановления)<sup>112</sup>.

Нужно отметить, что в какой-то мере и Верховный Суд РФ подтвердил свободу судов вышестоящей инстанции от позиции сторон (правда, только при наличии таких нарушений законности, которые влекут улучшение положения лица), когда в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47<sup>1</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде касса-

<sup>112</sup> Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.10.2020).

ционной инстанции»<sup>113</sup> предоставил суду кассационной инстанции право «не согласиться с просьбой об отзыве жалобы, представления, поступившей после назначения судебного заседания в порядке сплошной кассации либо принятия судьей решения об их передаче с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании в порядке выборочной кассации, продолжить судебное разбирательство и проверить законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу, при наличии оснований для отмены или изменения судебного решения, влекущих улучшение положения обвиняемого, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, или иного лица, в отношении которого ведется кассационное производство по делу».

Поэтому совершенно справедливо перед Конституционным Судом РФ был поставлен вопрос в запросе Курганского областного суда (Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 15-О)<sup>114</sup> о том, как поступить суду в случае, если он установит признаки более тяжкого преступления, но при этом ни в апелляционном представлении прокурора, ни в заявлении потерпевшего вопрос об изменении обвинения на более тяжкое не был поставлен. И можно ли в данном случае суду апелляционной инстанции по собственной инициативе возратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий рассмотрения его судом и допущенных нарушений, если в ходе судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

Рассмотрев данный запрос, Конституционный Суд РФ пришел к следующему выводу: «Ограничение возможности пересмотра судебных решений, не отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости, имеет следствием нарушение баланса в защите таких конституционных ценностей, как справедливость и правовая определенность, влекущее причинение вреда гарантируемым Конституцией Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина, защита и восстановление которых являются

<sup>113</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47<sup>1</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.10.2020).

<sup>114</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 15-О // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.10.2020).

конституционной целью правосудия». Поэтому при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которых поставлен вопрос о необходимости учета отягчающего наказание обстоятельства и (или) об ужесточении наказания осужденному, а значит, об ухудшении его положения, «суд апелляционной инстанции вправе, вне зависимости от отсутствия в представлении или жалобе вопросов о правовой оценке фактических обстоятельств дела, отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору. Это позволяет суду апелляционной инстанции избежать подтверждения — вопреки своему внутреннему убеждению, основанному на выявлении им при рассмотрении дела нарушений норм уголовного либо уголовно-процессуального законов, — юридической силы решения суда первой инстанции, которое он считает неправомерным».

Таким образом, суд апелляционной инстанции вправе по собственной инициативе вернуть уголовное дело прокурору по указанному выше основанию, но только при сочетании следующих двух условий: наличие апелляционной жалобы потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей или представления прокурора, а также содержащаяся в них просьба об ухудшении положения обвиняемого, не обязательно связанная с оценкой фактических обстоятельств дела. Однако остаются открытыми следующие вопросы:

— о самостоятельности суда вышестоящей инстанции при вынесении решения по делу: как поступить суду в случае подачи жалобы иным лицом, не имеющим права требовать ухудшения положения лица, и обнаружения им во время судебного заседания признаков более тяжкого преступления. Очевидно, что в такой ситуации суд вряд ли уполномочен привести решение в соответствие с требованиями законности, обоснованности и справедливости;

— о праве на защиту: если суд апелляционной жалобы выйдет за пределы доводов жалобы и ухудшит положение лица, то необходимо, на наш взгляд, стороне защиты предоставить время на подготовку доводов против принятия соответствующего решения в суде апелляционной инстанции.

## Пределы доказывания в апелляционном производстве по уголовным делам

### Limits of proof in appeal proceedings in criminal cases

**Аннотация.** В настоящей статье обращается внимание на проблему пределов доказывания в апелляционном производстве по уголовным делам. По мнению автора, пределы доказывания в апелляционном производстве по уголовным делам представляют собой совокупность необходимых и достаточных доказательств для установления обстоятельств, которые выясняются в ходе судебного разбирательства в апелляционном порядке. Пределы доказывания в апелляционном производстве по уголовным делам зависят от предмета судебного разбирательства в апелляционном порядке и пределов прав суда апелляционной инстанции, которые влияют на формирование совокупности достаточных доказательств. Также пределы доказывания в апелляционном производстве по уголовным делам складываются под воздействием специальных правил, устанавливающих особенности доказывания в ходе рассмотрения дел судом апелляционной инстанции.

**Ключевые слова:** пределы доказывания в уголовном процессе, апелляционное производство по уголовным делам, достаточность доказательств.

**Abstract.** This article draws attention to the problem of the limits of proof in criminal appeal proceedings. According to the author, the limits of proof in criminal appeal proceedings are a set of necessary and sufficient evidence to establish the circumstances that are clarified during the trial on appeal. The limits of proof in criminal appeal proceedings depend on the subject matter of the appeal proceedings and the limits of the rights of the court of appeal, which affect the formation of a set of sufficient evidence. Also, the limits of proof in the appeal proceedings in criminal cases are formed under the influence of special

<sup>115</sup> Костенко Роман Валерьевич, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор юридических наук, профессор.

Roman V. Kostenko, Professor of the Department of Criminal Procedure of FGBOU "Kuban state University", Doctor of Law, Professor.

rules that establish the features of proof during the consideration of cases by the court of appeal.

**Keywords:** limits of proof in criminal proceedings, appeal proceedings in criminal cases, sufficiency of evidence.

Проблема пределов доказывания в теории уголовного процесса представляет собой один из наиболее спорных и сложных вопросов, который не находит единого понимания среди ученых. В настоящее время существуют довольно разнообразные и многочисленные точки зрения авторов относительно сущности пределов доказывания. Так, например, пределами доказывания в уголовном процессе признаются:

— совокупный объем доказательственной информации, необходимый и достаточный для достоверного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, по достижении которого дальнейшая доказательственная деятельность теряет свою целесообразность<sup>116</sup>;

— система доказательств, необходимых для вывода о наличии или отсутствии обстоятельств, составляющих предмет доказывания<sup>117</sup>;

— число источников доказательств, требуемое для обоснования процессуального решения<sup>118</sup>;

— технологический элемент теории доказательств, который представляет собой совокупность доказательств, необходимую для полного, всестороннего, объективного установления обстоятельств, имеющих значение для дела<sup>119</sup>;

— категория, которая предопределяется пределами уголовной ответственности<sup>120</sup>;

<sup>116</sup> *Пелих И.А.* Понятие пределов доказывания // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 204.

<sup>117</sup> *Зиновьев А.Ю.* Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». Вып. 13. 2008. № 2. С. 41.

<sup>118</sup> *Зотов Д.В.* Пределы доказывания в уголовном процессе: формально-количественное исследование // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С. 64.

<sup>119</sup> *Белохонова А.О., Короленко И.И.* Пределы доказывания и их значение в уголовном процессе // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: Мат-лы Всерос. научн-теорет. конф. курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гум-ных вузов, адъюнктов и соискателей: в 2-х частях. Ростов-на-Дону, 2015. С. 176.

<sup>120</sup> *Кучина Я.О.* Пределы доказывания по уголовным делам и их соотношение с пределами уголовной ответственности // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. Тула, 2016. № 3-2. С. 315.

— границы использования доказательственных возможностей совокупности доказательств<sup>121</sup>;

— границы доказательственной деятельности, обеспечивающие меру знаний субъекта доказывания об обстоятельствах дела, которая достаточна для принятия процессуального решения данного вида<sup>122</sup>.

Наибольшее количество сторонников привлекает позиция о том, что под пределами доказывания необходимо понимать совокупность доказательств, необходимых и достаточных для установления обстоятельств, образующих предмет доказывания<sup>123</sup>. Анализ представленных и других точек зрения показывает, что общим составляющим для определения сущности пределов доказывания в уголовном процессе является ответ на вопрос о том, при помощи чего, какими средствами обеспечивается оптимальная глубина и достоверность познания фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В апелляционном производстве по уголовным делам основная познавательная деятельность не связана с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Поскольку предмет судебного разбирательства в апелляционном порядке по уголовным делам состоит в проверке по апелляционным жалобам, представлениям законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иного решения суда первой инстанции (ст. 389<sup>9</sup> УПК РФ). Вместе с тем, при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд не связан доводами апелляционных жалобы, представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме. При этом суд апелляционной инстанции вне зависимости от доводов жалобы или представления проверяет, имеются ли предусмотренные ст. 389<sup>15</sup> УПК РФ

<sup>121</sup> *Костенко Р.В.* Доказательства и пределы доказывания в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2008. № 4. С. 95.

<sup>122</sup> *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2017. С. 199.

<sup>123</sup> Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 187; *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 62–64; *Муратова Н.Г.* Пределы уголовно-процессуального доказывания коррупционных фактических обстоятельств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. С. 18–21; *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 79–80; *Руденко А.В.* Содержательная логика доказывания: монография. М., 2011. С. 173–174.

основания отмены или изменения судебного решения, не влекущие ухудшение положения осужденного (оправданного). Установив наличие таких оснований, суд апелляционной инстанции в силу положений ч. 1 и 2 ст. 389<sup>19</sup> УПК РФ отменяет или изменяет судебное решение в отношении всех осужденных, которых касаются допущенные нарушения, независимо от того, кто из них подал жалобу и в отношении кого принесены апелляционные жалоба или представление. Поэтому если по уголовному делу осуждено несколько лиц, а апелляционные жалоба или представление принесены только одним из них либо в отношении некоторых из них, суд апелляционной инстанции вправе проверить уголовное дело в отношении всех осужденных.

В то же самое время судебное разбирательство судом апелляционной инстанции проводится в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 252 УПК РФ в пределах предъявленного лицу обвинения. Суд апелляционной инстанции может принимать решения по основаниям, влекущим как улучшение, так и ухудшение положения осужденного, в пределах полномочий, установленных уголовно-процессуальным законом. Предписания ст. 252 УПК РФ оказываются одним из основных факторов, оказывающих влияние на формирование пределов доказывания в судебном разбирательстве судом апелляционной инстанции. Пределы судебного разбирательства, ограниченные предъявленным подсудимому обвинением с невозможностью ухудшения положения подсудимого и не нарушением его права на защиту, определяют пределы доказывания в данной стадии.

Согласно ч. 4 ст. 389<sup>19</sup> УПК РФ, при отмене приговора или иного судебного решения и передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство либо при возвращении уголовного дела прокурору суд апелляционной инстанции не вправе предрешать вопросы о: 1) доказанности или недоказанности обвинения; 2) достоверности или недостоверности того или иного доказательства; 3) преимуществах одних доказательств перед другими; 4) виде и размере наказания.

Пределы доказывания в апелляционном производстве по уголовным делам также находятся в непосредственной зависимости от правил и специфики исследования в судебном заседании доказательств, их надлежащей проверки и оценки. Пределы доказывания, как система достаточных доказательств, в судебном разбирательстве являются в определенном смысле итогом работы с доказательствами, которые позволяет суду выразить свое

отношение к исследуемым материалам уголовного дела и уже на этой основе принять определенное процессуальное решение. При этом на формирование пределов доказывания влияет внутреннее убеждение, которое означает уверенность в достаточности доказательств и правильности выводов в процессе исследования доказательств<sup>124</sup>.

Как указывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (с изменениями и дополнениями), под предусмотренной ч. 4 ст. 389<sup>13</sup> УПК РФ проверкой доказательств судом апелляционной инстанции следует понимать исследование по правилам, установленным статьями 87–89 УПК РФ и главой 37 УПК РФ (с особенностями, предусмотренными ч. 3–8 ст. 389<sup>13</sup> УПК РФ), доказательств, получивших оценку суда первой инстанции, а также исследование имеющихся в деле доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции, а равно исследование по тем же правилам новых доказательств, представленных сторонами. По смыслу ч. 7 ст. 389<sup>13</sup> УПК РФ, суд апелляционной инстанции выясняет у сторон мнение о необходимости проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции, и с согласия сторон вправе рассмотреть апелляционную жалобу или представление без проверки этих доказательств. Свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в суде апелляционной инстанции, если суд признает их вызов необходимым. При принятии решения о допросе таких свидетелей суд апелляционной инстанции исходит из того, будут ли их показания иметь значение для вывода суда о законности, обоснованности и справедливости обжалуемых приговора или иного судебного решения. Если в основу обжалуемого судебного решения положены показания потерпевшего или свидетеля, данные ими при производстве предварительного расследования и оглашенные в суде первой инстанции на основании ч. 1 ст. 281 УПК РФ, суд апелляционной инстанции также вправе огласить эти показания с согласия сторон. В случае, если установленные ч. 2 ст. 281 УПК РФ причины неявки

<sup>124</sup> Бойченко О.И. Специфика пределов доказывания в стадии судебного разбирательства по уголовным делам // Эффективность права: проблемы теории и практики: мат.-лы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 10-11 октября 2014 г. Краснодар, 2014. С. 764–771.

потерпевшего или свидетеля не отпали либо возникли в период рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний<sup>125</sup>.

В целях вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора или иного судебного решения суд апелляционной инстанции оказывает содействие сторонам в собирании и представлении доказательств путем производства судебных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, в том числе истребования по ходатайству сторон справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений. Представленные суду апелляционной инстанции дополнительные материалы подлежат проверке и оценке в совокупности с другими доказательствами по делу<sup>126</sup>.

Таким образом, пределы доказывания в апелляционном производстве по уголовным делам зависят, во-первых, от предмета судебного разбирательства в апелляционном порядке и пределов прав суда апелляционной инстанции, которые влияют на формирование совокупности достаточных доказательств. Во-вторых, пределы доказывания в апелляционном производстве по уголовным делам складываются под воздействием специальных правил, устанавливающих особенности доказывания в ходе рассмотрения дел судом апелляционной инстанции, которые предусмотрены ч. 3–8 ст. 389<sup>13</sup> УПК РФ.

### Список литературы:

1. *Белохонова А.О., Короленко И.И.* Пределы доказывания и их значение в уголовном процессе // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: Мат-лы Всеросс. научн-теорет. конф. курсантов и слушателей вузов МВД России, студен-

<sup>125</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (с изменениями и дополнениями) // [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_138315/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/) (дата обращения: 28.09.2020).

<sup>126</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (с изменениями и дополнениями) // [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_138315/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/) (дата обращения: 28.09.2020).

тов гум-ных вузов, адъюнктов и соискателей: в 2-х частях. Ростов-на-Дону, 2015. 176 с.

2. *Бойченко О.И.* Специфика пределов доказывания в стадии судебного разбирательства по уголовным делам // Эффективность права: проблемы теории и практики: мат-лы Междунар. науч-практ. конф. Краснодар, 10-11 октября 2014 г. Краснодар, 2014. С. 764–771.

3. *Зиновьев А.Ю.* Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2008. №2 (102). – <https://cyberleninka.ru/article/n/predely-dokazyvaniya-v-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 11.08.2020).

4. *Зотов Д.В.* Пределы доказывания в уголовном процессе: формально-количественное исследование // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). – <https://cyberleninka.ru/article/n/predely-dokazyvaniya-v-ugolovnom-protsesse-formalno-kolichestvennoe-issledovanie> (дата обращения: 15.08.2020).

5. *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. 272 с.

6. *Костенко Р.В.* Доказательства и пределы доказывания в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2008. № 4.

7. *Кучина Я.О.* Пределы доказывания по уголовным делам и их соотношение с пределами уголовной ответственности // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. Тула. 2016. № 3-2. С. 313-322.

8. *Муратова Н.Г.* Пределы уголовно-процессуального доказывания коррупционных фактических обстоятельств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. С. 18-21.

9. *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. 175 с.

10. *Пелих И.А.* Понятие пределов доказывания // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40) // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-predelov-dokazyvaniya> (дата обращения: 15.08.2020).

11. *Руденко А.В.* Содержательная логика доказывания: монография. М., 2011. 280 с.

12. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2017. 752 с.

13. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Г.М. Миньковский, А.Р. Ратинов, В.Г. Танасевич, А.А. Эйсман. М., 1973. 736 с.

## Проблемы реализации права апелляционного обжалования отдельными участниками уголовного судопроизводства

### Issues of the implementation of the right to appeal by individual participants in criminal proceedings

**Аннотация.** В статье раскрываются некоторые проблемы российского уголовного процесса, связанные с реализацией права на апелляционное обжалование законного представителя и представляемого им лица. Автор вносит ряд предложений, направленных на обеспечение единства судебной практики при решении выявленных проблем.

**Ключевые слова:** уголовный процесс, апелляция, право обжалования, справедливое судебное разбирательство, законный представитель.

**Abstract.** The article reveals some of the problems of the Russian criminal process related to exercising the right to appeal of the legal representative and the person they represent. The author makes several suggestions aimed at ensuring the unity of judicial practice in solving the identified problems.

**Keywords:** criminal procedure, appeal, right of appeal, fair trial, legal representative.

Институт апелляции является необходимой гарантией реализации права на пересмотр не вступившего в законную силу решения суда по уголовному делу. В российском уголовном процессе данный институт прошел длительный нелинейный путь развития с тем, чтобы обеспечить свободу апелляционного обжалования, поскольку «стороны свободны в принятии решения о необходимости обжалования постановленного судом первой инстанции решения, и только подача такой жалобы порождает обязанность государствен-

ных органов (судов) возбудить апелляционное производство»<sup>128</sup>. И хотя путем непростой институциональной реформы апелляционного производства российский уголовный процесс избавился от ряда болевых точек, судебная практика апелляционного пересмотра свидетельствует о наличии целого ряда проблем, ожидающих своего решения.

Остановимся в рамках данной работы тезисно на некоторых дискуссионных вопросах реализации права на апелляционные обжалования законным представителем и представляемыми им лицами в российском уголовном процессе. Привлечение субъектов, действующих в уголовном процессе «в чужом интересе» призвано стать дополнительной гарантией обеспечения процессуальных прав тех лиц, за которыми формально не признается полная процессуальная дееспособность или в силу возраста, или в силу состояния психического здоровья. Здесь можно говорить как минимум о двух проблемных моментах: во-первых, о критериях отнесения лиц к законным представителям применительно к реализуемому им праву апелляционного обжалования, во-вторых, о балансе прав и законных интересов законного представителя и представляемого лица при производстве по уголовному делу в суде второй инстанции. В судебной практике разрешение первой проблемы значимо для определения приемлемости апелляционной жалобы и пределов апелляционного обжалования, второй — для обеспечения права на справедливое судебное разбирательство тех лиц, в чьих интересах должен действовать законный представитель.

В российском уголовном процессе расширение круга участников за счет законного представителя традиционно увязывается с введением дополнительных процессуальных гарантий прав двух категорий субъектов — несовершеннолетних и лиц, в отношении которых, ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Применительно к первым законодатель предпринял попытку очертить в ст. 5 УПК РФ круг субъектов, которые могут быть наделены процессуальным статусом законного представителя. Что касается производства, регламентированного нормами г. 51 УПК РФ, то в ч. 1 ст. 437 лишь содержится указание на необходимость привлечения в качестве законного представителя близкого родственника или орган опеки и попечительства. Соглас-

<sup>127</sup> Марковичева Елена Викторовна, главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия, Российский государственный университет правосудия, доктор юридических наук, доцент.

Elena V. Markovicheva, Principal Research Scientist at Justice Research Center of Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor.

<sup>128</sup> Смирнов В.П., Кудрявцева А.В. Широта и свобода обжалования как общее условие апелляционного производства в уголовном процессе России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. Т. 13. № 3. С. 28.

но же разъяснениям, данным в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» под близкими родственниками следует понимать лиц, указанных в п. 4 ст. 5 УПК РФ<sup>129</sup>. Таким образом, правом апелляционного обжалования наделяется лицо, получающее специальный уголовно-процессуальный статус определенным процессуальным решением органа предварительного расследования или суда. Однако часть 1 ст. 389<sup>1</sup> УПК РФ наделяет правом апелляционного обжалования не только участников процесса, но и иных лиц, если обжалуемое решение затрагивает их права и законные интересы. Этот в целом обоснованный подход предполагает разрешение ряда важных вопросов.

В ходе производства по уголовному делу законный представитель может быть отстранен и заменен иным лицом, если его процессуальное поведение наносит ущерб законным интересам представляемого<sup>130</sup>. Однако такое отстраненное лицо сохраняет право апелляционного обжалования промежуточного решения, которым и было отстранено. Поэтому нередко законным представителем, полномочия которого прекращены, подается апелляционная жалоба после постановления итогового процессуального решения. При этом в жалобе фактически неразрывно обжалуется как решение, связанное с его отстранением, так и итоговое решение по делу. Это ставит перед судами сложный вопрос о приемлемости такой жалобы. Аналогичный вопрос возникает и тогда, когда законный представитель не являлся в судебные заседания, а суд не счел его явку необходимой, или несовершеннолетний достиг восемнадцатилетнего возраста, но обжалует решение суда по данному уголовному делу. К сожалению, судебной практикой пока не выработано единообразного подхода к решению этих проблем. При этом реализация права на апелляционное обжалование законным представителем предполагает наличие у него определенного процессуального ста-

<sup>129</sup> См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» под близкими родственниками следует понимать лиц, указанных в п. 4 ст. 5 УПК РФ // [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_113017/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113017/) (дата обращения: 30.09.2020).

<sup>130</sup> См.: *Марковичева Е.В.* Проблемы назначения и замены законного представителя несовершеннолетнего в российском уголовном процессе // *Судья*. 2015. № 7 (55). С. 24–26.

туса. Его же отсутствие не препятствует обжалованию, но родитель несовершеннолетнего, не привлеченный в качестве законного представителя в процесс, может обжаловать приговор только в той части, в которой он затрагивает его права и законные интересы.

Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в суде второй инстанции хотя и имеет свою специфику, но его реализация, безусловно, важна, поскольку как отмечает А. М. Панюкин, допускаемый отечественным законодательством пересмотр не только вопросов права, но и вопросов факта «требует неукоснительного соблюдения положений ст. 6 ЕКПЧ»<sup>131</sup>. Практика Европейского Суда по правам человека оказала принципиальное влияние на российское апелляционное производство, позволив выработать основные подходы к обеспечению права на защиту в суде второй инстанции<sup>132</sup>. В контексте проблематики реализации законным представителем права апелляционного обжалования закономерно стоит вопрос о выработке единообразных подходов к решению вопроса об участии в рассмотрении жалобы не только самого законного представителя, но и представляемого им лица. И, если за лицом, в отношении которого вынесено решение о применении принудительных мер медицинского характера, ст. 437 УПК РФ закрепляет право лично осуществлять предоставленные ему процессуальные права (в зависимости от его психического состояния), то применительно к участию несовершеннолетних в уголовном процессе возобладал подход, в соответствии с которым позиция законного представителя полностью соответствует правовой позиции несовершеннолетнего. Однако подобная конструкция должна предусматривать более четкий механизм устранения возможного противоречия между интересами несовершеннолетнего и интересами законного представителя, что закономерно требует замены законного представителя. Заслуживает внимания и позиция Европейского Суда по правам человека, в соответствии с которой несовершеннолетний может быть рассмотрен как самостоятельный заявитель, и ему должно быть предоставлено право быть услышанным. Поэтому реализация законным представителем права на апелляционное обжа-

<sup>131</sup> *Панюкин А.М.* Реализация права на справедливое судебное разбирательство в апелляционном производстве: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и российский уголовный процесс // *Рос. юстиция*. 2016. № 6. С. 52.

<sup>132</sup> См.: *Качалова О.В.* Развитие российского апелляционного производства по уголовным делам в свете решений Европейского Суда по правам человека // *Рос. правосудие*. 2014. № 3. С. 90–95.

лование требует установления того, в чьих интересах он действует, и нет ли противоречия между процессуальной позицией законного представителя и правами представляемого им лица.

Полагаем, что решение указанных проблем требует обобщения и анализа судебной практики, определения единых подходов к решению проблемных вопросов как на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ, так и на законодательном уровне.

#### Список литературы:

1. *Качалова О.В.* Развитие российского апелляционного производства по уголовным делам в свете решений Европейского Суда по правам человека // Рос. правосудие. 2014. № 3.
2. *Марковичева Е.В.* Проблемы назначения и замены законного представителя несовершеннолетнего в российском уголовном процессе // Судья. 2015. № 7 (55).
3. *Паночкин А.М.* Реализация права на справедливое судебное разбирательство в апелляционном производстве: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и российский уголовный процесс // Рос. юстиция. 2016. № 6.
4. *Смирнов В.П., Кудрявцева А.В.* Широта и свобода обжалования как общее условие апелляционного производства в уголовном процессе России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. Т. 13. № 3.

Цыкунова И.Н.  
Tsyganova I.N.<sup>133</sup>

#### Доказывание в суде апелляционной инстанции (по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь)

#### Proofing in the court of appeal (according to the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus)

**Аннотация.** Статья посвящена процессу доказывания по уголовным делам в суде апелляционной инстанции. Опираясь на нормативные положения уголовно-процессуального закона Республики Беларусь, анализируются полномочия суда по собиранию, исследованию и оценке доказательств во время подготовки к рассмотрению и рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции. Автор приходит к выводу, что собирание доказательств в суде апелляционной инстанции осуществляется путем производства процессуальных действий по назначению экспертизы и истребованию документов о состоянии здоровья, семейном положении, прошлых судимостях, иных данных о личности обвиняемого, а также иных документов, имеющих значение для решения дела; проверка доказательств сводится к исследованию доказательств, имеющихся в уголовном деле; в большинстве случаев в апелляционной инстанции происходит оценка доказательств, имеющихся в деле (повторная оценка), и только иногда новых доказательств.

**Ключевые слова:** суд, апелляционная инстанция, доказательство, доказывание, собирание, проверка, оценка доказательств.

**Abstract.** The article is devoted to the process of proving in criminal cases in the court of appeal. Based on the normative provisions of the criminal procedure law of the Republic of Belarus, the author analyzes the powers of the court to collect, research and evaluate evidence during preparation for the consideration and consideration of a criminal case in the court of appeal. The author comes to the conclusion that the collection of evidence in the court of appeal is carried out by the production of procedural actions for the appointment of an examination and the

<sup>133</sup> Цыкунова Ирина Николаевна, доцент кафедры уголовного права и процесса УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук, доцент.

Irina N. Tsykunova, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the EE "Francisk Skorina Gomel State University", Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

request for documents on the state of health, marital status, past convictions, other data about the identity of the accused, as well as other documents relevant to the solution of the case verification of evidence is reduced to the study of evidence available in a criminal case; in most cases, the appellate instance evaluates the evidence available in the case (re-evaluation), and only sometimes new evidence.

**Keywords:** court, appellate instance, evidence, proof, collection, verification, evaluation of evidence.

Согласно ст. 102 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее — УПК)<sup>134</sup> доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела.

Процесс доказывания регламентируется в гл. 11 УПК «Доказывание» применительно ко всем стадиям уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем, доказывание в ходе подготовки к рассмотрению и рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции имеет свои особенности, которые, по мнению автора, зависят от особенностей самого апелляционного производства. Они проявляются в его принципах (в юридической литературе их также именуют основными чертами, началами апелляционного производства). Основными чертами апелляционного производства в Республике Беларусь можно назвать: свободу апелляционного обжалования приговора (ст. 370 УПК); ревизионный характер апелляционной проверки (ч. 2 ст. 378 УПК); проверка законности и обоснованности приговора (ч. 1 ст. 378 УПК); представление дополнительных материалов в апелляционную инстанцию (ст. 384 УПК); недопустимость (запрет) поворота обжалованного обвиняемым приговора к худшему (ч. 2 и 3 ст. 387 УПК). Профессор С. В. Борико в качестве самостоятельной черты апелляции называет еще широкие полномочия апелляционной инстанции<sup>135</sup>.

С учетом указанных особенностей осуществляется доказывание в суде апелляционной инстанции. Процесс доказывания при

производстве по уголовному делу, как было отмечено, связан с собиранием, проверкой и оценкой доказательств.

Собирание доказательств регулируется ст. 103 УПК, в которой исчерпывающе указаны способы собирания доказательств: проведение следственных и других процессуальных действий, предусмотренных УПК (основной способ); истребование от организаций, должностных лиц и граждан, а также органов, уполномоченных законом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, предметов и документов, имеющих значение для дела; требование производства ревизий и проверок от соответствующих органов и должностных лиц; представление доказательств участниками уголовного процесса, а также любыми физическими и юридическими лицами.

Согласно ч. 1 ст. 103 УПК собирание доказательств производится в процессе разрешения заявлений и сообщений о преступлении, ускоренного производства, дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства. О собирании доказательств в процессе апелляционного производства в рассматриваемой статье речь не идет.

Действительно, в ходе подготовки заседания суда апелляционной инстанции и рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции суд не проводит допросы и иные следственные действия, предусмотренные статьями 335–337, 340–343 УПК, как это происходит в судебном разбирательстве. В первую очередь, доказательства по уголовному делу собираются на стадии предварительного расследования. Собирание доказательств возможно и на стадии судебного разбирательства, в ходе которого устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела. Предмет же рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции составляет правильность установления фактических обстоятельств уголовного дела и применения уголовного закона, а также соблюдение при рассмотрении и разрешении уголовного дела судом первой инстанции норм уголовно-процессуального закона (ст. 378 УПК).

В то же время судья суда апелляционной инстанции, изучив поступившее на апелляционное рассмотрение уголовное дело, при подготовке заседания суда апелляционной инстанции вправе по ходатайству сторон или по собственной инициативе решить вопрос об истребовании необходимых дополнительных документов, о назна-

<sup>134</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г., № 295-3 (ред. от 09.01.2019) // <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 22.10.2020).

<sup>135</sup> Борико С.В. Уголовный процесс: учебник. Минск, 2020. С. 291.

чении экспертизы, если ее проведение возможно по имеющимся в деле или дополнительно представленным материалам (п. 4 ч. 1 ст. 380 УПК); по ходатайству сторон или по собственной инициативе, когда признает это необходимым, вызвать в заседание суда апелляционной инстанции экспертов, специалистов, а также потерпевшего, свидетелей, но только в том случае, если они были допрошены в суде первой инстанции, и только для дачи разъяснений по существу данных ими заключений или показаний, а не для допроса (п. 2 ч. 1 ст. 380 УПК).

Подобные полномочия суда апелляционной инстанции, но уже при рассмотрении уголовного дела, закреплены в ч. 6, 7 ст. 385 УПК.

Соответственно, заключение эксперта, истребованные судом апелляционной инстанции по собственной инициативе или по ходатайству сторон документы будут являться доказательствами, полученными в процессуальном порядке самим судом апелляционной инстанции. Указанные полномочия суда апелляционной инстанции, на наш взгляд, связаны с предметно-практической, поисковой, познавательной деятельностью и отражают способы собирания доказательств, закрепленные в ст. 103 УПК.

Собранные доказательства и их источники подлежат тщательной проверке. Проверка доказательств состоит в их анализе, сопоставлении с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также в установлении их источников, получении других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (ч. 2 ст. 104 УПК). В целом можно говорить, что проверка доказательства — это мыслительно-практическая деятельность органов расследования, прокурора и суда, направленная на подтверждение (опровержение) содержащейся в нем информации, на установление качества доказательства.

Проверка доказательств при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции имеет особенности. Во-первых, в ст. 385 УПК, регламентирующей порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции, о проверке доказательств речь не идет, употребляется термин «исследование доказательств».

Л. В. Гайворонская предлагает «исследование доказательств понимать в двух значениях. В широком смысле слова исследование доказательств — это уяснение, познание судом апелляционной инстанции содержания доказательства и уже последующие дальней-

шие правовые действия с ним. Такое уяснение сути доказательства не всегда предполагает процесс доказывания.

В узком смысле слова исследование доказательств — это один из способов проверки доказательства по уголовному делу»<sup>136</sup>.

С этим можно согласиться. В процессе рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции доказательства изучаются, анализируются, то есть преобладает мыслительная деятельность, анализ как один из законодательно закрепленных в ст. 104 УПК способов проверки доказательств.

Во-вторых, проверка доказательств в суде апелляционной инстанции — это, прежде всего, исследование доказательств, имеющихся в уголовном деле. Так, согласно п. 2, 3 ч. 7 ст. 385 УПК суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе вправе исследовать доказательства, имеющиеся в уголовном деле, которые не были исследованы судом первой инстанции, и дать им оценку, а также дать оценку доказательствам, исследованным судом первой инстанции, но не получившим оценку в приговоре, если для этого не требуется проведение судебного разбирательства по первой инстанции. Заметим, что термин «исследование доказательств» используется законодателем и в нормах глав 34–38 УПК, регулирующих судебное разбирательство. Но если для судебного разбирательства характерно непосредственное исследование доказательств судом (заслушивание показаний обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, оглашение и исследование заключения экспертов, осмотр вещественных доказательств, оглашение протоколов и других документов и иные судебные действия по исследованию доказательств в судебном заседании), то в апелляционной инстанции непосредственного и устного исследования доказательств по правилам судебного следствия не происходит. «Согласно УПК Республики Беларусь апелляционное производство — это проверка судебных решений без правомочия суда второй инстанции на проведение судебного следствия в соответствии с правилами судопроизводства в первой инстанции, а соответственно, и без правомочия исследования новых доказательств. В Республике Беларусь апелляционное следствие сводится к докладу судьи апелляционной инстанции о существе дела, доводах жалобы или протеста, объяснений лиц, подавших жалобу, а также разъяснений потерпевших, свидетелей,

<sup>136</sup> Гайворонская Л.В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 185.

экспертов, специалистов, исследованию письменных материалов дела (ст. 385 УПК)»<sup>137</sup>.

Завершающим самостоятельным элементом процесса доказывания выступает оценка доказательств, представляющая собой логический, мыслительный процесс субъекта доказывания, осуществляемый в соответствии с уголовно-процессуальными нормами по определению относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, в целях установления обстоятельств, имеющих значение для принятия процессуальных решений, а также для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела, и получающая отражение в процессуальных документах в виде обоснования таких процессуальных решений.

Особенностью оценки доказательств в суде апелляционной инстанции является то, что производится оценка доказательств, прежде всего, имеющихся в уголовном деле. То есть это оценка доказательств, исследованных судом первой инстанции, но не получивших оценку в приговоре, а также имеющихся в деле доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции. Это следует из содержания п. 2, 3 ч. 7 ст. 385 УПК. При этом непосредственного исследования доказательств в суде апелляционной инстанции, как отмечалось выше, не происходит.

В то же время, поскольку возможно собирание доказательств самим судом апелляционной инстанции путем производства процессуальных действий по назначению экспертизы и истребованию документов, полученные в процессуальном порядке заключение эксперта и документы (так называемые новые доказательства) должны быть оценены судом.

Таким образом, собирание доказательств судом апелляционной инстанции осуществляется путем производства процессуальных действий по назначению экспертизы и истребованию документов о состоянии здоровья, семейном положении, прошлых судимостях и других данных о личности обвиняемого, а также иных документов, имеющих значение для разрешения дела. Проверка доказательств в суде апелляционной инстанции сводится к исследованию доказательств, имеющихся в уголовном деле. В большинстве слу-

чаев в апелляционной инстанции происходит оценка доказательств, имеющихся в деле (повторная оценка), и только иногда новых доказательств. При этом, исходя из содержания ч. 7 ст. 385 и ч. 2 ст. 387 УПК, можно сделать вывод о недопущении проверки и оценки судом апелляционной инстанции доказательств по правилам суда первой инстанции, поскольку в случаях, когда доказательства требуют проверки и оценки судом первой инстанции, приговор отменяется, а уголовное дело направляется на новое судебное разбирательство.

В названии ст. 385 УПК указывается на порядок рассмотрения уголовного дела и полномочия суда апелляционной инстанции по исследованию и оценке доказательств. Представляется, что ввиду закрепления в ст. 385 УПК полномочий суда апелляционной инстанции, фактически связанных с собиранием доказательств, полагаем целесообразным дополнить название ст. 385 УПК указанием на полномочия суда апелляционной инстанции по собиранию доказательств, соответственно, название статьи изложить в следующей редакции: «Статья 385. Порядок рассмотрения уголовного дела и полномочия суда апелляционной инстанции по собиранию, исследованию и оценке доказательств».

#### Список литературы:

1. *Борико С.В.* Уголовный процесс: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. Минск, 2020. 408 с.
2. *Гайворонская Л.В.* Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2018. 239 с.
3. *Солтанович А.В., Скалкович М.А.* Введение апелляции в уголовное судопроизводство Республики Беларусь // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики. Могилев, 2016. С. 136–144 – [http://www.institutemvd.by/components/com\\_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160704162138\\_Soltanovich\\_Skalkovich\\_h.pdf](http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160704162138_Soltanovich_Skalkovich_h.pdf). (дата обращения: 01.10.2020).

<sup>137</sup> *Солтанович А.В., Скалкович М.А.* Введение апелляции в уголовное судопроизводство Республики Беларусь // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики. Могилев, 2016. С. 142 – [http://www.institutemvd.by/components/com\\_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160704162138\\_Soltanovich\\_Skalkovich.pdf](http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160704162138_Soltanovich_Skalkovich.pdf). (дата обращения: 01.10.2020).

**Апелляционное производство как гарантия защиты прав,  
свобод и законных интересов лиц,  
принимающих участие в уголовном судопроизводстве:  
взгляд криминолога**

**Appeal proceedings as a guarantee of protection of the rights,  
freedoms and legitimate interests of persons taking part  
in criminal proceedings: a criminologist's view**

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы современного апелляционного производства по уголовным делам и создания апелляционных судов общей юрисдикции, проводится анализ соответствующих литературных источников и материалов судебной практики. Отмечается, что апелляционное производство играет значительную роль в повышении эффективности механизма защиты прав, свобод и законных интересов личности. Констатируется, что деятельность апелляционных судов общей юрисдикции способствует предупреждению процессуальных нарушений и преступлений в сфере отправления правосудия.

**Ключевые слова:** апелляционное производство, уголовное судопроизводство, апелляционные суды общей юрисдикции, причины и условия совершения преступлений, предупреждение преступлений.

**Abstract.** The article deals with the issues of modern appeal proceedings in criminal cases and the creation of appeal courts of General jurisdiction, analyzes the relevant literature and materials of judicial practice. It is noted that the appeal procedure plays a significant role in improving the effectiveness of the mechanism for protecting the rights, freedoms and legitimate interests of individuals. It is stated that the activity of the courts of appeal of General jurisdiction contributes to the prevention of procedural violations and crimes in the field of administration of justice.

<sup>138</sup> Яшин Андрей Владимирович, профессор кафедры «Правоохранительная деятельность» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», доктор юридических наук, доцент.

Andrey V. Yashin, Professor of the Department of Law Enforcement Activities of the Penza State University, Doctor of Law, Associate Professor.

**Keywords:** appeal proceedings, criminal proceedings, courts of appeal of general jurisdiction, reasons and conditions for committing crimes, crime prevention.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации, обязанностью государства является признание, соблюдение, защита прав и свобод человека и гражданина. Одним из видов государственной деятельности, направленной на защиту прав, свобод и законных интересов личности, является уголовное судопроизводство. Однако в последние годы в отношении лиц, принимающих участие в уголовном процессе, не всегда соблюдаются гарантии законного обеспечения их правового статуса. Нередко по различным причинам подобные нарушения допускаются судами первой инстанции, вследствие чего отечественным уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена возможность устранения допущенных нарушений посредством апелляционного производства.

В данном случае Н.Н. Ковтун совершенно справедливо полагает, что в качестве принципиального достоинства современной апелляции в уголовном судопроизводстве надлежит выделить не только право, но и обязанность суда апелляционной инстанции на самостоятельное исправление всех пробелов обжалованного приговора. Указанное судебное правомочие обеспечивает соблюдение прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства<sup>139</sup>. Поддерживая данную точку зрения, А. С. Шаталов также считает, что апелляционное производство способствует позитивным изменениям в механизме соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе<sup>140</sup>.

В последнее десятилетие в Российской Федерации наблюдается существенный рост обращений за судебной защитой нарушенных прав и законных интересов граждан при сокращении количества зарегистрированных преступлений, в связи с чем в России произошла судебная реформа с революционными новациями в си-

<sup>139</sup> Ковтун Н.Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 184.

<sup>140</sup> Шаталов А.С. Новые процессуальные процедуры пересмотра судом апелляционной инстанции не вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 99.

стеме пересмотра судебных решений<sup>141</sup>. Так, 29 июля 2018 г. принят Федеральный Конституционный закон № 1-ФКЗ, в соответствии с которым на территории Российской Федерации создано пять апелляционных судов общей юрисдикции в целях осуществления деятельности в пределах соответствующего судебного апелляционного округа<sup>142</sup>.

Следует отметить, что научное сообщество и практические работники судебной системы неоднозначно оценили данную модернизацию.

К примеру, Т.Г. Бородинова полагает, что в результате судебной реорганизации может возникнуть серьезная проблема в виде территориальной удаленности федеральных апелляционных судов для отдельных районов. Это в большинстве случаев станет препятствием к личному участию заинтересованных лиц в судебных заседаниях апелляционных инстанций, что неизбежно приведет к существенному повышению потока субъектов, выразивших желание участвовать в судебном заседании посредством использования систем видеоконференцсвязи, тогда как этот процесс на сегодняшний день нуждается в дополнительном процессуально-правовом регулировании<sup>143</sup>.

Т.И. Отческая и Н.В. Мишакова, напротив, считают, что реформирование отечественного судостроительства, безусловно, является позитивным, так как позволяет повысить доступность и эффективность правосудия, а также добиться торжества справедливости, основанного на правовых нормах<sup>144</sup>. Данную точку зрения поддер-

<sup>141</sup> Назаров В.В. К вопросам судебного реформирования и начала работы отдельных кассационных и апелляционных судов // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 351.

<sup>142</sup> Федеральный Конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.

<sup>143</sup> Бородинова Т.В. Об обеспечении доступа граждан к правосудию по уголовным делам в реформированных федеральных кассационных и апелляционных судах общей юрисдикции // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 21 апреля 2018 г.). Краснодар, 2018. С. 33.

<sup>144</sup> Отческая Т.И., Мишакова Н.В. Роль судебной реформы России в совершенствовании судебного и досудебного производства в уголовном процессе на современном этапе // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. С. 127.

живают А.С. Платова и П.В. Шумов, по мнению которых решения, выносимые апелляционными судами общей юрисдикции, будут более объективными, что является одним из самых положительных аспектов проведенной реформы<sup>145</sup>.

Изучение судебной практики свидетельствует, что апелляционными судами общей юрисдикции с момента их создания было отменено или изменено, в среднем, примерно 20 % решений нижестоящих судов. Данная статистика представляется положительной с учетом того, что апелляционные суды реагируют на нарушение прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства не только со стороны обвинения, но и со стороны защиты.

Например, 2 декабря 2019 г. вердиктом коллегии присяжных заседателей гр-н Л. оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст.30, пп. «а», «е» ч. 2 ст. 105 и пп. 2 и 4 ч. 2 ст.302 УК РФ. Приговор Ямало-Ненецкого автономного округа по данному факту был обжалован государственным обвинителем и потерпевшими. Изучив материалы дела, судебная коллегия по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции приговор отменила и передала уголовное дело в тот же суд на новое судебное разбирательство в ином составе суда<sup>146</sup>. В указанном случае Второй апелляционный суд выступил в защиту прав и законных интересов потерпевших.

В отношении обвиняемых апелляционные суды нередко изменяют меры пресечения на более мягкие. В частности, 20 ноября 2019 г. судебная коллегия по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции, рассмотрев апелляционную жалобу защитника обвиняемой на постановление Московского областного суда о продлении срока содержания под стражей в отношении гр-ки Ю., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, изменила меру пресечения на домашний арест<sup>147</sup>.

<sup>145</sup> Платова А.С., Шумов П.В. К вопросу о создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции // Бюллетень науки и практики. 2019. № 8. С. 118.

<sup>146</sup> Судебная коллегия отменила оправдательный приговор Ямало-Ненецкого автономного округа в отношении Л. // [http://2ap.sudrf.ru/modules.php?name=press\\_dep&op=1&did=20](http://2ap.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=20) (дата обращения: 29.09.2020).

<sup>147</sup> Обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, изменена мера пресечения на домашний арест //

Кроме того, выступая в защиту прав и свобод осужденных, апелляционные суды общей юрисдикции могут принять решение о смягчении приговора. Так, 18 сентября 2020 г. в Третьем апелляционном суде общей юрисдикции состоялась проверка законности приговора Краснодарского краевого суда от 14 ноября 2019 г., которым гр-н Т. был осужден к пожизненному лишению свободы за убийство несовершеннолетней девушки. В судебном заседании назначенное Т. наказание снижено до двадцати четырех лет лишения свободы<sup>148</sup>.

Представляется, что создание апелляционных судов общей юрисдикции имеет и криминологическое обоснование. Это связано с тем, что нарушение прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве первой инстанции, может выступать в роли причин и условий совершения отдельных преступлений.

В силу высокой загруженности, а также некоторых объективных и субъективных факторов, суды первой инстанции не всегда могут в полном объеме защитить права, свободы и законные интересы участников уголовного процесса, нарушенные на стадии предварительного расследования. Данное обстоятельство зачастую вызывает негативные социальные последствия в виде снижения авторитета судебной власти и формирования отчужденности населения от судебной системы. Вследствие этого граждане, не добившиеся справедливости в судах первой инстанции, пытаются удовлетворить свои потребности и интересы незаконными методами, что приводит к продуцированию ряда преступлений.

Как представляется, создание апелляционных судов общей юрисдикции может сыграть существенную роль в повышении эффективности механизма защиты прав, свобод и законных интересов личности. Это связано с тем, что в них обжалуются решения судов субъектов Российской Федерации, рассматривающих в первой инстанции уголовные дела о преступлениях повышенной степени общественной опасности. Именно в ходе их рассмотрения нарушение прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства нередко трансформируется в совершение деяний, со-

[http://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=press\\_dep&op=1&did=101](http://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=101) (дата обращения: 29.09.2020).

<sup>148</sup> Приговор изменен в связи с существенными нарушениями уголовного закона // [http://3ap.sudrf.ru/modules.php?name=press\\_dep&op=1&did=107](http://3ap.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=107) (дата обращения: 29.09.2020).

державных признаки преступлений. Кроме того, создание межрегиональных апелляционных судов сможет обеспечить независимость уголовного судопроизводства и сократить количество противоправных вмешательств в процессуальную деятельность, связанных с воспрепятствованием осуществлению правосудия, то есть преступлений, предусмотренных ст. 294 УК РФ.

На основании изложенного следует заключить, что современное апелляционное производство по уголовным делам является гарантом соблюдения прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе. В свою очередь, создание апелляционных судов общей юрисдикции не только оправдано с точки зрения уголовного судопроизводства, но и криминологически обусловлено, поскольку их деятельность способствует предупреждению как процессуальных нарушений, так и преступлений в сфере отправления правосудия.

#### Список литературы:

1. *Бородинова Т.В.* Об обеспечении доступа граждан к правосудию по уголовным делам в реформированных федеральных кассационных и апелляционных судах общей юрисдикции // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всеросс. науч-практ. конф. (г. Краснодар, 21 апреля 2018 г.). Краснодар, 2018. С. 29-34.

2. *Ковтун Н.Н.* Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 179-184.

3. *Назаров В.В.* К вопросам судебного реформирования и начала работы отдельных кассационных и апелляционных судов // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 351-353.

4. Обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, изменена мера пресечения на домашний арест // [http://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=press\\_dep&op=1&did=101](http://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=101) (дата обращения: 29.09.2020).

5. *Отческая Т.И., Мишакова Н.В.* Роль судебной реформы России в совершенствовании судебного и досудебного производ-

ства в уголовном процессе на современном этапе // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. С. 121-128.

6. *Платова А.С., Шумов П.В.* К вопросу о создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции // Бюллетень науки и практики. 2019. № 8. С. 114-119.

7. Приговор изменен в связи с существенными нарушениями уголовного закона // [http://3ap.sudrf.ru/modules.php?name=press\\_dep&op=1&did=107](http://3ap.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=107) (дата обращения: 29.09.2020).

8. Судебная коллегия отменила оправдательный приговор Ямало-Ненецкого автономного округа в отношении Л. // [http://2ap.sudrf.ru/modules.php?name=press\\_dep&op=1&did=20](http://2ap.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=20) (дата обращения: 29.09.2020).

9. *Шаталов А.С.* Новые процессуальные процедуры пересмотра судом апелляционной инстанции не вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3 – <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-protsessualnye-protsedury-peresmotra-sudom-apellyatsionnoy-instantsii-ne-vstupivshih-v-zakonnuyu-silu-prigovorov-opredeleniy-i> (дата обращения: 11.08.2020).

Филатьев В.А.  
Filatyev V.A.<sup>149</sup>

### **Особенности обжалования судебных решений, принятых на этапе производства в суде первой инстанции после разрешения уголовного дела по существу**

### **Features of appeal against court decisions taken at the stage of proceedings in the court of first instance after the resolution of the criminal case on the merits**

**Аннотация.** На основе анализа действующего правового регулирования, а также правовых позиций Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, определяющих порядок апелляционного обжалования итоговых и промежуточных судебных решений, автор выявляет особенности такого обжалования. В частности, выявление взаимосвязи с приговором на практике не позволяет пересмотреть промежуточное решение самостоятельно, отдельно от приговора. Отсутствие же такой взаимосвязи делает это обжалование возможным. По мнению автора, связанное с вопросом обеспечения процессуальных прав стороны при обжаловании приговора судебное решение может быть проверено судом апелляционной инстанции до рассмотрения жалоб и представлений на сам приговор, равно как возможно обжалование в таком порядке законности судебного решения, если оно связано с разрешением дела, но оспаривается в аспекте нарушения процедуры его принятия или отсутствия правовых оснований для его вынесения.

**Ключевые слова:** право на судебную защиту; самостоятельное обжалование; итоговое судебное решение; промежуточное судебное решение.

**Abstract.** Based on the analysis of the current legal regulation, as well as the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, which determine the procedure for appeal against final and interim court decisions, the author identifies the features of such an appeal. In particular, the identification of the relationship with the sentence in practice does

<sup>149</sup> Филатьев Владислав Александрович, аспирант Российского государственного университета правосудия, адвокат.

Vladislav A. Filatyev, postgraduate student of the Russian State University of Justice, lawyer.

not allow the interim judgment to be reviewed independently, separately from the sentence. The absence of such a relationship makes this appeal possible. In the author's opinion, a court decision related to the issue of ensuring the procedural rights of a party when appealing a judgment can be checked by the court of appeal before considering complaints and submissions against the judgment itself, just as it is possible to appeal in this manner the legality of the judgment if it is related to the resolution of the case, but contested in the aspect of violation of the procedure for its adoption or the absence of legal grounds for its adoption.

**Keywords:** right to judicial protection; self-appeal; final judgment; interim judgment.

По общему правилу, установленному в ч. 2 ст. 389<sup>2</sup> УПК РФ, судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения. Исключением являются промежуточные решения, затрагивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства или нарушающие их права на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки, а также препятствующие дальнейшему движению дела, которые подлежат самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового решения по делу.

Вместе с тем суду нередко приходится сталкиваться с обжалованием сторонами судебных решений, которые приняты им одновременно с вынесением приговора или после этого (до вступления итогового решения в законную силу). Ввиду того, что данный аспект в законе должным образом не урегулирован, на практике возникают сложности в определении допустимости их обжалования отдельно от приговора.

На наш взгляд, в подобных случаях необходимо руководствоваться следующими соображениями.

Согласно ст. 313 УПК РФ суд одновременно с постановлением приговора разрешает также отдельные, не направленные на разрешение дела, вопросы (о передаче несовершеннолетних детей осужденного на попечение близких родственников, родственников или других лиц либо помещении их в детские или социальные учреждения; о принятии мер по охране имущества или жилища осужденного, остающихся без присмотра; по вопросам применения мер безопасности в отношении осужденного; о размере вознаграждения защитника по назначению, подлежащего выплате за оказание

юридической помощи), принимая по ним соответствующие определения или постановления. Суд наделен правом вынести их и после постановления приговора, если заинтересованные лица ходатайствуют об этом.

Круг вопросов, которые суд может разрешать таким образом, не ограничен лишь перечисленными в указанной норме. Например, если по уголовному делу в отношении потерпевшего, его родственников, законного представителя, представителя применяются меры безопасности, то по окончании производства по уголовному делу суду надлежит одновременно с постановлением приговора (вынесением постановления о применении принудительных мер медицинского характера или о применении принудительных мер воспитательного воздействия либо постановления о прекращении уголовного дела) выносить постановление (определение) о полной или частичной отмене мер безопасности либо о дальнейшем применении таких мер в отношении указанных лиц, а не только осужденного. Кроме того, на этапе завершения производства в суде первой инстанции после разрешения уголовного дела по существу суд уполномочен разрешать множество вопросов процессуального характера, в частности связанных с необходимостью подготовки уголовного дела для его рассмотрения судом апелляционной инстанции или обеспечения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства.

При этом, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»<sup>150</sup>, если по уголовному делу состоялось итоговое судебное решение, то промежуточные судебные решения самостоятельному обжалованию в апелляционном порядке не подлежат, кроме решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, о продлении срока действия этой меры пресечения либо о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы, а также решений, не связанных с разрешением дела, на которые апелляционные жалоба, представление могут быть принесены в уста-

<sup>150</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 1.

новленный законом срок либо по которым восстановлен срок апелляционного обжалования.

Решения по вопросам, подлежащим разрешению при постановлении приговора в силу ч. 1 ст. 299 УПК РФ, суд излагает в его тексте. Возможности самостоятельного обжалования таких решений, являющихся составной частью приговора, отдельно от него законом не предусмотрено. Вместе с тем, следуя приведенной выше правовой позиции Верховного Суда РФ, отдельное от приговора обжалование таковых не исключено.

Конституционный Суд РФ, обращаясь к вопросу допустимости их самостоятельного обжалования применительно к решению об избрании в отношении подсудимого меры пресечения в виде заключения под стражу, принятого судом одновременно с постановлением приговора, неоднократно указывал, что оно может быть обжаловано в апелляционном порядке, но только одновременно с приговором. Иное приводило бы к тому, что в апелляционном порядке отдельно рассматривались бы взаимосвязанные вопросы законности, обоснованности и справедливости приговора, являющегося предметом судебного разбирательства в апелляционном порядке, а также его законности и обоснованности в части избрания при его постановлении меры пресечения в виде заключения под стражу, применяемой лишь при назначении в качестве наказания лишения свободы и только на срок до вступления приговора в законную силу (определения от 27 марта 2018 г. № 862-О, от 26 ноября 2018 г. № 2869-О, от 28 мая 2020 г. № 1310-О).

Исходя из данной правовой позиции, можно предположить, что определяющее значение в вопросе допустимости отдельного от приговора самостоятельного апелляционного обжалования судебных решений имеет наличие либо отсутствие прямой взаимосвязи между приговором как решением по существу уголовного дела и решением, которое оспаривается отдельно от приговора. Если такая взаимосвязь усматривается, решение может быть проверено лишь вместе с приговором. При этом неважно, является это решение частью приговора или же оно вынесено в виде отдельного определения (постановления) одновременно с приговором либо после его вынесения на том же этапе производства по делу в суде первой инстанции.

Учитывая стадийное построение уголовного процесса, в том случае, когда стороной обжаловано судебное решение, связанное исключительно с вопросом обеспечения процессуальных прав сто-

роны при обжаловании приговора, суду апелляционной инстанции надлежит проверить это решение до рассмотрения апелляционных жалоб и представлений на сам приговор.

После разрешения уголовного дела по существу на рассматриваемом нами этапе производства в суде первой инстанции может возникать необходимость в принятии судебных решений по вопросам, затрагивающим права и интересы участников уголовного судопроизводства, входящим в предмет уголовно-процессуального регулирования по данному делу, но оставшихся неразрешенными, поскольку в силу буквального содержания ч. 1 ст. 299, ст. 313 УПК РФ они не относятся к таким, на которые суд отвечает при вынесении приговора или одновременно с ним.

Такие вопросы, по смыслу ст. 119 УПК РФ, могут быть разрешены судом, постановившим приговор и в производстве которого продолжает находиться уголовное дело, на основании соответствующего ходатайства, заявленного осужденным, его защитником, государственным обвинителем, потерпевшим, его представителем и иным лицом, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства, для обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемого им лица. Согласно же ст. 122 УПК РФ судебное решение, принятое по этому ходатайству, может быть обжаловано в апелляционном порядке, но с учетом особенностей, предусмотренных законом для обжалования промежуточных судебных решений и о которых было сказано ранее.

Как нам представляется, правовой подход Конституционного Суда РФ, из которого вытекает недопустимость самостоятельного обжалования взаимосвязанных с приговором судебных решений, не является бесспорным. Если невозможность самостоятельного оспаривания их обоснованности никаких вопросов не вызывает, поскольку в противном случае стороны под сомнение могли бы поставить логику построения судом своих выводов в приговоре, то абсолютный запрет обжалования тех же решений в аспекте законности нуждается в корректировке. Необходимо различать как минимум два вида такого обжалования: когда стороной оспаривается соблюдение процедуры их принятия или когда оспаривается наличие правовых оснований для их вынесения. Однако и в том, и в другом случае, если в жалобах или представлениях имеются ссылки на нарушения, никак не связанные с приговором как итоговым решением по существу дела, для рассмот-

рения таких доводов отдельно от обжалования приговора объективных препятствий не существует.

Можно прийти к выводу, что самостоятельное апелляционное обжалование законности принятых судом одновременно с приговором решений (по вопросам применения обеспечительных мер, передачи несовершеннолетних детей осужденного на попечение иных лиц и т.п.), хотя и находящийся в определенной взаимосвязи с приговором, но оспариваемых в аспекте нарушения процедуры их принятия, а также отсутствия достаточных правовых оснований для их вынесения — является допустимым и до момента пересмотра приговора в апелляционном порядке в целом отдельно от него и в сокращенный срок, если промедление в защите предположительно нарушенных конституционных прав ставит под сомнение саму возможность их восстановления в будущем и, следовательно, делает срок рассмотрения дела в этой части неразумным.

Представим себе, что в нарушение требований закона о необходимости немедленного освобождения подсудимого из-под стражи в случае его осуждения к наказанию, не связанному с лишением свободы, судом одновременно с вынесением приговора принято решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о ее сохранении. Исходя из буквального содержания сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции, она верна постольку, поскольку мера пресечения в виде заключения под стражу применяется лишь при назначении в качестве наказания лишения свободы и только на срок до вступления приговора в законную силу. Но как быть, если эти условия судом не были соблюдены или же решение по вопросу о мере пресечения не было мотивировано? Разумный ответ на вопрос, почему в таких случаях нельзя обжаловать решение суда по вопросу о мере пресечения отдельно от приговора, найти не получится, а потому критики здравым смыслом высказанная Конституционным Судом РФ правовая позиция не выдерживает.

В этом контексте следует отметить, что обусловленный таким подходом и воспринятый правоприменительной практикой запрет на отдельное обжалование приговора в части решения о мере пресечения влечет за собой нарушение конституционных прав граждан. Пункт 4 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах и п. 4 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляют в качестве гарантии права каждого на свободу и личную неприкосновенность положение, согласно кото-

рому каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение соответствующим судом правомерности решения о его заключении под стражу и на освобождение, если заключение под стражу признано судом незаконным. С учетом этих предписаний содержание под стражей обвиняемого осуществляется не просто на основании судебного решения, но и при том неременном условии, что он имеет право на безотлагательную проверку вышестоящим судом правомерности заключения под стражу и на освобождение, если содержание под стражей будет признано этим судом незаконным или необоснованным.

Вопросы пересмотра вышестоящей судебной инстанцией в безотлагательном порядке решений суда о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении сроков ее применения ранее уже являлись предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ. По смыслу его Постановления от 2 июля 1998 г. № 20-П<sup>151</sup>, право обвиняемого на судебное разбирательство без неоправданной задержки в случае обжалования им судебного решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу может считаться обеспеченным при соблюдении трехсуточного срока пересмотра подобных решений вышестоящим судом<sup>152</sup>. Так как конституционные гарантии от произвольного или избыточного ограничения свободы и личной неприкосновенности должны обеспечиваться на любом этапе уголовного судопроизводства, осужденному должна быть предоставлена возможность безотлагательного обжалования решения об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, принятого судом при постановлении приговора.

Очевидно, что в общем порядке апелляционного обжалования приговора это сделать невозможно. Предусмотренные же действующим правовым регулированием иные механизмы реализации указанного права, например, посредством заявления ходатайства об отмене меры пресечения, отнести к надлежащим средствам правовой защиты нельзя. На наш взгляд, положения уголовно-процессуального закона, п. 17 ч. 1 ст. 299 и п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, в той мере, в какой они непреодолимо препятствуют на практике возможности эффективной реализации лицом, в отношении которого в приведенных выше случа-

<sup>151</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П.

<sup>152</sup> Определения Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 1003-О-О и от 24 декабря 2012 г. № 2330-О.

ях одновременно с постановлением приговора избрано заключение под стражу в качестве меры пресечения, права на безотлагательную проверку правомерности ее применения, если она оспорена им в апелляционном порядке с соблюдением сокращенного срока апелляционного обжалования, предусмотренного ч. 11 ст. 108 УПК РФ, — не согласуются с Конституцией РФ (ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч. 1 ст. 22, ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46 и чч. 2 и 3 ст. 55).

По общему правилу, установленному в ч. 2 ст. 389<sup>2</sup> УПК РФ, судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения. Исключением являются промежуточные решения, затрагивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства или нарушающие их права на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки, а также препятствующие дальнейшему движению дела, которые подлежат самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового решения по делу.

Вместе с тем суду нередко приходится сталкиваться с обжалованием сторонами судебных решений, которые приняты им одновременно с вынесением приговора или после этого (до вступления итогового решения в законную силу). Ввиду того, что данный аспект в законе должным образом не урегулирован, на практике возникают сложности в определении допустимости их обжалования отдельно от приговора.

На наш взгляд, в подобных случаях необходимо руководствоваться следующими соображениями.

Согласно ст. 313 УПК РФ суд одновременно с постановлением приговора разрешает также отдельные, не направленные на разрешение дела, вопросы (о передаче несовершеннолетних детей осужденного на попечение близких родственников, родственников или других лиц либо помещении их в детские или социальные учреждения; о принятии мер по охране имущества или жилища осужденного, остающихся без присмотра; по вопросам применения мер безопасности в отношении осужденного; о размере вознаграждения защитника по назначению, подлежащего выплате за оказание юридической помощи), принимая по ним соответствующие определения или постановления. Суд наделяется правом вынести их и после постановления приговора, если заинтересованные лица ходатайствуют об этом.

Круг вопросов, которые суд может разрешать таким образом, не ограничен лишь перечисленными в указанной норме. Например, если по уголовному делу в отношении потерпевшего, его родственников, законного представителя, представителя применяются меры безопасности, то по окончании производства по уголовному делу суду надлежит одновременно с постановлением приговора (вынесением постановления о применении принудительных мер медицинского характера или о применении принудительных мер воспитательного воздействия либо постановления о прекращении уголовного дела) выносить постановление (определение) о полной или частичной отмене мер безопасности либо о дальнейшем применении таких мер в отношении указанных лиц, а не только осужденного. Кроме того, на этапе завершения производства в суде первой инстанции после разрешения уголовного дела по существу суд уполномочен разрешать множество вопросов процессуального характера, в частности связанных с необходимостью подготовки уголовного дела для его рассмотрения судом апелляционной инстанции или обеспечения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства.

При этом, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»<sup>153</sup>, если по уголовному делу состоялось итоговое судебное решение, то промежуточные судебные решения самостоятельному обжалованию в апелляционном порядке не подлежат, кроме решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, о продлении срока действия этой меры пресечения либо о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы, а также решений, не связанных с разрешением дела, на которые апелляционные жалоба, представление могут быть принесены в установленный законом срок либо по которым восстановлен срок апелляционного обжалования.

Решения по вопросам, подлежащим разрешению при постановлении приговора в силу ч. 1 ст. 299 УПК РФ, суд излагает в его тексте. Возможности самостоятельного обжалования таких решений, являющихся составной частью приговора, отдельно от него за-

<sup>153</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 1.

коном не предусмотрено. Вместе с тем, следуя приведенной выше правовой позиции Верховного Суда РФ, отдельное от приговора обжалование таковых не исключено.

Конституционный Суд РФ, обращаясь к вопросу допустимости их самостоятельного обжалования применительно к решению об избрании в отношении подсудимого меры пресечения в виде заключения под стражу, принятого судом одновременно с постановлением приговора, неоднократно указывал, что оно может быть обжаловано в апелляционном порядке, но только одновременно с приговором. Иное приводило бы к тому, что в апелляционном порядке отдельно рассматривались бы взаимосвязанные вопросы законности, обоснованности и справедливости приговора, являющегося предметом судебного разбирательства в апелляционном порядке, а также его законности и обоснованности в части избрания при его постановлении меры пресечения в виде заключения под стражу, применяемой лишь при назначении в качестве наказания лишения свободы и только на срок до вступления приговора в законную силу (определения от 27 марта 2018 г. № 862-О, от 26 ноября 2018 г. № 2869-О, от 28 мая 2020 г. № 1310-О).

Исходя из данной правовой позиции, можно предположить, что определяющее значение в вопросе допустимости отдельного от приговора самостоятельного апелляционного обжалования судебных решений имеет наличие либо отсутствие прямой взаимосвязи между приговором как решением по существу уголовного дела и решением, которое оспаривается отдельно от приговора. Если такая взаимосвязь усматривается, решение может быть проверено лишь вместе с приговором. При этом неважно, является это решение частью приговора или же оно вынесено в виде отдельного определения (постановления) одновременно с приговором либо после его вынесения на том же этапе производства по делу в суде первой инстанции.

Учитывая стадийное построение уголовного процесса, в том случае, когда стороной обжаловано судебное решение, связанное исключительно с вопросом обеспечения процессуальных прав стороны при обжаловании приговора, суду апелляционной инстанции надлежит проверить это решение до рассмотрения апелляционных жалоб и представлений на сам приговор.

После разрешения уголовного дела по существу на рассматриваемом нами этапе производства в суде первой инстанции может

возникать необходимость в принятии судебных решений по вопросам, затрагивающим права и интересы участников уголовного судопроизводства, входящим в предмет уголовно-процессуального регулирования по данному делу, но оставшихся неразрешенными, поскольку в силу буквального содержания ч. 1 ст. 299, ст. 313 УПК РФ они не относятся к таким, на которые суд отвечает при вынесении приговора или одновременно с ним.

Такие вопросы, по смыслу ст. 119 УПК РФ, могут быть разрешены судом, постановившим приговор и в производстве которого продолжает находиться уголовное дело, на основании соответствующего ходатайства, заявленного осужденным, его защитником, государственным обвинителем, потерпевшим, его представителем и иным лицом, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства, для обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемого им лица. Согласно же ст. 122 УПК РФ судебное решение, принятое по этому ходатайству, может быть обжаловано в апелляционном порядке, но с учетом особенностей, предусмотренных законом для обжалования промежуточных судебных решений и о которых было сказано ранее.

Как нам представляется, правовой подход Конституционного Суда РФ, из которого вытекает недопустимость самостоятельного обжалования взаимосвязанных с приговором судебных решений, не является бесспорным. Если невозможность самостоятельного оспаривания их обоснованности никаких вопросов не вызывает, поскольку в противном случае стороны под сомнение могли бы поставить логику построения судом своих выводов в приговоре, то абсолютный запрет обжалования тех же решений в аспекте законности нуждается в корректировке. Необходимо различать как минимум два вида такого обжалования: когда стороной оспаривается соблюдение процедуры их принятия или когда оспаривается наличие правовых оснований для их вынесения. Однако и в том, и в другом случае, если в жалобах или представлениях имеются ссылки на нарушения, никак не связанные с приговором как итоговым решением по существу дела, для рассмотрения таких доводов отдельно от обжалования приговора объективных препятствий не существует.

Можно прийти к выводу, что самостоятельное апелляционное обжалование законности принятых судом одновременно с приговором решений (по вопросам применения обеспечительных мер, передачи несовершеннолетних детей осужденного на попечение иных

лиц и т.п.), хотя и находящихся в определенной взаимосвязи с приговором, но оспариваемых в аспекте нарушения процедуры их принятия, а также отсутствия достаточных правовых оснований для их вынесения — является допустимым и до момента пересмотра приговора в апелляционном порядке в целом отдельно от него и в сокращенный срок, если промедление в защите предположительно нарушенных конституционных прав ставит под сомнение саму возможность их восстановления в будущем и, следовательно, делает срок рассмотрения дела в этой части неразумным.

Представим себе, что в нарушение требований закона о необходимости немедленного освобождения подсудимого из-под стражи в случае его осуждения к наказанию, не связанному с лишением свободы, судом одновременно с вынесением приговора принято решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о ее сохранении. Исходя из буквального содержания сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции, она верна постольку, поскольку мера пресечения в виде заключения под стражу применяется лишь при назначении в качестве наказания лишения свободы и только на срок до вступления приговора в законную силу. Но как быть, если эти условия судом не были соблюдены или же решение по вопросу о мере пресечения не было мотивировано? Разумный ответ на вопрос, почему в таких случаях нельзя обжаловать решение суда по вопросу о мере пресечения отдельно от приговора, найти не получится, а потому критики здравым смыслом высказанная Конституционным Судом РФ правовая позиция не выдерживает.

В этом контексте следует отметить, что обусловленный таким подходом и воспринятый правоприменительной практикой запрет на отдельное обжалование приговора в части решения о мере пресечения влечет за собой нарушение конституционных прав граждан. Пункт 4 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах и п. 4 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляют в качестве гарантии права каждого на свободу и личную неприкосновенность положение, согласно которому каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение соответствующим судом правомерности решения о его заключении под стражу и на освобождение, если заключение под стражу признано судом незаконным. С учетом этих предписаний содержание под стражей обвиняемого осуществляется не просто на основании судебного решения, но и при том неременном условии, что он

имеет право на безотлагательную проверку вышестоящим судом правомерности заключения под стражу и на освобождение, если содержание под стражей будет признано этим судом незаконным или необоснованным.

Вопросы пересмотра вышестоящей судебной инстанцией в безотлагательном порядке решений суда о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении сроков ее применения ранее уже являлись предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ. По смыслу его Постановления от 2 июля 1998 г. № 20-П<sup>154</sup>, право обвиняемого на судебное разбирательство без неоправданной задержки в случае обжалования им судебного решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу может считаться обеспеченным при соблюдении трехсуточного срока пересмотра подобных решений вышестоящим судом<sup>155</sup>. Так как конституционные гарантии от произвольного или избыточного ограничения свободы и личной неприкосновенности должны обеспечиваться на любом этапе уголовного судопроизводства, осужденному должна быть предоставлена возможность безотлагательного обжалования решения об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, принятого судом при постановлении приговора.

Очевидно, что в общем порядке апелляционного обжалования приговора это сделать невозможно. Предусмотренные же действующим правовым регулированием иные механизмы реализации указанного права, например посредством заявления ходатайства об отмене меры пресечения, отнести к надлежащим средствам правовой защиты нельзя. На наш взгляд, положения уголовно-процессуального закона, п. 17 ч. 1 ст. 299 и п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, в той мере, в какой они непреодолимо препятствуют на практике возможности эффективной реализации лицом, в отношении которого в приведенных выше случаях одновременно с постановлением приговора избрано заключение под стражу в качестве меры пресечения, права на безотлагательную проверку правомерности ее применения, если она оспорена им в апелляционном порядке с соблюдением сокращенного срока апелляционного обжалования, предусмотренного ч. 11 ст. 108 УПК РФ, — не согласуются с Конституцией РФ (ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч. 1 ст. 22, ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46 и чч. 2 и 3 ст. 55).

<sup>154</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П.

<sup>155</sup> Определения Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 1003-О-О и от 24 декабря 2012 г. № 2330-О.

### Часть III. Материалы секции «Судебные решения и их проверка после вступления в законную силу»

Лазарева В.А.  
Lazareva V.A.<sup>156</sup>

#### Дихотомия свойств и оснований отмены приговора

#### Dichotomy of properties and grounds for canceling a sentence

**Аннотация.** Анализируя свойства приговора в контексте оснований его отмены и изменения, автор приходит к выводу о неудовлетворительности их правового регулирования. Несамостоятельность предъявляемых приговору требований обоснованности, мотивированности и справедливости, как органических признаков его законности, обуславливает невозможность четкого разграничения оснований отмены и изменения приговора в зависимости от вступления/невступления его в законную силу, и вызывает множество трудноразрешимых вопросов теории и практики.

**Ключевые слова:** приговор, законность и обоснованность приговора, основания отмены и изменения приговора.

**Abstract.** Analyzing the properties of the sentence in the context of the grounds for its cancellation and amendment, the author comes to the conclusion that their legal regulation is unsatisfactory. The lack of independence of the requirements of validity, motivation and justice imposed on a sentence, as organic signs of its legality, makes it impossible to clearly distinguish between the grounds for canceling and changing the sentence depending on its entry / non-entry into legal force, and raises many intractable questions of theory and practice.

**Keywords:** sentence, legality and validity of the sentence, grounds for canceling and changing the sentence.

<sup>156</sup> Лазарева Валентина Александровна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор.

Valentina A. Lazareva, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University named after S. P. Korolev, Doctor of Law, Professor.

1. Вопрос о соотношении законности и обоснованности как самостоятельных свойств и критериев оценки приговора имеет ключевое значение для решения множества вопросов теории и практики. Однако законодательное регулирование этого достаточно простого вопроса настолько несовершенно, что не только не способствует их правильному разрешению, но с каждой новой попыткой изменить уголовно-процессуальный закон мы получаем новые проблемы, не устранив при этом существующие. Так, в 2013 и 2016 гг. статья 389<sup>15</sup>, которая и сама введена в УПК РФ немногим раньше, была дополнена двумя самостоятельными основаниями отмены приговора, хотя они вполне вписываются в традиционную систему оснований его отмены, поскольку оба свидетельствуют о неправильном применении уголовного закона вне зависимости от обусловивших эту ошибку обстоятельств.

Между основаниями отмены и изменения приговора и предъявляемыми к приговору требованиями, бесспорно, тесная взаимосвязь: несоответствие приговора тем требованиям, которые ему предъявляет закон влечет его отмену или изменение. Приговор, не отвечающий требованиям закона, не может иметь законной силы, он должен быть отменен или изменен. Однако, предусмотрев кассационную отмену приговора по мотиву его незаконности, мы допускаем вступление незаконного приговора в законную силу и при этом не разграничиваем основания отмены приговора и основания его изменения, хотя они, естественно, не идентичны.

Возможна ли более совершенная или хотя бы менее противоречивая система правовых и соответственно теоретических конструкций деятельности по пересмотру приговора? Назовем некоторые нуждающиеся в осмыслении проблемы правового регулирования.

2. Согласно ст. 297 УПК РФ, приговор должен обладать тремя обязательными свойствами — законностью, обоснованностью и справедливостью, хотя если обратиться к ст. 7 УПК, которая предъявляет к процессуальным решениям (а приговор, бесспорно, является таковым) еще и требование мотивированности, можно говорить уже не о трех, но о четырех неперемennых свойствах приговора. Заметим при этом, что отсутствие среди процессуальных решений, которые должны быть законными, обоснованными и мотивированными, приговора, чем бы такое решение законодателя ни мотивировалось, никакой логике не поддается, особенно если учитывать, что ст. 7 УПК РФ определяет содержание принципа законности уголовного процесса.

Анализируя положения уголовно-процессуального закона, легко понять — и в теории на этот счет, кажется, есть определенный консенсус — что *мотивированность* приговора не есть его самостоятельное свойство, мотивированность является внешним проявлением обоснованности. В этом смысле требование мотивировать (любое) решение означает обосновать выводы, к которым пришел суд. Никакие мотивы принимаемого судом решения невозможны, если это решение не имеет опоры на закон и доказательства. Немотивированное решение всегда есть решение необоснованное.

*Справедливость* приговора рассматривается, как правило, через соответствие наказания тяжести содеянного и личности осужденного. Именно поэтому можно утверждать, что ч. 4 ст. 7 УПК, не включающая справедливость в содержание законности процессуальных решений, не имеет в виду приговор. Однако само наличие этого требования (соответствия) предполагает обязанность суда обосновать выбор вида и размера наказания, что позволяет рассматривать и справедливость приговора как одну из граней обоснованности той его части, которая касается наказания. А если учесть, что вид и размер наказания, а также обстоятельства, которые учитываются судом при его назначении, устанавливаются законом, то справедливость приговора, если понимать ее в этом, узком смысле слова, охватывается понятием законности.

3. Таким образом, возвращаясь к изначальной постановке проблемы, мы можем сосредоточиться на дихотомии законности и обоснованности. Осознавая формальную разность этих понятий, как таковых, в применении к уголовному процессу их разделить невозможно: требование обоснованности процессуального решения — это требование закона. В противном случае мы можем прийти к парадоксальному утверждению о законности приговора, не основанного на доказательствах. Не случайно и законодатель не смог развести эти понятия. В ч. 4 ст. 7 УПК РФ (вспомним, что это содержание принципа законности) обоснованность (как и мотивированность) уже включена в содержание законности, а согласно ч. 2 ст. 297 УПК законность, обоснованность и справедливость приговора состоит в соответствии его требованиям УК и УПК. РФ. Законность, таким образом, есть универсальное качество приговора, который должен быть принят в порядке, установленном законом, содержать убедительные выводы, опирающиеся на указанные в законе доказательства, полученные и проверенные в установленном законом порядке, квалификацию преступления, соответствующую

установленному и мере наказания, соответствующую законом же установленным критериям. Обоснованность, мотивированность и справедливость приговора есть хотя и важные, но лишь грани его законности. Законность приговора — понятие более емкое, чем законность другого процессуального решения, оно не исчерпывается соблюдением требований, относящихся к его содержанию, форме и процедуре принятия. Приговор может рассматриваться как законный лишь тогда, когда законна предшествующая его принятию процессуальная деятельность как самого суда, так и прокурора, органов предварительного расследования, а также когда правильно применены нормы уголовного права, касающиеся квалификации деяния и назначения наказания.

Учитывая сказанное, дихотомию свойств приговора можно видеть лишь в рассмотрении законности приговора: а) сквозь призму соответствия его требованиям как материального, так и процессуального права; или б) сквозь призму вопросов не только виновности, но и наказания. Частично подтверждение этому можно найти в нормах, устанавливающих основания отмены и изменения приговора: статья 389<sup>16</sup> и 389<sup>17</sup> перечисляют ситуации несоответствия приговора требованиям процессуального права, тогда как в ст. 389<sup>18</sup> указывается на неправильное применение материального уголовного права. Можно утверждать, что формулирование в законе оснований отмены и изменения приговора восполняет отсутствие легального определения законности приговора, конкретизирует содержание это понятия.

4. Понимание законности как универсального свойства приговора, имеющего сложное содержание, затрудняется невнятными формулировками, относящимися к одноименному принципу уголовного процесса.

Начнем с того, что части 1 и 2 ст. 7 УПК РФ указывают на недопустимость применения *органом дознания, следователем, прокурором и судом* при производстве по уголовному делу федеральных законов, противоречащих Уголовно-процессуальному кодексу. Установив такое несоответствие, суд должен руководствоваться указанным Кодексом. Приведенная формулировка столь же бессмысленна, сколь противоречива. Во-первых, не ясно, о каких федеральных законах идет речь, если уже в ст. 1 УПК РФ ясно сказано: порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации. Ни о каких иных фе-

деральных законах, которые могут регулировать порядок производства по уголовному делу, ни в ст. 1, ни в какой-либо иной статье, речи не идет. Стремление придать Уголовно-процессуальному кодексу высшую, по сравнению с неизвестными источниками, силу при таких обстоятельствах абсолютно бессмысленно. Одно из двух: либо УПК имеет более высокий статус, чем иные источники уголовно-процессуального права, либо УПК является, как и сказано в ст. 1, его единственным источником. Во избежание ошибочного восприятия нашей позиции, отметим, что нам известны основные теоретические подходы к этой проблеме. Речь не об этом. Речь исключительно о качестве самого закона, который должен быть ясным, понятным и однозначным, не вызывающим у правоприменителя никаких сомнений.

Отметим и бессмысленность отдельного выделения суда, как правоприменителя, который должен принять решение в соответствии с УПК. Такая формулировка рождает вопрос, а что должны применять при тех же мифических условиях прокурор, следователь, дознаватель etc? Разве не УПК? К чему повторять формулу, которая бессмысленна сама по себе?

Можно констатировать, что с учетом наличия в УПК РФ статьи 1, части 1 и 2 ст. 7 излишни, ничего нового не содержат. Мало того, все эти формулировки, включая ту, что содержится в ч.1 ст.1, к пониманию собственно законности отношения не имеют: применение действующего федерального закона в любом случае не может быть названо незаконным действием.

Идем далее. Часть 3 ст. 7 гласит, что нарушение норм УПК влечет за собой признание полученных таким путем доказательств недопустимыми. Данная норма повторена дважды в ст. 75 (ч. 1 и п. 3 ч. 2 )УПК — такое регулирование явно и неоправданно избыточно; она также, как и ч.1 ст. 75, носит декларативный характер, так как это общее правило, во-первых ограничено пп. 1 и 2 части 2, во-вторых, если иметь в виду любые нарушения норм УПК, неисполнимо.

Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие какой бы то ни было логики и системы в содержании ст. 7 УПК. Читая буквально название статьи и ее часть 4-ю, получаем: а) *принцип законности состоит в законности* определений и постановлений, б) законность приговора не является составной частью принципа законности; в) отношении процессуальных действий законность определена через последствия нарушения закона (недопустимость доказа-

тельств), последствия незаконности процессуальных решений не названы.

Все эти несуразности не прибавляют уважения к закону, следовательно, умаляют значение законности как принципа уголовного процесса и характеристики приговора.

5. Универсальность законности как свойства приговора приводит к выводу: любое основание отмены приговора, предусмотренное действующим УПК РФ, свидетельствует о его незаконности. Тем не менее, как известно, нарушения закона имеют различные последствия, следовательно, они могут быть разделены по этому основанию на те, которые могут быть исправлены судом второй инстанции и те, исправление которых невозможно без возвращения уголовного дела на предыдущие стадии. Например, при наличии существенных нарушений уголовно-процессуального закона, перечисленных в ч. 2 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ, приговор всегда подлежит отмене, а неправильное применение уголовного закона может быть исправлено и путем изменения приговора. Однако несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела в зависимости от конкретной ситуации может иметь разные последствия.

6. В свете изложенного нетрудно заметить различия в содержании законности приговора и законности иных процессуальных, (судебных) решений, к большей части которых не применимо требование соблюдения материального права и соразмерности наказания. Специфика промежуточных решений в нормах, регулирующих основания их отмены и изменения, никак не учтена. Основания отмены и изменения судебных решений писаны исключительно «под приговор», многие из них к ним неприменимы, в сочетании с ними выглядят, мягко говоря, странно. Достаточно просто взглянуть на перечень существенных нарушений уголовно-процессуального закона, содержащихся в ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ, которая при этом говорит об отмене именно судебного решения, так же, как и ст. 389<sup>15</sup>, в отличие от ст. 389<sup>16</sup>, в которой речь идет только о приговоре.

Необходимость отдельного правового регулирования оснований и порядка пересмотра промежуточных судебных решений очевидна.

## Основания отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке

### Grounds for canceling or changing a court decision when considering a criminal case in cassation

**Аннотация.** В статье анализируется система оснований отмены или изменения судебных решений в кассационном порядке. Высказываются аргументы в пользу того, что основанием для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке является такое нарушение уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшее на исход дела, которое нарушает справедливый баланс между интересами лица, затронутыми судебным решением, и необходимостью обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, подрывая доверие общества к судебной системе.

**Ключевые слова:** существенное нарушение закона, повлиявшее на исход дела.

**Abstract.** The article analyzes the system of grounds for canceling or changing court decisions in cassation procedure. Arguments are made in favor of the fact that the basis for canceling or changing the court decision on cassation is such a violation of the criminal law and (or) procedural criminal law, which affected the outcome of the case, which violates the fair balance between the interests of the person affected by the court decision and the need to ensure the effectiveness of criminal proceedings, undermining public confidence in the judicial system.

**Keywords:** considerable violation of the law that influenced the outcome of the case.

В российской уголовно-процессуальной научной литературе исследование содержания понятия «существенное нарушение закона» применительно к кассационному производству в последние годы приобрело особую актуальность и значимость.

---

<sup>157</sup> Евстигнеева Ольга Вячеславовна, судья Первого кассационного суда общей юрисдикции, доцент, кандидат юридических наук.

Olga V. Evstigneeva, judge of the First General Jurisdiction Court of Cassation, Associate Professor, Candidate of Legal Sciences.

Не последнюю роль в этом сыграл Европейский суд по правам человека, решения которого фактически послужили катализатором, запустившим реформу кассационного производства в России, имевшую своей целью придать этой стадии исключительный, неординарный характер. Считать эту реформу завершённой на сегодняшний день нельзя.

Кроме того, сама форма законодательного закрепления кассационных оснований отмены или изменения судебных решений вызывает достаточно много вопросов. Дело в том, что указав в качестве таких оснований существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, законодатель данную дефиницию не раскрыл, примерного перечня таких нарушений в законе не привел, не обозначил он также каких-либо критериев определения такой существенности, чем, по мнению А. Р. Белкина, открыл «достаточно широкий простор судебскому усмотрению»<sup>158</sup>.

Таким образом, после отказа от ранее использовавшегося в тексте закона термина «фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона», содержание которого также вызывало много вопросов и критиковалось в юридической литературе, научная дискуссия вокруг понятия кассационных оснований, в том числе в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции, не утихла, а возобновилась с новой силой.

Далее хотелось бы обратить внимание на то, что понятие существенного нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшего на исход дела, раскрывается законодателем в ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ применительно к апелляционному производству.

В ч. 1 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ дана следующая формулировка: «Основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных настоящим Кодексом прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения».

В связи с этим отдельные исследователи предлагают использовать данное определение применительно к кассационному произ-

---

<sup>158</sup> Белкин А.Р. О некоторых странностях кассационного и надзорного производства // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 29.

водству без какой-либо дополнительной адаптации, указывая на то, что его содержание является аналогичным<sup>159</sup>.

По нашему мнению, существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, - это самостоятельная уголовно-процессуальная категория, которая требует соответствующего законодательного определения. От апелляционных оснований, указанных в ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ, она отличается следующими чертами.

Если по отношению к апелляционному производству в УПК РФ речь идет о нарушениях, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения, то по отношению к производству в суде кассационной инстанции - о нарушениях, действительно и определенно повлиявших на исход дела.

Таким образом, применительно к кассационному производству законодатель сужает понятие существенных нарушений закона по сравнению с апелляционным производством, вкладывая в него более четкое и конкретное содержание, тем самым обязывая суд кассационной инстанции в каждом случае отмены или изменения судебного решения не просто предполагать возможные в будущем последствия допущенного нарушения закона, а определять степень и масштаб уже имеющихся последствий таких нарушений.

С другой стороны, в ч. 1 ст. 401<sup>15</sup> УПК РФ законодатель говорит о существенных нарушениях уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, в то время как в ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ речь идет только о нарушениях уголовно-процессуального закона, и в этом смысле понятие существенных нарушений закона в кассации шире, чем в апелляции. Тем самым, суду кассационной инстанции предписано оценивать по внутреннему убеждению существенность не только нарушений процессуального, но и материального закона.

Кроме того, законодатель в нормах о кассационном производстве говорит о влиянии выявленных нарушений закона на исход дела, в то время как в ч. 1 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ — об их влиянии на законность и обоснованность судебного решения.

Анализ положений ст. 401<sup>1</sup> УПК РФ приводит отдельных авторов к довольно категоричному выводу о том, что если предметом кассационного производства является исключительно законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в за-

<sup>159</sup> Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: Учебное пособие. М., 2015. С 253–264.

конную силу, то основаниями отмены или изменения судебного решения судом кассационной инстанции должны выступать такие нарушения закона, которые повлияли именно на законность судебного решения, а не просто на исход дела<sup>160</sup>, с чем, на наш взгляд, нельзя согласиться.

По нашему убеждению, при определении понятия существенного нарушения закона необходимо руководствоваться, в том числе, теми подходами, которые были сформулированы Европейским судом по правам человека.

В практике Европейского суда по правам человека право вышестоящих судов по отмене или изменению вступивших в силу судебных решений связано с установлением в максимально возможной степени справедливого равновесия между интересами лица и необходимостью обеспечения эффективности системы криминальной юстиции.

Европейский суд по правам человека во многих делах, обращаясь к понятию «существенные нарушения», подчеркивал, что простое утверждение о том, что разбирательство дела заявителя было «неполным и односторонним» или привело к «ошибочному» оправданию, не может само по себе, в отсутствие ошибки подсудности или серьезных нарушений процессуальных правил, злоупотребления полномочиями, явных ошибок в применении норм материального права или иных веских причин, вытекающих из интересов отправления правосудия, указывать на наличие существенного нарушения при предыдущем судебном разбирательстве<sup>161</sup>.

Формулируя свою позицию по делу «Ленской против Российской Федерации» (жалоба № 28730/03), Европейский суд согласился с выводами президиума областного суда о том, что нижестоящие суды пренебрегли важными независимыми доказательствами, такими как показания свидетелей, подтверждающие алиби ответчика, проявили избирательный и чрезвычайно непоследовательный подход к оценке косвенных доказательств, переоценили доказательную

<sup>160</sup> См.: Желонкин В.С. О содержании понятия существенного нарушения закона как основания отмены или изменения судебного решения в порядке кассационного производства // Вестник Омской юридической академии. 2017 . Т. 14. № 2. С. 101.

<sup>161</sup> См.: Постановление Европейского Суда от 24 мая 2007 г. по делу «Радчиков против Российской Федерации» (Radchikov v. Russia), жалоба № 65582/01, § 48 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 10. С. 119–132.

ценность показаний потерпевшей и ошибочно истолковали медицинские заключения<sup>162</sup>.

В другой ситуации Европейский Суд еще раз напомнил, что Конвенция в принципе допускает пересмотр вступившего в силу приговора для устранения государством ошибок уголовного судопроизводства, и приговор, игнорирующий ключевые доказательства, может являться такой ошибкой<sup>163</sup>.

Таким образом, в качестве достаточного основания для отмены или изменения вступившего в законную силу судебного решения Европейский Суд расценивает такие судебные ошибки, которые, оставаясь неисправленными, серьезно затронули бы справедливость, целостность и общественную репутацию судопроизводства при условии, что эти судебные ошибки не могли быть нейтрализованы или исправлены иными средствами, помимо отмены решений.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на выводы Европейского Суда о том, что соображения «правовой определенности» не должны препятствовать государству в устранении особенно вопиющих ошибок.

Полагаем, что ошибки в оценке доказательств, когда нижестоящие суды игнорируют ключевые доказательства по делу или основывают свои выводы на противоречивых доказательствах, а также когда в основу приговора кладут недопустимые доказательства, должны устраняться судом кассационной инстанции.

Так, в п. 10 постановления Пленума ВС РФ № 2 от 28.01.2014 г. «О применении норм главы 47<sup>1</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» было обоснованно указано, что если в кассационных жалобах, представлении содержится указание на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, обоснование приговора недопустимыми доказательствами), повлиявшие на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведшие к судебной ошибке, такие доводы не должны быть оставлены без проверки.

<sup>162</sup> См.: Постановление ЕСПЧ от 29 января 2009 г. по делу «Ленская (Lenska) против Российской Федерации», жалоба № 28730/03//Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2010. № 4. С. 36–42.

<sup>163</sup> См.: Постановление Европейского Суда от 12 июля 2007 г. по делу «Ведерникова против Российской Федерации» (Vedernikova v. Russia), жалоба № 25580/02, § 25 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2009. № 1.

В последующем, в п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 25.06.2019 г. № 19 Верховный Суд РФ свою позицию по данному вопросу изложил несколько иначе и отметил, что «доводы кассационной жалобы, представления на недопустимость доказательства, положенного в основу обвинительного приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, повлиявшего на выводы суда относительно фактических обстоятельств дела, требуют проверки».

Однако мы полагаем, что данное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ отнюдь не означает, что использование недопустимых доказательств является единственным существенным нарушением уголовно-процессуального закона, допущенным при исследовании или оценке доказательств, влекущим отмену судебного решения в кассационном порядке. Видимо, такое нарушение приведено лишь как пример, а в иных случаях судам следует руководствоваться ч. 1 ст. 401<sup>15</sup> УПК РФ и индивидуально исследовать влияние допущенного нарушения при оценке и исследовании доказательств на исход дела.

По нашему мнению, использование законодателем в качестве критерия определения существенности допущенного нарушения закона его «влияния на исход дела», как предельно широкого, с одной стороны, позволяет на практике исправить любую вопиющую судебную ошибку, в том числе связанную с нарушением требований УПК РФ при исследовании и оценке доказательств, в том числе повлиявших на правильное установление судом фактических обстоятельств дела. С другой стороны, понятие существенного нарушения закона следовало бы дополнить и иными критериями, которые позволят установить более четкие границы применяемого в таких случаях судьейского усмотрения.

Здесь также хотелось бы отметить, что далеко не все указанные в тексте ст. 401<sup>15</sup> УПК РФ основания отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке требуют их оценки с точки зрения существенности допущенных нижестоящими судами нарушений закона, да и не все они такими нарушениями закона в принципе являются.

С учетом вышеизложенного, мы приходим к следующим выводам:

1. Основанием для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке является такое нарушение уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшее на исход дела,

которое нарушает справедливый баланс между интересами лица, затронутыми судебным решением, и необходимостью обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, подрывая доверие общества к судебной системе.

2. Основания отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке объединены законодателем в систему. Причем, она включает в себя наряду с существенными нарушениями уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшими на исход дела, и иные основания, отличие которых состоит в том, что они не требуют применения судебного усмотрения и учета индивидуальных особенностей каждой конкретной ситуации, поскольку признаны законодателем безусловными основаниями для отмены судебных решений. К ним относятся:

— выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве;

— устранение обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, при наличии ходатайства осужденного или его защитника.

3. Система оснований, влекущих отмену судебных решений, также включает в себя основания, которые могут повлечь ухудшение положение осужденного, оправданного, к которым можно отнести не только указанные в ст. 401<sup>6</sup> УПК РФ, но и отдельные, предусмотренные ч. 3 ст. 401<sup>15</sup> УПК РФ основания, влекущие возвращение уголовного дела прокурору.

#### Список литературы:

1. *Безлепкин Б.Т.* Уголовный процесс в вопросах и ответах: Учебное пособие. М., 2015.

2. *Белкин А.Р.* О некоторых странностях кассационного и надзорного производства // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 25–29.

3. *Желонкин В.С.* О содержании понятия существенного нарушения закона как основания отмены или изменения судебного решения в порядке кассационного производства // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 2. С. 98–103.

#### Проверка законности судебных решений, принятых в особом порядке (раздел X УПК РФ)

#### Verification of the legality of court decisions adopted in a special order (section X of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы проверки судебных решений, принятых в особом порядке, особое внимание уделяется вопросам, которые определяют содержание проверки законности судебных решений.

**Ключевые слова:** апелляция, кассация, особый порядок, уголовный процесс.

**Abstract.** The article examines the issues of verification of court decisions adopted in a special order, special attention is paid to issues that determine the content of the verification of the legality of court decisions.

**Keywords:** appeal, cassation, special order, criminal procedure.

*Исходные положения.* Установленный УПК РФ особый порядок судебного разбирательства распространяется на два вида производства по уголовным делам: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ) и особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40<sup>1</sup> УПК РФ). При определенной специфике данных видов процессуальной деятельности их общим признаком и одновременно отличием от общего порядка согласно статье 316 УПК РФ является отсутствие исследования и оценки в судебном заседании доказательств, собранных по уголовному делу (судебного следствия), что находит соответствующее отражение в приговоре по уголовному делу.

<sup>164</sup> Ястребов Владислав Борисович, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Vladislav B. Yastrebov, Professor of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision, Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

Отличаясь по ряду параметров (характеру уголовных дел, содержанию принимаемых по ним решений, процессуальных форм и приемов) проверки законности судебных решений, принятых в особом порядке, как части целого, строятся по общим правилам и принципам осуществления правосудия с учетом определенных присущих данному порядку особенностей. При этом принципиальное значение, на наш взгляд, имеет обязательность учета общих процессуальных требований, надлежащее истолкование норм материального и процессуального права, точность понимания специфики особого порядка судебного разбирательства, его места в уголовном судопроизводстве, связей с целями и задачами (назначения) уголовного процесса.

Проверка контрольными инстанциями судебных решений, принятых в особом порядке, от принятых в общем порядке процессуально отличаются только одним, но существенным признаком — осуществляемая ими проверка формально, как известно, не предусматривает рассмотрение вопросов обоснованности приговоров и иных решений судов первой инстанции. Отсутствие судебного следствия в суде первой инстанции сокращает, но не исключает полностью сферу исследования доказательств, сохраняя проверку имеющихся данных о личности, смягчающих и отягчающих обстоятельств, а через них косвенно и части других элементов предмета доказывания.

В кассационном и надзорном порядке по аналогичным общему порядку правилам подлежит проверке только законности судебных решений, т.е. установление наличия либо отсутствия существенных нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального закона. Таким образом, специфика проверки судебных решений, принятых в особом порядке, заключается в формальном ограничении ее исследованием только вопросов права.

*Источники информации об особом порядке принятия судебных решений.* В настоящее время накоплено обширное количество имеющихся отношение к рассматриваемой теме материалов научных и практических исследований, монографий, сборников статей, учебной литературы, методических рекомендаций и пособий, диссертаций<sup>165</sup>.

Пленумом Верховным Судом РФ приняты постановления: от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка уголовного судопроизводства»), от 28.06.2012 № 16 «О практике применения су-

<sup>165</sup> См.: публикации А.И. Александрова, Н.В. Булановой, Л.В. Головки, К.Ф. Гуценко, Н.А. Духно, О.Н. Качаловой, П.А. Лупинской, Е.И. Поповой, А.А. Толкаченко, и др.

дами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», направленные на обеспечение единства практики по уголовным дела, рассмотренным в особом порядке. Вопросам участия прокуроров в рассмотрении дел в особом порядке отводится определенное место в приказах Генерального прокурора РФ. И, тем не менее, вопросы проверки законности и (в определенной части) обоснованности итоговых судебных решений, принятых в особом порядке, в опубликованных работах нередко рассматриваются в кратком виде, в основном касаются признаков, указывающих на имевшие место нарушения материального и процессуального законов и, следовательно, сохраняют в современных условиях вполне очевидную актуальность.

*Вопросы, определяющие содержание проверки законности судебных решений.* Основной (и можно сказать, главный) смысл судебного контроля рассматриваемой категории решений, как представляется, состоит в недопущении практикой применения особого порядка искажения смысла уголовно-правового закона и его процессуального обеспечения.

Во-первых, нельзя забывать, что особый порядок не может быть нормой. Однако, если верить статистике, а ей в данном случае можно и нужно верить, которая доводит до всеобщего сведения, что в особом порядке рассматривается судами от 60–70 % и более всех поступающих в суды с обвинительными заключениями уголовных дел, а по некоторым категориям еще выше, вспоминать о норме становится затруднительным<sup>166</sup>. Определенные изменения можно ожидать от изменений, внесенных Федеральным законом от 20.07.2020 № 224-ФЗ, согласно которым к рассматриваемым деяниям относятся преступления «небольшой и средней тяжести». Однако традиция уже сложилась, избавиться от ее влияния не так просто. Уместно в этой связи вспомнить, что предусмотренный ст. 314 УПК РФ, упрощенный порядок проведения судебного заседания, являясь далеко не лучшим заимствованием норм зарубежного уголовно-процессуального права, в свое время получил неоднозначную оценку специалистов, вызвав острые дискуссии и его неприятие частью российских правоведов. Впрочем, на фоне большого числа откровенно несовершенно содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г. правовых установок, он мог бы до-

<sup>166</sup> К этому можно добавить данные Судебного департамента Верховного Суда РФ, согласно которым в 2018 г. всего было рассмотрено судами 820 115 уголовных дел, из них о преступлениях небольшой и средней тяжести 661 632 дела, из которых по 477 727 делам судебные решения приняты в особом порядке.

вольно быстро в дальнейшем затеряться. Однако, как известно, уже в 2003 г. в ст. 314 УПК РФ была внесена поправка, радикально изменившая категории дел, для которых допускался особый порядок судебного разбирательства, а в ходе последующей эволюции института в 2009 г. он был дополнен особым порядком принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Ныне ст. 314 УПК РФ предлагает, как сказано выше, более приемлемую формулировку категорий преступлений, в отношении которых действует особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Однако особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве отнюдь не исключает свою связь с принятием судебных решений по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Закон терминологически определяет основания (фактически условия) применения только особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Применительно к особому порядку принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в законе содержится характеристика уже только перечня условий, допускающих его применение. Как представляется, и категории преступлений, и основания применения обоих видов особого порядка для понимания их необходимости и обеспечения законности производства крайне желательно было бы указать в уголовно-процессуальном законе.

Достижение преследуемых особым порядком целей реальной процессуальной экономии и соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, эффект снижения нагрузки на судей за счет получения дополнительного резерва времени и сил, высвобождения интеллектуальной энергии судей путем отказа от проведения судебного следствия проблематично ожидать применительно к многоэпизодным, совершенным преступными группами, сообществами преступлений, сопровождаемых многотомными уголовными делами, т. е. той частью деятельности судей, где учитывая ее социально-правовую ценность, какой-либо вид экономии если не противопоказан, то в высшей степени нежелателен. Поскольку доля таких дел, как правило, невысока, то основной выигрыш во времени и сил может быть получен за счет так называемых рядовых дел, но и эта категория дел должна быть сведена к оптимальному минимуму, т. е. целесообразно, как представляется, быть ограниченной только делами о малозначительных преступлениях. Иного взгляда заслуживает практика заключения досудебных соглашений со следствием, которая считается допустимой в отношении

преступлений, раскрытие и расследование которых отличается повышенной сложностью. Здесь единственно правильным уместно считать противопоставление «изобретательности» действий правонарушителей, профессионального уровня мастерства следователей. Сделки следствия с обвиняемыми всегда негативно воспринимались юристами-профессионалами, поскольку с ними нередко были связаны невосполнимые потери в результате судебных ошибок, не исключая осуждения невиновных.

Как показывает практика, законность приговоров, постановленных в соответствии со ст. 316 УПК РФ, во многом зависит от законодательного решения проблемы обеспечения баланса интересов всех участников досудебного и судебного производства по рассматриваемым в особом порядке уголовным делам. Данная проблема отличается повышенной сложностью и заслуживает отдельного самостоятельного рассмотрения. В настоящем выступлении представляется возможным ограничиться фрагментарным освещением соотношения процессуальных средств защиты и обвинения. Что касается полномочий и правового потенциала защиты, то здесь вывод об их достаточности может быть вполне определенным. Другое дело — государственный обвинитель — прокурор, которому в не меньшей степени, чем судье, необходимо досконально знать материалы предварительного следствия, но он существенно ограничен в наличии надлежащей информационной базы. В отличие от адвоката, который участвует в деле с момента привлечения лица в качестве обвиняемого или даже подозреваемого, прокурор Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в УПК Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», известным неожиданной передачей полномочий прокурора в досудебных стадиях руководителю следственного органа, был вообще лишен права доступа к главному источнику информации — материалам уголовного дела. Лишь спустя год Федеральным законом от 02.12.2008 № 226-ФЗ была сделана попытка исправления сложившегося положения, но как? Прокурору, осуществляющему надзор за предварительным следствием, по мотивированному письменному запросу предоставлялась возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела. Правда, у прокурора все-таки имеется возможность «ознакомиться» с материалами уголовного дела без запроса и полностью при поступлении к нему направленного с обвинительным заключением (постановлением) уголовного дела. В данной ситуации прокурор — а это руководитель органа прокуратуры не всегда выступает в качестве государственного

обвинителя по данному делу. Кроме того, и назначенный государственным обвинителем прокурор фактически оказывается в условиях дефицита времени, негативно влияющего на решение задач обнаружения и устранения нарушения закона, но главное — в такой ситуации сложно достигнуть важную для обеспечения особого порядка глубину изучения обстоятельств совершенного преступления, как это можно было бы сделать, если бы потенциальный государственный обвинитель заблаговременно *вникал в его суть*<sup>167</sup>.

Для обеспечения эффективности проверки законности судебных решений несомненное значение имеет учет профессионально-этического аспекта особого порядка судебного разбирательства уголовных дел. Природа и характер предварительного следствия и разрешения уголовных дел предъявляют повышенные требования к профессиональной деятельности следователей, судей, прокурора. Для них на первом плане стоит защита публичного интереса, от чего, кстати, в непосредственной зависимости по большому счету находится и эффективность защиты частного интереса. Следует учитывать сложность проведения различий между публичными и частными интересами, известную условность грани между ними. Если введение особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением еще можно, хотя и не для всех, как-то объяснить, теоретически и практически обосновать, то понятие соглашения, пусть даже досудебного, между следствием и обвиняемым, ассоциируемое в обыденном обиходе с не вписывающимся в представления о правоохранительной практике понятием сделки, явно претит профессиональному мировоззрению следователя и также, несомненно, правосознанию судьи. Кроме того, «договорные» отношения могут даже стимулировать снижение требовательности к качеству работы участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Подлинными юристами — профессионалами, как известно, умели обеспечивать результативность своей работы без использования подобных методов. Имеющиеся сейчас мощнейшие современные информационные технологии, реализация национального проекта «Цифровая экономика», с которым связано расширение и сферы правовых информационных систем сулят радикальное сокращение ныне внушительных по размерам трат времени и сил на вспомогательные операции в производстве по уголовным делам.

<sup>167</sup> Подробнее об этом см.: *Ястребов В.Б.* Взаимосвязь полномочий прокурора, следователя, руководителя следственного органа // Уголовное право и процесс. 2012. № 5. С. 77–82.

Проверка законности принятых в особом порядке судебных решений могут осуществляться в ординарном и расширенном вариантах. В ординарном порядке в основном происходит оценка соблюдения органами предварительного расследования оснований (условий), при которых особый порядок судебного разбирательства законодательно считается допустимым. Отечественными правоведами предлагаются различные классификации исходя множества используемых критериев. Наиболее теоретически соответствующей закону и надежной в практическом отношении представляется система, включающая пять условий: совершение преступления небольшой и средней тяжести; согласие государственного и частного (по делам частного обвинения) обвинителя и потерпевшего; консультации обвиняемого с защитником о правовом значении заявления ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке, присутствие защитника во время заявления ходатайства; добровольность заявления ходатайства и соответствующее согласие с предъявленным обвинением; осознание обвиняемым сущности и последствий заявленного ходатайства<sup>168</sup>. Расширенный вариант проверки подразумевает при оценке законности судебного решения использование существенных для формирования внутреннего убеждения судьи и государственного обвинителя доказательств на основе результатов ознакомления с материалами уголовного дела, и непосредственно в судебном заседании — данных, характеризующих личность осужденного, об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание. Кроме того, в ходе производства в кассационной и надзорной инстанциях, при разрешении органами прокуратуры соответствующих жалоб граждан и организаций обращается внимание на наличие возникших препятствий для применения особого порядка принятия судебного решения и появление оснований для рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

#### Список литературы:

1. Курс уголовного процесса / Под ред. проф. Л.В. Головки. М., 2016.
2. *Ястребов В.Б.* Взаимосвязь полномочий прокурора, следователя, руководителя следственного органа // Уголовное право и процесс. 2012. № 5.

<sup>168</sup> См.: Курс уголовного процесса / Под ред. проф. Л.В. Головки. М., 2016. С. 1036–1037.

## Законодательная регламентация оснований для отмены или изменения судебных решений в проверочных стадиях уголовного судопроизводства

### Legislative regulation of the grounds for canceling or changing court decisions in the verification stages of criminal proceedings

**Аннотация.** Статья посвящена правовой регламентации оснований для отмены или изменения судебных решений в стадиях пересмотра судебных решений, а также анализу законодательных положений, которые раскрывают сущность апелляционных и кассационных оснований. Автор статьи делает вывод о несовершенстве норм уголовно-процессуального закона в этой сфере, и предлагает системно и комплексно подойти к рассмотрению вопросов судостройства и судопроизводства при проверке судебных решений в апелляции и кассации, также при производстве в надзорной инстанции.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, проверка судебных решений, апелляционное производство, кассационное производство, надзорное производство, основания для отмены или изменения приговоров.

**Abstract.** The article is devoted to the legal regulation of the grounds for canceling or changing court decisions at the stages of revising court decisions, as well as the analysis of legislative provisions that reveal the essence of the grounds of appeal and cassation. The author of the article concludes that the norms of the criminal procedural law in this area are imperfect, and proposes a systematic and comprehensive approach to the consideration of the issues of the judiciary and legal proceedings when checking court decisions in appeal and cassation, also in proceedings in a supervisory instance.

**Keywords:** criminal proceedings, verification of court decisions, appeal proceedings, cassation proceedings, supervisory proceedings, grounds for canceling or changing sentences.

<sup>169</sup> Лантух Наталия Викторовна, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Natalia V. Lantukh, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Российское уголовное судопроизводство последних лет стремится к дифференциации на различных, в том числе и проверочных, его стадиях. Вопрос об универсальных и эффективных моделях пересмотра судебных решений не раз подвергался критическому осмыслению процессуалистами, учеными и практикующими судьями предлагались различные варианты его решения, обсуждались подходы к решению проблем, как с точки зрения судостройства, так и преобразования судопроизводства в вышестоящих судах<sup>170</sup>.

Надо сказать, что историческое развитие институтов пересмотра судебных решений в российском уголовном процессе привело, в конечном счете, к созданию определенных «гибридных» моделей проверки судебных решений в обычных и исключительных стадиях уголовного процесса. В настоящее время законодатель не только распространил апелляционное производство на неокончательные решения всех судов, рассматривающих уголовные дела по первой инстанции, но и перевел в позицию экстраординарного способа обжалования и пересмотра кассационное производство<sup>171</sup>. Кроме того, несмотря на то, что производство в надзорной инстанции было обозначено в Концепции Судебной реформы в РФ как подлежащее ликвидации, оно не только осталось, но и получило свое дальнейшее развитие и сейчас представляет собой высшую судебную инстанцию, пересматривающую судебные решения в «интересах закона» и обеспечивающую единообразие правоприменения всеми судами на территории нашей страны.

Применительно к механизму обеспечения законности судебных решений и эффективности проверочных производств следует обратиться к законодательной регламентации оснований для отмены или изменения приговоров. При этом надо учитывать системный характер этих правовых явлений и необходимость комплексного подхода в их изучении.

Основаниями к отмене или изменению приговора в апелляционном порядке являются: 1) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного де-

<sup>170</sup> Кудрявцева А.В. Создание апелляционных и кассационных судов повысит авторитет судебной власти // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 49–50.

<sup>171</sup> Смирнов А.В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: апелляция. // СПС «КонсультантПлюс» – <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=58671#04355053821032093> (дата обращения 29.09.2020).

ла, установленным судом первой инстанции; 2) существенное нарушение уголовно-процессуального закона; 3) неправильное применение уголовного закона; 4) несправедливость приговора; 5) выявление обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1<sup>2</sup> ст. 237 УПК РФ и требующих возвращению уголовного дела прокурору; 6) выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Основания отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела одинаковы. Как в кассационном, так и надзорном порядке ими являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, либо выявленные данные, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела (необоснованность приговора) в качестве апелляционного основания предусматривает нарушения, допущенные судом первой инстанций. Уголовно-процессуальный закон не дает определения данного основания, а лишь перечисляет его разновидности. Однако в одних случаях, например, противоречия в выводах о времени совершения преступления могут иметь существенное значение, а в другом случае они второстепенны и не могут повлиять на решение вопросов уголовного дела<sup>172</sup>.

Поэтому целесообразно указать в ч. 2 ст. 389<sup>16</sup> УПК, что перечисленные в ней обстоятельства должны признаваться существенными и влечь отмену или изменение приговора только тогда, когда такое несоответствие повлияло или могло повлиять на решение вопроса о виновности (невиновности) подсудимого, на правильность применения уголовного закона или на определение меры наказания.

На установление данного апелляционного основания влияние оказывают пределы полномочий вышестоящего суда. Так, согласно ч. 7 ст. 389<sup>13</sup> УПК суд апелляционной инстанции, оценивая исследованные им в судебном заседании доказательства, вправе признать доказанными те фактические обстоятельства дела, которые не были установлены судом первой инстанции. В соответствии с ч. 4 ст.

<sup>172</sup> Качалова О.В. Развитие российского апелляционного производства по уголовным делам в свете решений Европейского Суда по правам человека // Рос. правосудие. М., 2014. № 3 (95). С. 92.

389<sup>19</sup> УПК апелляционная инстанция в случае отмены приговора не вправе устанавливать или считать доказанными факты, которые не были установлены приговором суда или отвергнуты им, не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности доказательств и преимуществах одних доказательств перед другими. Поэтому апелляционный суд, отменяя приговор по указанному основанию, не может говорить о неправильности или правильности выводов суда первой инстанции, а вправе только констатировать свои сомнения в обоснованности этих выводов.

Кроме того, представляется, что следовало бы предусмотреть в законе правило, ограничивающее права апелляционной инстанции пределами требований, заявленных в жалобе («сколько жалобы — столько разбирательства») в противовес существующему ревизионному началу.

Неправильное применение уголовного закона (первый вариант незаконности приговора) является классическим апелляционным и кассационным основанием. Известно, что наибольшее число приговоров вышестоящие суды изменяют именно в связи с неправильным применением судами первой инстанции материального закона.

Применение норм уголовного права осуществляется в уголовно-процессуальной форме и состоит в государственно-властной деятельности органов, ведущих производство по делу. Содержание данной деятельности составляет констатация в правовом акте наличия или отсутствия преступления, правовых последствий установления преступления для конкретного случая.

Неправильное применение уголовного закона определяют как применение уголовного закона вопреки требованиям материального уголовного права, допущенное первой инстанцией при постановлении приговора и влекущее его отмену или изменение.

«Неправильным применением уголовного закона является:

1) неправильное применение статей Общей части Уголовного кодекса;

2) неправильное применение статей Особенной части Уголовного кодекса».

Неправильное применение уголовного закона может быть следствием нарушений судом требований материального права, возникновения после постановления приговора нового обстоятельства уголовно-правового характера (например, вступление в силу закона, устраняющего наказуемость деяния или смягчающего нака-

знание). Наиболее типичным нарушением этого рода является неправильная квалификация преступления.

При определении места данного основания в системе апелляционных и кассационных оснований наибольшую сложность представляет, как свидетельствуют процессуалисты, разграничение неправильного применения уголовного закона и несправедливости приговора. Неправильное применение уголовного закона (ч. 1 ст. 389<sup>18</sup> УПК РФ) выступает правовым основанием к отмене либо изменению приговора при несоблюдении не связанных с учетом обстоятельств дела формализованных, абсолютно-определенных правил назначения наказания. Ч. 2 ст. 389<sup>18</sup> УПК РФ является правовым основанием к отмене либо изменению приговора при несоблюдении связанных с учетом обстоятельств дела неформализованных, относительно-определенных правил<sup>173</sup>.

Существенное нарушение уголовно-процессуального закона (второй вариант незаконности приговора) выступают такие нарушения процессуальных норм, которые лишая или стесняя гарантированные законом права сторон или иным путем, помешали суду всесторонне, полно и всесторонне осуществить разбирательство уголовного дела и повлияли или могли повлиять на постановление незаконного и необоснованного приговора (ч. 1 ст. 389<sup>17</sup> УПК).

В ч. 2 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ выделяет те существенные нарушения форм судопроизводства, которые относятся к так называемым безусловным апелляционным и кассационным основаниям. Заслуживает внимания неоднократно поднимавшийся вопрос о том, является ли перечень безусловных кассационных оснований исчерпывающим. Правоприменительная практика идет по пути расширения списка таких оснований, создавая прецеденты в уголовно-процессуальном праве. Тем не менее, оно должно идти не столько путем расширения перечня этих случаев, сколько приданием этому перечню более универсального характера. Закрытый перечень таких оснований можно было бы предусмотреть при производстве по надзорным жалобам и представлениям.

Несправедливость приговора (ч. 2 ст. 389<sup>18</sup> УПК РФ) является апелляционным основанием, но не рассматривается в качестве самостоятельного основания в кассационном и надзорном производствах, где это положение поглощается более широким по значению основанием. Несоответствие назначенного судом наказания тяже-

сти преступления и личности осужденного возникает тогда, когда оно хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующим уголовным законом, но по своему размеру явно несправедливо как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

Спорным является наличие в системе оснований для отмены или изменения судебных решений в трех производствах такого основания как выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Уголовно-процессуальный закон допускает оценочные формулировки содержания отдельных оснований. Так, в ст. 401<sup>6</sup> УПК РФ указано, что пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается..., если в ходе судебного разбирательства были допущены *повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия*.

Потребовались разъяснения Верховного Суда РФ, который в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47<sup>1</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» к числу нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, могут быть отнесены, в частности, нарушения, указанные в п.п. 2, 8, 10, 11 ч. 2 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ (вынесение судом решения незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей; нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или тайны совещания судей при постановлении приговора; отсутствие подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, на соответствующем судебном решении; отсутствие протокола судебного заседания, в ст. 389<sup>25</sup> УПК РФ (отмена оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей), а также иные нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом прав на справедливое судебное разбирательство на основе принципа со-

<sup>173</sup> Воскобитова Л.А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12 (37). С. 1620.

ствязательности и равноправия сторон либо существенно ограничи-ли эти права, если такое лишение либо такие ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда.

В этой связи следовало бы отметить, что, по нашему мнению, следовало бы рассмотреть возможность установления в уголовно-процессуальном законе более широкого основания в виде несправедливости процедуры уголовного судопроизводства, включающей в себя не только справедливость состоявшегося решения нижестоящего суда, но и необеспечение равенства (процессуальных возможностей) сторон, проведения отдельных процедур судопроизводства, как их трактует ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека. При этом законодательная формулировка должна быть точной и ясно отражающей случаи несоблюдения принципиальных положений уголовно-процессуального права, как они закреплены в международно-правовом акте.

#### Список литературы:

1. *Воскобитова Л.А.* Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12 (37). С. 1619–1624.
2. *Качалова О.В.* Развитие российского апелляционного производства по уголовным делам в свете решений Европейского Суда по правам человека // Рос. правосудие. 2014. № 3 (95). С. 90–95.
3. *Ковтун Н.Н.* Апелляционное, кассационное и надзорное производство в российском уголовном процессе: ожидания практики // Уголовный процесс. 2012. № 11. С. 26–33.
4. *Кудрявцева А.В.* Создание апелляционных и кассационных судов повысит авторитет судебной власти // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 47–53.
5. *Смирнов А.В.* Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: апелляция // СПС «КонсультантПлюс» – <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=58671#04386233751060691> (дата обращения: 29.09.2020).

Спиридонов М.С.  
Spiridonov M.S.<sup>174</sup>

#### Разграничение предмета проверки судебных решений по уголовным делам в порядке сплошной и выборочной кассации

#### Delineation of the subject of verification of judicial decisions in criminal cases in the order of continuous and selective cassation

**Аннотация.** Автором рассматривается вопрос о содержании предмета кассационного производства по уголовным делам. Обращается внимание на то, что разделение кассации на сплошную и выборочную не повлекло разграничения между ними предмета кассационного судебного разбирательства. Анализируется отечественное законодательство в сфере гражданского, административного и арбитражного процесса, в котором содержание предмета сплошной и выборочной кассации не совпадает. Высказывается мнение, что предмет сплошной кассации должна составлять проверка всех требований, предъявляемых законом к судебным решениям, а предмет выборочной кассации в отношении итоговых судебных решений должна составлять только проверка требования их законности.

**Ключевые слова:** кассационное производство, кассационное обжалование приговора, сплошная кассация, выборочная кассация, предмет кассационной проверки.

**Abstract.** The author considers the issue of the content of the subject of cassation proceedings in criminal cases. Attention is drawn to the fact that the division of cassation into total and selective did not lead to the differentiation between them of the subject of cassation proceedings. The article analyzes domestic legislation in the field of civil, administrative and arbitration proceedings, in which the content of the subject of continuous and selective cassation does not coincide. It has been suggested that the subject of total cassation shall be verification of all requirements by the law to judicial decisions, and subject of selective cassation against final court decisions should be only checking the requirements of legality.

**Keywords:** cassation proceedings, cassation appeal of the sentence, total cassation, selective cassation, the subject of cassation proceedings.

<sup>174</sup> Спиридонов Михаил Сергеевич, судья Ставропольского краевого суда.  
Mikhail S. Spiridonov, judge of the Stavropol Regional Court.

Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ не изменил норму о предмете кассационного разбирательства (ст. 401<sup>1</sup> УПК РФ) и нормы о кассационных основаниях (ст.ст. 401<sup>6</sup>, 401<sup>15</sup> УПК РФ). То есть сохранилось нормативное «узкое» определение предмета кассации, которое находится в явном противоречии с положениями ст. 297 УПК РФ, по смыслу которой, как указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, приговор суда признается законным, обоснованным и справедливым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона<sup>175</sup>.

При нарушении требования законности вступивший в законную силу приговор будет отменен или изменен по основанию существенных нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела (ч. 1 ст. 401<sup>15</sup> УПК РФ). Само понятие законности судебного решения в нормах главы 47<sup>1</sup> УПК РФ отсутствует. Однако, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, в этом нет правовой неопределенности, поскольку данное понятие сформулировано правоприменительной практикой, ориентируемой разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации<sup>176</sup>.

Одновременно с указанными выше законодательными изменениями, внесенными в гл. 47<sup>1</sup> УПК РФ, в 2019 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации изменил и правоприменительное определение предмета кассации, указав, что под законностью судебных решений как предметом судебного разбирательства в кассационном порядке следует понимать их соответствие требованиям уголовного и уголовно-процессуального законов с учетом оснований, влекущих отмену или изменение судебного решения в кассационном порядке<sup>177</sup>. Как видно, теперь проверку законности приговора Пленум прямо связывает с кассационными основаниями, которые, как указывалось выше, не позволяют отменить или изменить приговор по основанию несоответствия выводов суда фактическим

<sup>175</sup> Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1, январь, 2017.

<sup>176</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 1599-О // СПС Консультант Плюс.

<sup>177</sup> Пункт 16 указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 25.06.2019 г.

обстоятельствам дела, а также требуют, чтобы допущенные нарушения закона являлись существенными и повлияли на исход дела. Кроме того, в абзаце 2 пункта 16 Пленума сохранилась позиция о необходимости проверки доводов жалобы (представления) на недопустимость доказательства, положенного в основу обвинительного приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, повлиявшего на выводы суда относительно фактических обстоятельств дела<sup>178</sup>. В абзаце 3 пункта 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 25 июня 2019 г. фактически сохранено и прежнее разъяснение о необходимости проверки доводов жалобы (представления) на несправедливость приговора в части назначенного наказания.

Одной из главных особенностей нормативного регулирования современного кассационного производства является то, что разделение кассации на сплошную и выборочную, как это ни странно, не повлекло разграничения между ними предмета кассационного судебного разбирательства. Пленум также обошел этот вопрос стороной.

Рассматривая содержание предмета сплошной кассации и выборочной кассации первого уровня (в отношении промежуточных судебных решений), необходимо определить, имеются ли существенные отличия в требованиях, предъявляемых к итоговым и промежуточным судебным решениям.

В апелляционном производстве предмет проверки в отношении приговора и иного судебного решения разграничен следующим образом (ст. 389<sup>9</sup> УПК РФ): в отношении приговора проверяется его законность, обоснованность и справедливость, а в отношении иного судебного решения проверяется его законность и обоснованность. Поддерживая данное разграничение, К. В. Ивасенко указывает, что «приговор, будучи важнейшим актом правосудия, отвечающим на главный вопрос уголовного судопроизводства о виновности подсудимого, может являться предметом специального регулирования»<sup>179</sup>.

В отношении существовавшей до 1 октября 2019 г. процедуры кассационного обжалования Т.Г. Бородинова обращала внимание на отсутствие в ст. 401<sup>1</sup> УПК РФ разграничения обжалования итоговых

<sup>178</sup> Конституционный Суд Российской Федерации уже подтвердил правомерность такого толкования закона в Определении от 24.10.2019 № 2701-О.

<sup>179</sup> *Ивасенко К.В.* Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 74.

и промежуточных судебных решений, а также предлагала предмет кассационного судебного разбирательства в отношении приговора нормативно разграничить с иными итоговыми судебными решениями: по ее мнению, в отношении приговора в кассации должна проверяться его законность, обоснованность и справедливость, а в отношении иных итоговых судебных решений – только их законность<sup>180</sup>.

Однако, изложенные в ч. 4 ст. 7 УПК РФ общие требования ко всем судебным решениям быть законными, обоснованными и мотивированными не предусматривают никаких изъятий для итоговых или промежуточных судебных решений. Кроме того, в ст. 297 УПК РФ отдельно изложены требования законности, обоснованности и справедливости приговора.

Примеры из судебной практики показывают, что в предмет кассации по промежуточным судебным решениям входит не только проверка требования их законности, но и проверка требования обоснованности<sup>181</sup>. Кроме того, как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, судебные постановления, вынесенные в порядке гл. 47 УПК РФ по вопросам замены, назначения или смягчения наказания, освобождения от отбывания наказания, должны быть не только законными, обоснованными и мотивированными, но и отвечать требованию справедливости<sup>182</sup>.

Таким образом, формально-юридический подход показывает, что требования законности, обоснованности, мотивированности и справедливости судебного решения не могут быть рассмотрены в отрыве друг от друга, их проверка всегда должна проходить одновременно, комплексно.

Поскольку сплошная кассация и выборочная кассация первого уровня (в отношении промежуточных судебных решений) в первую очередь решают задачу по выявлению и устранению фундаментальных нарушений закона, допущенных на предыдущих стадиях процесса, то содержание их предмета составляет проверка судебного

<sup>180</sup> *Бородинова Т.Г.* Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 263–264.

<sup>181</sup> Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.04.2020 № 77-310/2020 // СПС Консультант Плюс; Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2020 по делу № 77-110/2020.

<sup>182</sup> Пункт 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Рос. газета. № 296. 30.12.2011.

го решения на соответствие всем предъявляемым к нему законом требованиям, а именно: законности, обоснованности, мотивированности и справедливости.

Что касается сплошной кассации и выборочной кассации второго уровня (в отношении итоговых судебных решений, «прошедших» сплошную кассацию), которые имеют единый объект обжалования, то здесь возникает вопрос: должно ли совпадать содержание их предмета? По нашему мнению, оно совпадать не может по следующим причинам.

В первую очередь, сплошная и выборочная кассация второго уровня имеют разное соотношение задач по выявлению и устранению фундаментальных нарушений закона и по обеспечению стабильности судебного решения. Выделение из кассационного производства такой самостоятельной проверочной стадии как сплошная кассация продиктовано смещением баланса между задачей по обеспечению стабильности итоговых судебных решений и задачей по выявлению и исправлению допущенных по уголовному делу фундаментальных нарушений закона в сторону последней.

Таким образом, наличие у Верховного Суда Российской Федерации полномочий по выборочной кассации второго уровня (в отношении итоговых судебных решений, «прошедших» через сплошную кассацию в кассационных судах общей юрисдикции), следует расценивать как еще один резервный механизм проверки законности судебных решений, который большей частью направлен на проверку законности судебных решений, вынесенных в порядке сплошной кассации.

В других отраслях процессуального законодательства (арбитражном, гражданском, административном) содержание предмета сплошной и выборочной кассации второго уровня не совпадает, что выражается в наличии различных кассационных оснований для сплошной и выборочной кассации.

Так, в арбитражном процессе основаниями для изменения (отмены) судебного акта при сплошной кассации являются несоответствие выводов суда, содержащихся в решении, постановлении, фактическим обстоятельствам дела, установленным арбитражным судом первой и апелляционной инстанций, и имеющимся в деле доказательствам, нарушение либо неправильное применение норм материального права или норм процессуального права (ч. 1 ст. 288 АПК РФ). При этом основаниями для отмены (изменения) судебных актов в порядке выборочной кассации второго уровня являются

ся существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод, законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также защита охраняемых законом публичных интересов (ч. 1 ст. 291<sup>11</sup> АПК РФ).

Аналогичные различия можно увидеть в нормах ст. 379<sup>7</sup> ГПК РФ, которая предусматривает такие основания для отмены (изменения) судебных постановлений кассационным судом общей юрисдикции как несоответствие выводов суда, содержащихся в обжалуемом судебном постановлении, фактическим обстоятельствам дела, установленным судами первой и апелляционной инстанций, нарушение либо неправильное применение норм материального права или норм процессуального права, и в нормах ст. 390<sup>14</sup> ГПК РФ, согласно которой основаниями для отмены или изменения судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Различные кассационные основания для сплошной и выборочной кассации есть и в административном процессе. Так, согласно ч. 2 ст. 328 КАС РФ основаниями для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке кассационным судом общей юрисдикции являются несоответствие выводов, изложенных в обжалованном судебном акте, обстоятельствам административного дела, неправильное применение норм материального права, нарушение или неправильное применение норм процессуального права, если оно привело или могло привести к принятию неправильного судебного акта. Основаниями для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли или могут повлиять на исход административного дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов (ч. 1 ст. 328 КАС РФ).

Изложенные выше нормы арбитражного, гражданского и административного процессуального законодательства указывают на

то, что предмет сплошной кассации шире предмета выборочной кассации второго уровня. Такой подход можно встретить и в юридической литературе, касающейся указанных отраслей права<sup>183</sup>.

По нашему мнению, специфика процедуры обжалования в порядке сплошной кассации в уголовном процессе, связанная с отсутствием предварительного этапа проверки обоснованности жалобы (представления), а также с тем, что объектом проверки могут быть только итоговые судебные решения, в том числе те, которые ранее не были обжалованы в апелляционном порядке, позволяет говорить о том, что для данного проверочного производства задача по выявлению и устранению фундаментальных нарушений закона, допущенных на предыдущих стадиях производства по делу, имеет преимущественное значение по отношению к задаче по обеспечению стабильности судебного решения. В пользу этого говорят и готовящиеся изменения закона, связанные с введением срока на обжалование посредством сплошной кассации. Это непосредственно влияет на предмет сплошной кассации и расширяет его за счет проверки требования обоснованности судебного решения и справедливости назначенного наказания.

Выборочная кассация второго уровня осуществляется только после пересмотра в сплошной кассации и только высшим судебным органом страны, при этом предусмотрен предварительный этап проверки обоснованности жалобы (представления). То есть она носит резервный, вторичный характер по отношению к сплошной кассации. Поэтому для данного проверочного производства преимущественное значение имеет задача по обеспечению стабильности итогового судебного решения и дополнительной задачей является выявление и устранение фундаментальных нарушений закона, допущенных при сплошной кассации. Следовательно, логично ограничить ее предмет только проверкой требования законности решения суда в порядке сплошной кассации.

<sup>183</sup> См. напр.: Смагина Е.С. Завершена ли «процессуальная революция»? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 113–123; Ковтков Д.И. Кассационное производство в гражданском процессе Российской Федерации и некоторых зарубежных стран. М., 2018 // Доступ из СПС Консультант Плюс; Борисевич Г.Я. Предмет рассмотрения дел судом кассационной инстанции в процессуальном праве Российской Федерации // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16 - 17 октября 2015 г.): избранные материалы. М.: Статут, 2016 – Доступ из СПС Консультант Плюс; Канцер Ю.А., Колосов П.П. О процессуальных вопросах пределов рассмотрения дела в арбитражном суде кассационной инстанции // Вестник арбитражной практики. 2019. № 2. С. 56–64.

С учетом изложенного предлагаем изложить ст. 401<sup>1</sup> УПК РФ в следующей редакции:

«1. Суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобе, представлению законность, обоснованность, мотивированность и справедливость судебных решений, вступивших в законную силу.

2. Суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобе, представлению законность решения суда нижестоящей кассационной инстанции».

#### Список литературы:

1. Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / Под общ. ред. В. В. Ершова. М., 2013. 352 с.

2. *Бородинова Т.Г.* Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 455 с.

3. *Борисевич Г.Я.* Предмет рассмотрения дел судом кассационной инстанции в процессуальном праве Российской Федерации // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16 - 17 октября 2015 г.): избранные материалы. М., 2016 – Доступ из СПС Консультант Плюс.

4. *Канцер Ю.А., Колосов П.П.* О процессуальных вопросах пределов рассмотрения дела в арбитражном суде кассационной инстанции // Вестник арбитражной практики. 2019. № 2. С. 56–64.

5. *Ковтков Д.И.* Кассационное производство в гражданском процессе Российской Федерации и некоторых зарубежных стран. М., 2018 // Доступ из СПС Консультант Плюс.

6. *Ивасенко К.В.* Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 265 с.

7. *Потапов В.Д.* Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: монография / под ред. О.А. Зайцева. М., 2012. 376 с.

8. *Смагина Е.С.* Завершена ли «процессуальная революция»? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 113–123.

9. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Том 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. 616 с.

Суханова Л.Г.  
Sukhanova L.G.<sup>184</sup>

#### Вопросы подготовки и направления дела в суд кассационной инстанции (на материалах работы судов Алтайского края)

#### Issues of preparation and referral of the case to the court of cassation instance (based on the materials of the courts of the Altai territory)

**Аннотация.** В связи с началом деятельности апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции в Российской Федерации с 1 октября 2019 г., внесением соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон, изменением порядка обжалования судебных решений по уголовным делам, происходит накопление опыта работы новых судов, исходя из которого выделяются пять проблем и предлагаются пути их решения.

**Ключевые слова:** суд первой инстанции, суд кассационной инстанции, кассационная жалоба, подготовка дела, внутренние документы суда.

**Abstract.** In connection with the appeal and cassation courts of General jurisdiction in the Russian Federation from 1 October 2019, making appropriate changes to the criminal procedure law, changing the procedure for appealing against judicial decisions in criminal cases, the accumulation of experience of new vessels, based on which you can draw some conclusions to identify existing organizational problems and to define possible ways of their solution.

**Keywords:** court of first instance, court, of cassation appeal case, preparation, internal documents of the court.

Вопросам пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве посвящены работы А.С. Червоткина, С.А. Трухина, В.Б. Калмыкова, Б.Г. Бардамова, А.А. Разинкиной и мн. др.<sup>185</sup>

<sup>184</sup> Суханова Лидия Геннадьевна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета.

Lidia G. Sukhanova, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Altai State University Law Institute.

<sup>185</sup> См.: *Червоткин А.С.* Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014; *Трухин С.А.* Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголов-

Из анализа положений главы 47<sup>1</sup> действующего уголовно-процессуального закона, следует признать, что законодатель в достаточной степени закрепил регламентацию отношений субъектов, связанных с кассационным обжалованием решений судов первой инстанции.

Так, в ст. 401<sup>3</sup> УПК РФ закреплён порядок подачи кассационных жалоб, представлений, установлены суды, через которые и на решения которых подаются кассационные жалобы.

В ст. 401<sup>4</sup> УПК РФ устанавливаются требования, которые предъявляются к содержанию кассационной жалобы, представления.

В ст. 401<sup>7</sup> УПК РФ установлен перечень необходимых действий суда первой инстанции при поступлении кассационных жалоб, представления.

В ст. 401<sup>8</sup> УПК РФ законодателем регламентированы действия суда кассационной инстанции при поступлении уголовного дела с кассационными жалобой, представлением. На первый взгляд, законодателем в полной мере урегулированы организационные аспекты, однако, если критически подойти к положениям ст. 401<sup>7</sup> УПК РФ, то можно установить наличие следующих проблемных вопросов:

— устанавливая перечень необходимых действий суда первой инстанции при поступлении кассационных жалоб или представления, законодатель использует термин «суд». При этом, не определяя конкретного работника суда, ответственного за подготовку дела для кассационного рассмотрения;

— законодательно не определен срок (период), в течение которого подготовительные действия должны быть совершены и окончены судом первой инстанции;

— четко не определена процедура осуществления данных действий.

Можно допустить, что ответы на данные вопросы не должны содержаться в УПК РФ, так как они обозначают в основном организационную деятельность, тогда возникает вопрос — какими ак-

---

ных дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016; *Калмыков В.Б.* Кассационное производство в уголовном процессе: проблемы теории и правоприменения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010; *Бардамов Б.Г.* Сущность, содержание и значение кассационного производства в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006; *Разинкина А.А.* Апелляция в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

тами регламентируется эта организационная деятельность, кто их принимает и какое правовое значение имеют такие документы, какова территория их деятельности?

Для выяснения ответов на указанные вопросы мы обратились к документам суда кассационной инстанции. В частности, нами были изучены информационные письма восьмого кассационного суда общей юрисдикции, адресованные судам Алтайского края по вопросам порядка действий судов первой инстанции после поступления кассационной жалобы, представления на судебное решение по уголовному делу. Однако в указанных актах также не определен субъектный состав подготовки дела к направлению в суд кассационной инстанции.

Продолжив поиск ответов на поставленные вопросы, мы обратились к судам первой инстанции. В частности, провели интервьюирование помощников судей данных судов. Из результатов опроса 40 помощников судей судов Алтайского края было установлено, что данные вопросы регламентируются в данных судах регламентами, временными регламентами подготовки уголовных дел для направления в кассационный суд, утвержденными приказами председателя суда.

Изучение текстов таких регламентов показало, что субъектный состав, осуществляющий подготовку дел для направления в кассационный суд существенно отличается в разных судах. В одних судах субъектный состав достаточно широк, в него включены 5 работников суда: судья, помощник судьи, а также еще начальник отдела обеспечения судопроизводства по уголовным делам, заместитель председателя суда, председатель суда. При этом все перечисленные субъекты (за исключением помощника судьи — он готовит материал) осуществляют проверку дела для его направления в суд кассационной инстанции, то есть осуществляют один и тот же вид деятельности сразу несколько работников одного суда.

В других же судах подготовку, проверку дела для его направления в суд кассационной инстанции осуществляют 3 работника суда: судья, помощник судьи, председатель.

В складывающейся ситуации можно выделить несколько проблем:

1. Проблему многоступенчатости, выраженную в большом количестве субъектов, участвующих в подготовке дела для направления в суд кассационной инстанции, которые фактически проверяют друг за другом.

2. Проблему отсутствия во внутренних документах (инструкциях, регламентах и т.п.) судов критериев, по которым вышеуказанные субъекты проводят проверку. В регламентах судов, изученных нами, например, эти критерии звучат как: «наличие всех необходимых судебных решений, расписок, извещений и т. п.»; «надлежащее оформление дела»; «проверка уголовного дела» и т. п.

Иными словами, используются общие фразы, нет четкости, конкретности, отсюда и возникает вопрос в целесообразности такого количества проверяющих субъектов? Какое значение имеет проверка, осуществляемая каждым из субъектов, а именно какое правовое значение, кто будет нести ответственность при ненадлежащей подготовке дела к направлению в суд кассационной инстанции?

Отдадим должное справедливости и отметим, что около 50 % из опрошенных нами помощников судей поддержали такую многоступенчатость проверки, указав на то, что они как основные субъекты подготовки материалов в кассационную инстанцию в судах перегружены работой и свежий взгляд в оформлении дела просто необходим. Наверно, возможно такую ситуацию допустить в судах, функционирующих на территориях с большой плотностью населения — при условии, что будет обязательно установлен ответственный работник суда за окончательные результаты подготовки материалов. В остальных судах, считаем, что достаточно для проверки подготовки материалов помощником и профессионального судьи.

Обозначенные выше проблемы требуют унификации, внесения четкости и наш взгляд упрощения процедуры в проверке при подготовке дела к направлению в суд кассационной инстанции.

1. Проблема возникшей в связи с этим нагрузки для аппарата судов первой инстанции (прежде всего помощников судей) по выполнению организационно-подготовительных действий.

Как отметили респонденты, основная нагрузка по подготовке дела выполняется именно помощниками судей — составление справок в которых отражаются сведения об обжалуемых итоговых судебных решениях, извещение, сбор необходимых документов, отобрание расписок и т. п.

Респондентами было предложено возложить на кассационные суды общей юрисдикции полномочия по оформлению, извещению, подготовке дела к рассмотрению в кассационной инстанции.

2. Нецелесообразность кассационного извещения (копирование приложений к жалобе) судом первой инстанции участников о поступившей кассационной жалобе, представлении. Зачастую

участники процесса не желают идти на контакт с судом, не приходят оформить расписки, и т. п.

3. Проблема отсутствия законодательно установленного срока для подготовки дела к направлению в суд кассационной инстанции (т. е. совершения судом первой инстанции организационно-подготовительных действий).

В информационных письмах восьмого кассационного суда указывается требования о разумности этого срока, и рекомендация выполнения подготовки дела в течение месячного срока. Опрошенные же респонденты обозначили необходимым срок — в 1,5 месяца, который во внутренних документах суда также не установлен.

В этой связи задаемся вопросом и не исключаем существования и другого срока в практике судов других субъектов, других судебных округов для подготовки дела к направлению в суд кассационной инстанции.

Полагаем, сложившаяся тенденция, требует унификации, разъяснения, единства практики, это необходимо для надлежащей реализации идей о разумности срока в уголовном судопроизводстве, а также защиты прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве, как заявителей (авторов) кассационных жалоб, представлений, так и лиц, подавших возражение, так и всех других участников, интересы которых затрагивает та или иная кассационная жалоба или представление.

### Список литературы:

1. *Бардамов Б.Г.* Сущность, содержание и значение кассационного производства в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. 24 с.

2. *Калмыков В.Б.* Кассационное производство в уголовном процессе: проблемы теории и правоприменения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 34 с.

3. *Разинкина А.А.* Апелляция в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 31 с.

4. *Трухин С.А.* Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.

5. *Червоткин А.С.* Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 26 с.

#### Часть IV. Материалы секции «Актуальные проблемы проверки законности и обоснованности промежуточных судебных решений»

Азаров В.А., Константинова В.А.  
Azarov V.A., Konstantinova V.A.<sup>186</sup>

##### Дифференциация судебных решений и порядок их апелляционного и кассационного пересмотра

##### Differentiation of court decisions and the procedure for their appeal and cassation review

**Аннотация.** Современный этап развития уголовно-процессуального законодательства характеризуется последовательным реформированием порядка пересмотра судебных решений, который все более усложняется с учетом дифференциации на итоговые и промежуточные, свидетельствуя о фактическом восстановлении в российском уголовном процессе концепции частного обжалования. Вместе с тем, в контексте постоянных нововведений следует помнить о преимуществах разумной унификации процедуры производства в судах вышестоящих инстанций.

**Ключевые слова:** пересмотр, дифференциация, судебное решение, реформа кассации.

**Abstract.** The current stage in the development of criminal procedural legislation is characterized by a gradual reform of the procedure for reviewing court decisions, which is becoming more and more complicated, taking into account the differentiation into final and intermedi-

<sup>186</sup> Азаров Владимир Александрович, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Vladimir A. Azarov, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

Константинова Виктория Александровна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», кандидат юридических наук, доцент.

Viktoriya A. Konstantinova, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Candidate of Law, Associate Professor.

ate, indicating the actual restoration of the concept of private appeal in the Russian criminal process. At the same time, in the context of constant innovation, one should bear in mind the advantages of a reasonable standardization of the procedure in the higher courts.

**Keywords:** revision, differentiation, court decision, cassation reform.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) с недавних пор подразделяет судебные решения на итоговые и промежуточные. Значимость данного деления заключается в признании законодателем различий не только их сущности, значения и порядка вынесения, но и процедуры обжалования и пересмотра, о чем свидетельствуют недавние законодательные новшества.

Первые глобальные преобразования связаны с принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ» (далее — Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ)<sup>187</sup>. Изменения установили единый для всех судов общей юрисдикции апелляционный порядок проверки не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам, что свидетельствует о стремлении к унификации анализируемых процедур на первом этапе реформы. Кассационные инстанции преобразованы в апелляционные с сохранением существующей системы судостроительства. Одновременно предусмотрен новый кассационный порядок проверки по вопросам права судебных решений, вступивших в законную силу.

В контексте заявленной темы следует отметить, что именно вышеупомянутый закон закрепил в УПК РФ понятия промежуточных и итоговых судебных решений. С нашей точки зрения, введены они для того, чтобы текстуально (и фактически) «вместить» в суды уровня субъекта РФ две апелляционные инстанции. Учитывая, что в УПК РФ (в отличие, например, от ГПК РФ или УПК РСФСР 1960 г.) под терминами «постановление» («определение») понимаются также решения по существу уголовного дела, иного варианта для их разграничения, кроме как введение новых легальных терминов, законодатель не нашел. Хотя такой вариант был возможен путем

<sup>187</sup> Российская газета. 2010. 31 дек.

обычной корректировки существующей терминологии<sup>188</sup>. Вместе с тем, небесспорный термин «промежуточное» судебное решение воспринят правоприменителями и вполне «прижился», хотя и не без помощи высшей судебной инстанции в истолковании его сущности и порядка пересмотра.

Реформируя в 2010 г. уголовное судопроизводство, законодатель ушел от создания апелляционных и кассационных судов, «поместив» систему инстанций в существующие судебные учреждения, в том числе, за счет упомянутой дифференциации порядка пересмотра итоговых и промежуточных решений и, в частности, реализовав возможность пересмотра последних в структуре вынесшего их суда, что неоднократно критиковалось исследователями<sup>189</sup>.

Не прошло и десятилетия, как процесс реформирования отечественного уголовного судопроизводства продолжился. Существенную особенность второму этапу реформы придал судоустройственный компонент. Федеральным конституционным законом от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»<sup>190</sup> и Федеральным законом от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ»<sup>191</sup> (далее — Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ) созданы новые звенья судебной системы (апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции) и существенно изменена процедура кассационного обжалования вступивших в законную силу судебных решений.

Тенденция влияния дифференциации судебных решений на порядок их пересмотра проявилась еще более рельефно. Введена процедура *сплошной кассации* при первичном обжаловании приговоров и иных итоговых судебных решений. Применительно к промежуточным решениям сохранен существующий ранее порядок *выборочной кассации*. В связи с этим, в кассационных судах, в за-

<sup>188</sup> См.: Азаров В.А., Константинова В.А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. М., 2013. С. 161–165.

<sup>189</sup> См., напр.: Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 4.

<sup>190</sup> Российская газета. 2018. 31 июля.

<sup>191</sup> Российская газета. 2018. 15 окт.

висимости от вида судебного решения, реализованы две различные модели пересмотра. Исследователи отмечают, что введение сплошной кассации превращает исключительную судебную инстанцию в ординарную<sup>192</sup>. Полагаем, что применительно к итоговым решениям данное утверждение обоснованно, для промежуточных же стадия остается экстраординарной. Также подчеркивается наметившееся при проверке вступивших в законную силу решений смещение в пользу защиты публичных интересов, что сопровождается дополнительными гарантиями обеспечения прав лиц, защищающих собственный интерес<sup>193</sup>. В свете изложенного напрашивается предложение о введении сплошной кассации и промежуточных решений, однако с учетом объемов судебной нагрузки очевидна его проблематичность...

Таким образом, можно отметить, что за последнее десятилетие существенно укрепилась небесспорная тенденция усиления дифференциации порядка обжалования и пересмотра судебных решений. На основании Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ различия в обжаловании итоговых и промежуточных решений имели место только применительно к решениям судов уровня субъекта РФ и проявлялись они в зависимости от того, в структуре какого суда было организовано рассмотрение жалобы — в вынесшем решение или вышестоящем. С принятием Федерального закона от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ данный судоустройственный «недостаток» устранен, но теперь коренным образом разнятся процедуры их кассационного пересмотра: для итоговых решений она сплошная, для промежуточных — выборочная. Это ключевое нововведение последней реформы, но оно не исчерпывает отличия в порядке пересмотра судебных решений, обусловленные их дифференциацией.

Деление судебных решений на итоговые и промежуточные также отражается и на *составе суда*, их пересматривающего. Так, согласно п. 2 ч. 3 ст. 30 УПК РФ рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке осуществляется в районном суде единолично; в судах уровня субъекта РФ — в составе трех судей, за исключением уголовных дел о преступлениях небольшой и средней

<sup>192</sup> См., напр.: Давыдов В.А. Срок обжалования в кассационном производстве: взгляд разработчиков законопроекта о поправках в УПК // Уголовный процесс. 2020. № 9 – <https://e.ugpr.ru/833462C> (дата обращения: 25.09.2020).

<sup>193</sup> Андреева О.И., Рукавишников А.А. Реформированное производство в суде кассационной инстанции: соотношение частного и публичного начал // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 7.

тяжести, а также уголовных дел с апелляционными жалобой (представлением) на промежуточные решения районного суда; в апелляционных судах общей юрисдикции — в составе трех судей. Таким образом, коллегиальный пересмотр итоговых решений начинается с суда уровня субъекта РФ, а коллегиальный пересмотр промежуточных — только с уровня окружного апелляционного суда. Согласно ч. 4 ст. 30 УПК РФ рассмотрение уголовных дел в кассационном порядке осуществляется в составе трех судей, однако применительно к промежуточным судебным решениям продолжает действовать предусмотренный ч. 1 ст. 401.10 УПК РФ единоличный порядок принятия решения о передаче кассационных жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

В апелляционной инстанции для обжалования промежуточных и итоговых решений имеет место *инстанционная последовательность*, выражающаяся в схеме: мировой судья → районный суд → суд уровня субъекта РФ → окружной апелляционный суд. Все решения нижестоящего суда (независимо от их вида) поочередно обжалуются в вышестоящий суд, который выступает в качестве суда апелляционной инстанции.

К сожалению, подобный порядок не распространен на кассацию. Федеральным законом от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ в отношении итоговых и промежуточных судебных решений мировых судей и судов районного звена вводятся одинаковые кассационные инстанции: их пересматривает сначала кассационный суд общей юрисдикции, затем Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ. В отношении же решений судов уровня субъекта РФ кассационные инстанции различаются: промежуточные решения сначала обжалуются в кассационный суд общей юрисдикции, затем — в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, а итоговые решения сразу же обжалуются в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ. Таким образом, *вновь созданные кассационные суды выступают в роли кассационной инстанции по отношению к промежуточным решениям судов уровня субъекта РФ, но не являются таковыми для их же итоговых решений.*

Не вполне понятно, почему законодатель не отнес к полномочиям кассационных судов проверку законности и обоснованности итоговых решений судов уровня субъекта РФ. Полагаем, что передача таких полномочий в окружные кассационные суды, а

также исключение возможности повторной кассации позволили бы сохранить логику и последовательность инстанционности пересмотра и воплотить в жизнь постулат «один суд — одна инстанция» в отношении Верховного Суда РФ, за которым остались бы исключительно полномочия по рассмотрению дел в порядке надзора.

Кроме того, как справедливо замечено М.К. Свиридовым, М.Е. Нехороших, предполагалось, что создание новых кассационных судов решит проблему инстанционной неравномерности в возможностях обжалования судебных решений судов уровня субъекта РФ, поскольку приговоры таких судов будут проверяться в апелляционных судах, а затем могут быть обжалованы и в кассационный суд общей юрисдикции. Однако законодатель пошел по другому пути, вновь допуская неравномерность в обжаловании приговоров судей разных звеньев судебной системы<sup>194</sup>. Дополнительно отметим, что инстанционная неоднородность (непоследовательность) теперь отмечается не только в процедуре обжалования итоговых решений судов разных звеньев судебной системы, но и в порядке, касающемся итоговых и промежуточных решений суда уровня субъекта РФ, поскольку количество инстанций для пересмотра промежуточных судебных решений больше, что представляется нам не вполне оправданным. Более того, значительная часть промежуточных судебных решений в силу ч. 2 ст. 389<sup>2</sup> УПК РФ подлежит обжалованию совместно с итоговым решением, то есть они будут пересматриваться в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, что совершенно не логично, поскольку свидетельствует об отсутствии единой кассационной инстанции для различных видов промежуточных решений суда уровня субъекта РФ.

Налицо непоследовательность системы инстанций для пересмотра судебных решений в кассации, отсутствие именно поступательного «движения» обжалуемых решений из апелляционных окружных судов в кассационные окружные суды, что явно не способствует единообразию судебной практики и однозначно ведет, по меткому выражению Л.В. Головки, к «архаизации» отечественной

---

<sup>194</sup> См.: Свиридов М.К., Нехороших М.Е. Создание кассационных судов общей юрисдикции и введение «сплошной» кассации в уголовный процесс // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 134.

судебной системы<sup>195</sup>, одновременно, на наш взгляд, совершенно неоправданно усложняя порядок пересмотра итоговых и промежуточных судебных решений.

Таким образом, деление судебных решений на итоговые и промежуточные сегодня влечет существенную (а порой — неоправданную) дифференциацию процедуры их апелляционного и кассационного пересмотра. К основным отличиям здесь относятся: 1) состав суда (единолично или коллегиально); 2) порядок кассационного пересмотра (выборочная или сплошная кассация); 3) инстанции кассационного пересмотра решений суда уровня субъекта РФ (окружной кассационный суд или коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ).

С одной стороны, оправданная дифференциация порядка пересмотра итоговых и промежуточных судебных решений вполне уместна. Как справедливо отмечает А.С. Червоткин, процедура пересмотра промежуточных судебных решений должна быть компактнее, чем итоговых решений и не может быть сложнее процедуры их принятия<sup>196</sup>. С другой стороны, в контексте постоянных нововведений не следует забывать о преимуществах разумной унификации порядка пересмотра судебных решений. В настоящее же время углубление дифференциации затрагивает три ключевых аспекта — состав суда, инстанционную последовательность и порядок пересмотра судебных решений.

Как обоснованно отмечают А.В. Кудрявцева, Д.Г. Дик, М.С. Спиридонов, последние изменения в процедуре кассационного производства поставили перед участниками судебного производства непростую задачу - определять порядок обжалования не только в зависимости от постановивших решения судов, но и в зависимости от вида решений<sup>197</sup>. Добавим, что на процедуре пересмотра также отражается масштабная дифференциация форм судебного разбирательства, под воздействием которой, в частности, произошло сужение перечня оснований изменения (отмены) приговоров,

---

<sup>195</sup> Головки Л.В. Осенние изменения в работе судов: новая процессуальная революция? // Закон. 2019. № 10. С. 21.

<sup>196</sup> Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 11.

<sup>197</sup> Кудрявцева А.В., Дик Д.Г., Спиридонов М.С. Производство в суде кассационной инстанции: особенности нового правового регулирования // Уголовное право. 2019. № 1. С. 85.

постановленных судом с участием коллегии присяжных заседателей либо в особых порядках судебного разбирательства.

Специалисты обращают внимание на то, что решение вопроса о выборе правильной кассационной инстанции в некоторых случаях не вполне очевидно, и даже, порой — весьма затруднительно. Так, по мнению О.В. Евстигнеевой требует конкретизации положение о том, в какой суд подлежит обжалованию постановление о возвращении уголовного дела прокурору, если оно вынесено апелляционным судом. С одной стороны, это решение является промежуточным и подлежит обжалованию в соответствующий кассационный суд. С другой стороны, данное решение апелляционный суд принимает в рамках проверки законности и обоснованности итогового решения суда уровня субъекта РФ, которое подлежит проверке в Судебной коллегии Верховного Суда РФ<sup>198</sup>.

По справедливому утверждению Л. В. Головки наша судебная система институционально все стремительнее архаизируется, приближаясь к тому состоянию, которое имело место до 1864 г. — с бесконечным нагромождением судебных инстанций и немыслимыми траекториями движения дела<sup>199</sup>.

В свете изложенного полагаем правильным унифицировать последовательность прохождения дел в инстанциях, законодательно закрепить возможность пересмотра промежуточных и итоговых решений в одной судебной инстанции — кассационном суде общей юрисдикции. Реализация данного предложения будет способствовать гармонизации процессуально-инстанционной связи между апелляционными и кассационными судами и, как следствие, обеспечению единства понимания и применения закона на территории всех субъектов РФ, входящих в состав кассационного судебного округа. Кроме того, при существующих отличиях порядка пересмотра итоговых и промежуточных решений напрашивается утверждение о фактическом возрождении в российском уголовном процессе концепции частного обжалования, а если это так — то ее необходимо теоретически обосновать и нормативно обособить в действующем уголовно-процессуальном законе.

---

<sup>198</sup> Евстигнеева О.В. Право на кассационное обжалование судебных решений в свете требования справедливости уголовного судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 24.

<sup>199</sup> Головки Л.В. Осенние изменения в работе судов: новая процессуальная революция? // Закон. 2019. № 10. С. 21.

### Список литературы:

1. *Азаров В.А., Константинова В.А.* Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. М., 2013. 216 с.
2. *Андреева О.И., Рукавишников А.А.* Реформированное производство в суде кассационной инстанции: соотношение частного и публичного начал // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2020. № 3. С. 3–7.
3. *Головки Л.В.* Осенние изменения в работе судов: новая процессуальная революция? // *Закон.* 2019. № 10. С. 19–29.
4. *Давыдов В.А.* Срок обжалования в кассационном производстве: взгляд разработчиков законопроекта о поправках в УПК // *Уголовный процесс.* 2020. № 9 – <https://e.ugpr.ru/833462C> (дата обращения: 25.09.2020).
5. *Евстигнеева О.В.* Право на кассационное обжалование судебных решений в свете требования справедливости уголовного судопроизводства // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2020. № 3. С. 20–25.
6. *Ковтун Н.Н.* Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2012. № 3. С. 3–9.
7. *Кудрявцева А.В., Дик Д.Г., Спиридонов М.С.* Производство в суде кассационной инстанции: особенности нового правового регулирования // *Уголовное право.* 2019. № 1. С. 83–88.
8. *Свиридов М.К., Нехороших М.Е.* Создание кассационных судов общей юрисдикции и введение «сплошной» кассации в уголовный процесс // *Вестник Томского государственного университета.* Право. 2019. № 33. С. 132–140.
9. *Червоткин А.С.* Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 25 с.

### Проверка законности и обоснованности избрания судом мер пресечения в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности

#### Verification of the legality and validity of the court's choice of preventive measures against persons accused of committing crimes in the sphere of business and other economic activities

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы применения мер пресечения в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, указанных в ч.1<sup>1</sup> ст.108 УПК РФ, анализируются проблемы правоприменения, практика судов общей юрисдикции, Конституционного Суда РФ.

**Ключевые слова:** мера пресечения, предприниматели, заключение под стражу, судебный контроль, Конституционный Суд РФ.

**Abstract.** The article discusses the issues of applying preventive measures against persons suspected and accused of committing crimes specified in part 1.1 of article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, analyzes the problems of law enforcement, the practice of courts of general jurisdiction, the Constitutional Court of the Russian Federation.

**Keywords:** preventive measures, entrepreneurs, detention, judicial control, the Constitutional Court of the Russian Federation.

Проблема применения мер пресечения в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, продолжает оставаться актуальной.

Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев неоднократно обращал внимание судов общей юрисдикции на необходимость соблюдения требований законности и обоснованности при применении

<sup>200</sup> Аширова Луиза Мунавировна, кандидат юридических наук, судья Верховного суда Республики Башкортостан.

Luiza M. Ashirova, Candidate of Legal Sciences, Judge of the Supreme Court of the Republic of Bash-Kortostan.

мер пресечения, а также недопустимость необоснованного вмешательства в дела бизнеса уголовно-процессуальными средствами<sup>201</sup>.

В своем Докладе на совещании судей общей юрисдикции и арбитражных судов РФ 11 февраля 2020 г. В. М. Лебедев также обратил внимание на данную проблему, указав, что за 2019 г. поступило 4200 уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, при этом обвинительные приговоры вынесены в отношении 3000 лиц (около 70%)<sup>202</sup>.

Часть 1<sup>1</sup> ст.108 УПК РФ устанавливает запрет на заключение под стражу при отсутствии обстоятельств, указанных в ч.1 ст. 108 УПК РФ.

Данные правила распространяются на две группы субъектов:

Группа 1:

а) лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159 ч. 1–4, 159<sup>1</sup>–159<sup>3</sup>, 159<sup>5</sup>, 159<sup>6</sup>, 160, 165 и 201 УК РФ, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности;

б) лица, не обладающие указанным статусом, но совершившие вышеуказанные преступления в соучастии с индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации в сфере предпринимательской деятельности;

Группа 2:

лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159 5–7, 171, 171<sup>1</sup>, 171<sup>3</sup>–172<sup>3</sup>, 173<sup>1</sup>–174<sup>1</sup>, 176–178, 180, 181, 183, 185–185<sup>4</sup> и 190–199<sup>4</sup> УК РФ, без каких-либо условий.

<sup>201</sup> Александров А. Вячеслав Лебедев заступился за бизнесменов // <https://www.kommersant.ru/doc/3134545> (дата обращения: 13.10.2020).

<sup>202</sup> Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (Москва, 11 февраля 2020) // [https://www.vsr.ru/press\\_center/video\\_archive/28761/](https://www.vsr.ru/press_center/video_archive/28761/) (дата обращения: 13.10.2020).

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 11 июня 2020 г. «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам» внесены изменения в постановление от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»<sup>203</sup> теперь при рассмотрении ходатайства о применении заключения под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1–4 ст. 159, ст. 159<sup>1</sup>–159<sup>3</sup>, 159<sup>5</sup>, 159<sup>6</sup>, 160, 165, 201 УК РФ, суду следует проверять, имеется ли в ходатайстве следователя мотивировка о несвязанности обвинения с предпринимательской деятельностью, является ли она конкретной, подтверждена ли имеющимися документами. При отсутствии указанных сведений, такое ходатайство удовлетворению не подлежит.

В Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»<sup>204</sup> также внесены изменения о том, что указание на корыстный мотив и способ распоряжения похищенным имуществом не может служить основанием для признания обвинения, не связанным с предпринимательской деятельностью для целей ч.1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ. Таким образом, доводы следствия о несвязанности обвинения с предпринимательской деятельностью подлежат проверке судом.

Следовательно, суды в настоящее время должны оценивать доводы следствия, изложенные в ходатайстве об избрании меры пресечения, о несвязанности обвинения с предпринимательской деятельностью, проверять, являются ли они конкретными и подтверждаются ли имеющимися документами. При этом если в ходатайстве следователь вообще не мотивировал несвязанность обвинения с предпринимательской деятельностью, суд просто отказывает в удовлетворении данного ходатайства.

<sup>203</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ №7 от 11 июня 2020 года «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам» // [www.garant.ru](http://www.garant.ru).

<sup>204</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 года №48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // [www.garant.ru](http://www.garant.ru).

Если ранее бремя мотивировки связанности (либо несвязанности) обвинения с предпринимательской деятельностью было возложено на суд, то сейчас суд оценивает доводы органов следствия.

Следует отметить, что до внесения указанных изменений, зачастую в ходатайстве следователя информации о связи (отсутствии связи) обвинения с предпринимательской деятельностью не имелось, а суды выясняли данный вопрос в ходе судебного заседания, как судов первой, так и апелляционной инстанции.

Позиция Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ о бремени доказывания указанного обстоятельства совпадает. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 22 марта 2018 г. № 12-П, на следователя возлагается обязанность представить достаточные, убедительные *prima facie* (на первый взгляд) доказательства в обоснование допустимости избрания заключения под стражу (продления срока содержания под стражей), подтверждающие наличие события преступления, его квалификацию, причастность подозреваемого, обвиняемого к его совершению, а равно сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, справки о судимости, сведения о том, совершено ли инкриминируемое преступление в сфере предпринимательской деятельности, о наличии или отсутствии тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей, и другие имеющие значение для решения вопроса о мере пресечения сведения<sup>205</sup>.

Мониторинг применения мер пресечения по уголовным делам в сфере предпринимательской и экономической деятельности выявил определенные проблемы применения положений ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ.

За период с 2018 по первое полугодие 2020 г. судами Республики Башкортостан рассмотрено 13 ходатайств органов следствия в отношении 12 лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности (в отношении одного лица повторно в связи с нарушением им ранее избранной меры пресечения).

При этом 10 лиц являлись членами органа управления коммерческой организации, 2 — индивидуальными предпринимателями.

<sup>205</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // СПС «Консультант плюс».

Из них удовлетворено судом первой инстанции 5 ходатайств, одно решение об удовлетворении ходатайства отменено судом апелляционной инстанции в связи с нарушением требования ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ. За июль-сентябрь 2020 г. также изменено одно решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении одного лица в связи с нарушением требований ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ, избрана альтернативная мера пресечения.

Основанием, по которому избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу являлось:

— то, что обвиняемый скрылся от органов следствия и суда, находится в международном розыске (в отношении трех лиц — директоров ООО, АО, обвиняемых в совершении мошенничества по ч. 4 ст. 159 УК РФ, объявленных в международный розыск, скрывшихся от органов следствия);

— нарушение обвиняемым ранее избранной меры пресечения (один случай).

В ряде случаев суды не учитывали требования ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ, избирая меру пресечения в виде заключения под стражу, подобные решения отменялись судом апелляционной инстанции.

По постановлению И. городского суда от 16 ноября 2018 г. в отношении Д., директора МУП, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на 1 месяц 5 суток.

Апелляционным постановлением Верховного суда Республики Башкортостан от 22 ноября 2018 г. постановление отменено, в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу — отказано.

Суд апелляционной инстанции указал, что согласно ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159–159<sup>3</sup>, 159<sup>5</sup>, 159<sup>6</sup>, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности.

Из материала по ходатайству следует, что преступления, в совершении которых подозревается Д., связаны с исполнением им своих обязанностей директора МУП, которое в соответствии с ФЗ РФ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 г. является коммерческой организацией.

Уголовные дела возбуждены по фактам коммерческих сделок, совершенных Д. от имени возглавляемого им предприятия.

Суд апелляционной инстанции установил, что преступления, в причастности к которым подозревается Д., связаны с предпринимательской деятельностью.

Оснований для избрания иных мер пресечения, в том числе и домашнего ареста, суд апелляционной инстанции не усмотрел.

По апелляционному постановлению Верховного Суда Республики Башкортостан от 15 июля 2020 г. изменено постановление С. районного суда г. Уфы от 3 июля 2020 г., которым М., генеральному директору ООО, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Судом апелляционной инстанции принято решение об изменении меры пресечения М. на домашний арест.

Суд первой инстанции уклонился от рассмотрения вопроса о связанности (несвязанности) обвинения с предпринимательской и иной экономической деятельностью, оценка выполнения требований ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ в судебном решении отсутствует.

При апелляционном рассмотрении суд установил, что следователь в своем ходатайстве не привел конкретных и убедительных сведений о несвязанности обвинения с предпринимательской деятельностью, таких документов суду не предоставил. Имеющиеся суждения о том, что обвинение не связано с предпринимательской деятельностью, основано на неверном толковании следователем норм УПК РФ и положений ГК РФ, какими-либо приложенными материалами не подтверждено.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что исходя из постановления о привлечении в качестве обвиняемого, представленных материалов, преступление, в совершении которого обвиняется М., как генеральный директор ООО, связано с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской деятельности (ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ).

8 ходатайств органов предварительного расследования судами первой инстанции оставлены без удовлетворения, поскольку суды установили, что обвинение связано с предпринимательской деятельностью, а основания, указанные в п. 1–4 ч.1 ст. 108 УПК РФ отсутствуют.

При апелляционной проверке законности и обоснованности применения мер пресечения в отношении указанной категории лиц, ключевым является вопрос об оценке связанности (несвязанности) обвинения с предпринимательской и иной экономической деятельностью.

Полагаем, что не связанными с предпринимательской деятельностью можно назвать действия лица, зарегистрировавшего «фирму — однодневку» с целью совершения хищения и совершившего преступление посредством использования должности руководителя данной организации, а также создавшего организацию по типу «финансовая пирамида» и совершившего хищение денежных средств с использованием данной организации.

Считаем обоснованной позицию П.С. Яни о том, что «связь преступления с предпринимательской деятельностью коммерческой организации выражается в том, что данное преступление совершается наряду с законной предпринимательской деятельностью и в обычных формах ее осуществления, т. е. под прикрытием договорных отношений. В этом случае деяние совершается членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией, а также в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской деятельности. При этом организация до, или во время, или после (либо во все эти периоды) совершения вменяемых в качестве растраты действий осуществляет законную предпринимательскую (банковскую) деятельность, фирмой-однодневкой не является, не создается и (или) не используется исключительно для совершения преступлений»<sup>206</sup>.

Вместе с тем актуальной является вопрос о связанности обвинения с предпринимательской деятельностью, если предметом хищения являются бюджетные денежные средства, т. е. само хищение затрагивает интересы государства. В своем Определении Конституционный Суд РФ от 23.07.2020 года № 1863-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горячева Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав ч. 1<sup>1</sup> статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» отметил, что ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ при разрешении вопроса о мере пресечения в отношении указанных лиц, совершивших преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности, подлежит применению в системной связи не только с п. 1 ст. 2 ГК Российской Федерации, но и с положениями уголовного и уголовно-процессуального законов. Разрешая вопрос о мере пресечения, суд не может не учитывать положение п. 4 примечаний к ст. 159 УК Российской Федерации, ориентирующее лишь на такую предпри-

<sup>206</sup> Яни П.С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью // Законность. 2019. № 11. С. 46.

нимательскую деятельность, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации, а равно не принимать во внимание нормы уголовно-процессуального закона, определяющие назначение и принципы уголовного судопроизводства, основания для избрания меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при ее избрании (статьи 6, 7, 9, 10, 11, 19, 97, 99 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ)<sup>207</sup>.

Представляется, что подобное толкование ограничивает сферу применения ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ. Полагаем, данный вопрос должен быть решен на законодательном уровне. Возможно дополнение ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ исключением, аналогичным указанному в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, о том, что правила ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ применению не подлежат в случаях, если преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

Таким образом, при апелляционном рассмотрении судебноматериалов о мере пресечения:

— необходимо проверять выполнение судом первой инстанции требований вышеуказанных постановлений Пленума Верховного Суда РФ;

— при отсутствии ссылок на ч. 1<sup>1</sup> ст. 108 УПК РФ, анализа ходатайства следователя об отсутствии связи обвинения с предпринимательской деятельностью, давать указанным обстоятельствам оценку в апелляционном постановлении, в том числе принимать новое решение об отмене постановления суда первой инстанции и об отказе в удовлетворении ходатайства следователя.

— необходимо всегда проверять доводы апелляционных жалоб и представлений о связи (отсутствии связи) обвинения лица с предпринимательской и иной экономической деятельностью, давать им оценку в апелляционном постановлении.

### Список литературы:

1. Александров А. Вячеслав Лебедев заступился за бизнесменов // <https://www.kommersant.ru/doc/3134545> (дата обращения: 13.10.2020).
2. Доклад В.М. Лебедева на совещании судей общей юрисдикции и арбитражных судов РФ 11 февраля 2020 года // [https://www.vsrfr.ru/press\\_center/video\\_archive/28761/](https://www.vsrfr.ru/press_center/video_archive/28761/). (дата обращения: 13.10.2020).
3. Яни П.С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью // Законность. 2019. № 11. С. 42–46.

---

<sup>207</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1863-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горячева Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

## Правовое регулирование кассационного обжалования судебных решений, принятых в досудебном уголовном судопроизводстве

### Legal regulation of cassation appeal of court decisions taken in pretrial criminal proceedings

**Аннотация.** Изменение с 1 октября 2019 г. кассационного порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в уголовном судопроизводстве направлено на обеспечение прав участников уголовного процесса, качественное и своевременное исправление судебных ошибок, допущенных судами первой инстанции. Однако правовое регулирование кассационного порядка обжалования судебных актов посвящено преимущественно обжалованию и пересмотру судебных решений, принятых в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Вместе с тем в досудебном производстве в форме судебного контроля принимается немало судебных решений, которые участники досудебного процесса желают оспорить, в том числе и в кассационном порядке. Но механизм реализации института кассационного обжалования в досудебных стадиях, увы, должным образом не разработан. Между тем надлежащее правовое регулирование этого института обеспечит возможность реальной защиты прав участников уголовного судопроизводства и укрепит законность.

**Ключевые слова:** кассационное обжалование, досудебное уголовное судопроизводство, субъекты кассационного обжалования, сроки кассационного обжалования, гарантии прав участников досудебного уголовного судопроизводства.

**Abstract.** The change from October 1, 2019 of the cassation procedure for reviewing judicial acts that have entered into legal force is aimed at ensuring the rights of participants in criminal proceedings, high-quality and timely correction of judicial errors made by the courts of first instance. However, the legal regulation of the cassation proce-

<sup>208</sup> Добровлянина Ольга Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук, доцент.

Olga V. Dobrovlyanina, Associate Professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics of Perm State National Research University, Candidate of Law, Associate Professor.

cedure for appealing judicial acts is mainly devoted to appealing and reviewing court decisions taken at the judicial stages of criminal proceedings. At the same time, in pretrial proceedings in the form of judicial control, many court decisions are made, that participants in the pretrial process want to challenge, including in cassation. However the mechanism for implementing the institution of cassation appeal in the pretrial stages, alas, is not properly developed. Meanwhile, proper legal regulation of this institution will ensure the possibility of real protection of the rights of participants in criminal proceedings and legality.

**Keywords:** cassation appeal, pretrial criminal proceedings, subjects of cassation appeal, terms of cassation appeal, guarantees of the rights of participants in pretrial criminal proceedings.

Институт обжалования в досудебном уголовном судопроизводстве призван обеспечить защиту прав участников уголовного процесса. Такая защита должна быть своевременной и эффективной, механизм реализации защиты — качественно урегулирован законом. Жалоба на незаконные действия (бездействие), решения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, выступает основным инструментом защиты прав. Жалобы рассматриваются судом в порядке статей 125 и 125<sup>1</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации<sup>209</sup>. «Институт судебного обжалования в досудебных стадиях уголовного процесса оказался востребованным и стал активно применяться на практике»<sup>210</sup>. Решения, принятые судом, могут быть обжалованы, в том числе в кассационном порядке. Это установлено в ч. 1 ст. 127 УПК РФ. Кроме того, в соответствии с ч. 11 ст. 108 УПК РФ указана возможность кассационного обжалования решения суда об избрании меры пресечения (продлении срока ее действия).

Таким образом, кассационное обжалование судебных решений в досудебных стадиях процесса не исключено. Однако правовое регулирование этого вопроса недостаточно, заслуживает отдельного внимания законодателя. Так, глава 47.1 УПК РФ в большей степени ориентирована на вопросы кассационного обжалования итоговых

<sup>209</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 15.10.2020) // СЗ РФ от 24.12.2001. № 52 (часть I). Ст. 4921 (Далее — УПК РФ).

<sup>210</sup> Шадрин Е.Г. К вопросу о повышении качества уголовного преследования через эффективный механизм обжалования // Вестник Российского университета дружбы народов, серия *Юридические науки*. 2016. № 4. С. 120.

судебных решений, принятых в судебных стадиях производства по уголовному делу. И до сих пор не существует отдельной нормы, в которой был бы установлен механизм кассационного обжалования в досудебном производстве, а именно: перечислены участники, имеющие такое право, урегулированы сроки и форма подачи, а также сроки и особенности рассмотрения кассационной жалобы, указан (уточнен) предмет обжалования.

В ст. 401<sup>2</sup> УПК РФ об участниках досудебного производства речи нет. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 25.06.2019<sup>211</sup> этот пробел не восполнен. Указан только обвиняемый. А как быть подозреваемому, если ему понадобится такая защита прав? К иным лицам, указанным в ст. 401<sup>2</sup> УПК РФ, подозреваемого отнести нельзя, потому что по разъяснениям Пленума это лица, которые по разным причинам не были признаны в установленном законом порядке участниками процесса. А подозреваемый — участник уголовного судопроизводства, имеющий право на обжалование решения суда в силу п. 10 ч. 4 ст. 46 УПК РФ.

В Постановлении Пленума № 19 также указан еще один субъект кассационного обжалования — Уполномоченный по правам человека в РФ, который на основании п. 3 ч. 1 ст. 29 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в РФ»<sup>212</sup> имеет такое право. В УПК РФ такой субъект в качестве лица, имеющего право на кассационное обжалование, не упомянут.

Федеральным законом «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации»<sup>213</sup> в п. 4 ч. 1 ст. 11 установлено, что «по результатам рассмотрения жалобы уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации вправе обратиться в прокуратуру с ходатайством о проверке вступившего в законную силу приговора суда в целях использования в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством

<sup>211</sup> Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 25.06.2019 «О применении норм главы 47<sup>1</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. № 142 (7900). 3 июля 2019 (Далее — Постановление Пленума № 19).

<sup>212</sup> Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» // СЗ РФ от 03.03.1997. № 9. Ст. 1011.

<sup>213</sup> Федеральный закон от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» // Российская газета. № 60 (8114). 20 марта 2020.

Российской Федерации, прокурором права обратиться в соответствующий суд с представлением о пересмотре вступившего в законную силу приговора суда». Это означает, что предусмотрен опосредованный порядок защиты прав лиц. Нетрудно представить, какое время может занять эта процедура в досудебном уголовном судопроизводстве. Почему не наделить уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации правом на обращение в суд путем подачи кассационной жалобы в защиту интересов участника уголовного процесса по аналогии с такой возможностью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации?

Думается, что уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации может также стать субъектом подачи кассационной жалобы. В Пермском крае, например, это очень действенный институт с реальным правозащитным потенциалом. Полагаю, включение этого субъекта в число лиц, имеющих право на кассационное обжалование судебных решений, принятых в досудебном уголовном судопроизводстве, не приведет к необоснованному расширению перечня лиц, а наоборот, расширит возможности участников уголовного судопроизводства.

Представляется также, что перечень субъектов кассационного обжалования должен быть закреплен не в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а в законе, поскольку речь идет о правах участников уголовного судопроизводства.

Эффективный порядок кассационного обжалования и пересмотра решений суда в ходе досудебного производства предполагает безотлагательное восстановление в правах. Достичь этого возможно за счет сокращенных сроков обжалования, рассмотрения и разрешения жалоб, а также, если суд вышестоящей инстанции (с кассационными полномочиями) будет самостоятельно исправлять судебные ошибки, допущенные нижестоящими судами, — без возвращения материалов для повторного рассмотрения. Таким образом, необходимо отказаться от экстраординарной кассации. В связи с этим важно определить предмет судебного разбирательства в кассационном порядке. Неправильное применение уголовного закона как основание принятия кассационной жалобы к рассмотрению можно применять только для отмены итогового судебного акта (приговора). В досудебном уголовном процессе предметом проверки может быть только несоответствие уголовно-процессуальному закону или необоснованность проверяемого судебного решения. Это обусловлено спецификой досудебного производства по уголовному делу.

Отказ от экстраординарной кассации в досудебном уголовном процессе не должен повлечь рассуждения о том, что нижестоящие суды станут в таком случае надеяться на исправление допущенных ими судебных ошибок вышестоящими судами, потому что важнее своевременная защита прав лица и соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства. Эти приоритеты давно расставлены в статьях 6 и 6<sup>1</sup> УПК РФ. Ради этого целесообразно пойти на исключение, так как экстраординарная кассация со своим «затяжным характером» не является действенной гарантией в ходе досудебного производства. Адвокаты не верят в успех этого «безнадежного дела». Сами судьи не видят смысла в институте кассационного обжалования в досудебных стадиях. Из-за длительных сроков подачи и рассмотрения кассационные жалобы заявляются крайне редко. Так, например, в суде Индустриального района г. Перми за девять месяцев текущего 2020 г. в порядке ст. 125 УПК РФ было принято 125 судебных решений, из них в 12 случаях последовало апелляционное обжалование, и только в одном случае затем была заявлена кассационная жалоба. По ст. 109 УПК РФ (продление сроков содержания под стражей) было вынесено 145 судебных решений, в 17 случаях заявлена апелляционная жалоба, а затем только в одном случае — кассационная жалоба<sup>214</sup>. По каждой жалобе срок превысил 2 месяца. Какой смысл подавать кассационную жалобу на решение о продлении сроков содержания под стражу? Не ободряет и пункт 4 Постановления Пленума № 19, согласно которому «обжалование и пересмотр в кассационном порядке постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, применения запрета определенных действий, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105<sup>1</sup> УПК РФ, или о продлении срока действия этих мер либо о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы возможны и после поступления уголовного дела в суд первой инстанции». При этом Пленум поясняет, что необходимо так поступать, поскольку «восстановление нарушенных конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность должно быть своевременным, а имеющиеся средства их правовой защиты — эффективными». Пленум будто бы говорит обвиняемым, содержащимся под стражей два и более месяца: «нам очень важны ваши права, мы заботимся о вас».

<sup>214</sup> Статистические данные суда Индустриального района г. Перми (январь-сентябрь 2020).

Однако на деле процедура кассационного обжалования слишком медлительна, права незамедлительно не восстанавливаются.

Вместе с тем для обеспечения качественной (скорой) реализации института кассационного обжалования (пересмотра) в досудебном уголовном судопроизводстве целесообразно использовать в обязательном порядке цифровые технологии<sup>215</sup>.

Таким образом, необходимо решение рассмотренных проблем. Надлежащее правовое регулирование института кассационного обжалования в досудебном уголовном судопроизводстве активизирует его жизнеспособность, повысит его эффективность и будет способствовать реальной защите нарушенных прав участников процесса.

### Список литературы:

1. *Шадрин Е.Г.* К вопросу о повышении качества уголовного преследования через эффективный механизм обжалования // Вестник Российского университета дружбы народов, серия Юридические науки. 2016. № 4. С. 111–122.

<sup>215</sup> Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

## Проверка законности и обоснованности судебных решений о применении мер принуждения в досудебном производстве

### Verification of the legality and validity of court decisions on the use of coercive measures in pre-trial proceedings

**Аннотация.** Меры процессуального принуждения сопровождают уголовное судопроизводство на всех его этапах. Принятие решений об их применении, особенно ограничивающих конституционные права участников уголовного судопроизводства в досудебном производстве, отнесено к компетенции суда. Решения суда должны соответствовать требованиям, установленным ст. 7 УПК РФ. Важной гарантией выполнения этих требований является проверка судебных решений вышестоящими судебными инстанциями. Однако, проверка эффективно выполняет свое предназначение тогда, когда и суд первой инстанции, и вышестоящие судебные инстанции имеют четкие ориентиры в виде законодательных правил, предъявляемых к их действиям и решениям. Применение мер процессуального принуждения (на примере наложения ареста на имущество) убеждает в необходимости существенной корректировки законодательной основы уголовно-процессуальной деятельности судов всех инстанций, включая проверочные этапы.

**Ключевые слова:** арест, имущество, закон, уголовный процесс, доказывание.

**Abstract.** Measures of procedural compulsion accompany criminal proceedings at all its stages. Decisions on their application, especially those that restrict the constitutional rights of participants in criminal proceedings in pre-trial proceedings, are referred to the competence of the court. Court decisions must comply with the requirements set forth in art. 7 of the Code of criminal procedure. An important guarantee of compliance with these requirements is the verification of court decisions by higher courts. However, verification effectively fulfills its purpose when both the court of first instance and higher courts have clear guide-

<sup>216</sup> Гладышева Ольга Владимировна, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.

Olga V. Gladysheva, Head of the Department of Criminal Procedure, Kuban State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban.

lines in the form of legislative rules imposed on their actions and decisions. The use of measures of procedural compulsion (for example, the seizure of property) makes it necessary to significantly adjust the legal framework of criminal procedure of courts of all instances, including verification stages.

**Keywords:** arrest, property, law, criminal procedure, proof.

В современном государстве большое значение приобретает правовая защищенность хозяйствующих субъектов, от чего в значительной степени зависит «инвестиционная привлекательность страны»<sup>217</sup>, и можно добавить — привлекательность предпринимательства как идеи и основного тренда в развитии экономики страны, в целом. Правовая защищенность — категория комплексная, ее содержание складывается из многих аспектов, в числе которых, полагаем, весьма значимым, выступают уголовно-процессуальные механизмы обеспечения прав предпринимателей.

Политическая воля руководства страны привела к постепенному изменению содержания уголовно-процессуального законодательства в части регулирования порядка производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных предпринимателями в сфере экономики. Так, за период с 2014 г. по настоящее время в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ):

— расширен перечень составов преступлений, совершенных в сфере экономики, отнесенных к категории частно-публичного обвинения<sup>218</sup>;

— дополнены основания<sup>219</sup> и скорректирован порядок возбуждения уголовных дел и отказа в возбуждении<sup>220</sup>, а также по-

<sup>217</sup> Сычев П.Г. Правовая защита субъектов предпринимательской деятельности: проблемы уголовного судопроизводства // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 32.

<sup>218</sup> Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4258.

<sup>219</sup> Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ (ред. от 30 декабря 2015 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2016 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4219.

<sup>220</sup> Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования

рядок прекращения уголовных дел о преступлениях в сфере экономики<sup>221</sup>;

— предусмотрено право подозреваемого с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности<sup>222</sup>;

— установлен специальный порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономики<sup>223</sup>;

— установлен прямой запрет законодателя на применение заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ст. 159–159<sup>3</sup>, 159<sup>5</sup>, 159<sup>6</sup>, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст. 171–174, 174<sup>1</sup>, 176–178, 180–183, 185–185<sup>4</sup>, 190–199<sup>4</sup> УК РФ, при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ;

— отдельные составы преступлений (ст. 159 ч. 1–4 159<sup>1</sup>–159<sup>3</sup>, 159<sup>5</sup>, 159<sup>6</sup>, 160, 165, 176 ч. 1, 177, 180, 185<sup>1</sup>, 201 ч. 1 УК РФ, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельно-

---

отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» // *Собрание законодательства РФ*. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4799.

<sup>221</sup> Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ (ред. от 5 апреля 2016 г.) «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2015. № 24. Ст. 3367.

<sup>222</sup> Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4258.

<sup>223</sup> Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности».

сти, при условии, если этими преступлениями не причинен ущерб государственным или муниципальным интересам), имеющие отношение к предпринимательской, иной хозяйственной деятельности переведены в категорию частно-публичного обвинения<sup>224</sup>;

— уточнена совокупность недопустимых доказательств, теперь к числу недопустимых относятся доказательства, содержащие сведения о представлении подозреваемым, обвиняемым специальной декларации, и (или) указанная декларация и сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, за исключением случаев представления декларантом копий указанных декларации и документов и (или) сведений для приобщения к уголовному делу, а также о факте указания подозреваемого, обвиняемого в специальной декларации, представленной иным лицом либо сведения о подозреваемом, обвиняемом, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, за исключением случаев представления декларантом копий указанных декларации и документов и (или) сведений для приобщения к уголовному делу<sup>225</sup>;

— из числа поводов к возбуждению уголовного дела исключен факт представления специальной декларации в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации.

Производство по уголовным делам, особенно в досудебных стадиях, сопровождается применением широкого спектра принудительных мер. В их числе — меры по ограничению права собственности на имущество, включая необходимое для проведения эффективной хозяйственной деятельности. Наиболее часто в этом направлении применяется такая мера процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество.

---

<sup>224</sup> Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // *Официальный интернет-портал правовой информации* – <http://www.pravo.gov.ru>.

<sup>225</sup> Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // [www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

Этот уголовно-процессуальный институт отличается неоднозначностью с теоретической точки зрения и правовой неопределенностью с точки зрения законодательного закрепления. Так, в частности, ст. 115, 115<sup>1</sup> УПК РФ расположены в гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения». В то же время правила применения этой меры принуждения находятся в ст. 165 УПК РФ, определяющей порядок получения судебного решения на производство следственных действий. Закономерен вопрос: наложение ареста на имущество — мера принуждения или следственное действие? Или то, и другое? Наука уголовного процесса по этому вопросу пока однозначного подхода не выработала<sup>226</sup>.

Отметить нужно и значимость этой меры принуждения, которая обусловлена не только ее уголовно-процессуальным характером, но и экономическим, и социальным. Так, наложение ареста на имущество в виде земельных участков (в том числе сельскохозяйственного назначения), зданий и сооружений производственного назначения, акции и иные ценные бумаги, банковские счета юридических лиц существенно ограничивают права предпринимателей, ведут к системным сбоям в цепочках поставщик-получатель, производитель-потребитель и др. Имущественные убытки, зачастую весьма существенные, несут не только лица, в отношении которых эти меры непосредственно приняты, но и те, что находятся с ними в обязательственных и иных отношениях гражданско-правового характера.

В этом плане представляются важными вопросы обеспечения прав предпринимателей в случае наложения ареста на имущество, разумность определения сроков наложения ареста на имущество и их дальнейшего продления, а также защита прав лиц, не входящих в число непосредственных участников уголовного судопроизводства, на чье имущество был наложен арест, обеспечение прав предпринимателей при производстве следственных и, особенно, иных процессуальных действий, сопровождающихся изъятием предметов и документов, контрагентов предпринимателей в хозяйственной деятельности и т. д. Многие из этих вопросов не являются предметом регулирования уголовно-процессуального права, что снижает

<sup>226</sup> См., об этом: Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2 (61). С. 18-24; Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. М., 2017. С. 18, 40 и др.

общий уровень правовой защищенности предпринимательства в уголовном судопроизводстве.

Неясности и противоречия действующего уголовно-процессуального законодательства усугубляют ситуацию в части правообеспечения. Поэтому высшая судебная инстанция предприняла шаги по разъяснению ряда законодательных положений. В частности, в 2019 г. Верховным Судом Российской Федерации был подготовлен и опубликован обзор судебной практики, по вопросам наложения ареста на имущество<sup>227</sup>.

Ряд положений уголовно-процессуального закона в части регулирования наложения ареста на имущество стали предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который сформировал правовую позицию, в соответствии с которой решения (о наложении ареста на имущество в целях обеспечения иска, продление действия этой принудительной меры) принятые в досудебном производстве, требуют обоснования имеющимися доказательствами, подлежащими судебной проверке и оценке<sup>228</sup>.

Тем не менее, правоприменительная практика демонстрирует неудовлетворительное состояние законности и уровня обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в случае применения этой меры процессуального принуждения. В этой части уместно привести один из многочисленных примеров несоблюдения органами предварительного расследования и судом предписаний федерального законодательства при наложении ареста на имущество.

Судом вынесено решение об удовлетворении ходатайства следователя о наложении ареста на расчетный счёт ООО «...» в Западно-Сибирском банке ПАО «Сбербанк» г. Тюмени, в порядке ч. 1 ст. 115 УК РФ, для обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий. Решение обжаловано в апелляционную инстанцию. В обоснование доводов указывается, что судом наложен арест не на денежные средства лица, привлеченного к уголовной

<sup>227</sup> Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 г.) // ИПШ «Гарант».

<sup>228</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой» // <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionno-suda-rf-ot-17042019-n-18-p-po/> (дата обращения: 28.09.2020).

ответственности в качестве обвиняемого, а на денежные средства, находящиеся на расчетном счете юридического лица, которое не отвечает по обязательствам своих учредителей. Апелляционная инстанция, рассмотрев жалобу, установила, что суд первой инстанции не учёл положения ч. 2 ст. 56 ГК РФ, согласно которым юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законодательством, поэтому наложение ареста на расчетный счет ООО «...» является незаконным<sup>229</sup>.

Еще один пример судебного решения уже вынесенного в апелляционной инстанции, содержит интересные для научного обсуждения выводы: причастность к совершению преступления лица, чье имущество подлежит аресту, и необходимость наложения ареста на это имущество в стадии предварительного расследования могут носить характер «обоснованных предположений»<sup>230</sup>, тогда как в стадии судебного разбирательства по существу, эти выводы (включая определение необходимости сохранения обеспечительных мер) должны основываться на исследованных доказательствах и быть доказанными, а не предполагаемыми.

Складывающаяся судебная практика убеждает в том, что некорректность законодательства в части регулирования порядка наложения ареста на имущество порождает ошибки судов различных судебных инстанций, причиняет существенный вред хозяйственной деятельности. При этом отметим, что уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает никаких правовых последствий компенсационного характера в случае установления нарушений в действиях органов уголовного преследования и суда при избрании мер процессуального принуждения, в частности ареста имущества, продления сроков их действия и наступления вредных последствий.

На наш взгляд, особенно важным фактором в этой части выступает то обстоятельство, что устранение ошибок, которое обычно происходит на этапах пересмотра судебных решений вышестоящими судебными инстанциями, в указанных случаях происходит менее эффективно, чем хотелось бы. Причину мы видим в том, что уголовно-процессуальный закон не предусматривает необходимых

<sup>229</sup> Суд Ямало-Ненецкого автономного округа. 2019. Апелляционное постановление по уголовному делу № 22 К-530.

<sup>230</sup> Решение Таганрогского городского суда Ростовской области № 2-1403/2019 от 30 мая 2019 г. // <https://sudact.ru/regular/doc/>.

и достаточных правил, обеспечивающих системность предъявляемых требований к процедуре и результатам апелляционного, в частности, пересмотра решений о применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве.

Полагаем, что в числе необходимых должны быть законодательные требования, обращенные:

— к совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию судом первой инстанции при определении необходимости наложения ареста на имущество, продления сроков его действия и обстоятельствам, проверяемым судом апелляционной инстанции. В этой части законодателю необходимо скорректировать одно из основных звеньев в системе наложения ареста на имущество — определение правового статуса лица, на чье имущество может быть наложен арест и его правовое отношение к этому имуществу<sup>231</sup>, а также решить законодательным образом проблему соразмерности имущества подлежащего аресту и возможного имущественного ущерба (иного вреда);

— к способам доказывания, включая полномочия суда по инициативному выяснению при помощи доказательств фактов и обстоятельств, необходимых ему для вынесения законного и обоснованного решения;

— к срокам принятия судебного процессуального решения;

— к наделению правами заинтересованных лиц, включая право на обжалование судебного решения, принятого судом первой инстанции;

— предусмотреть компенсационные механизмы в случаях причинения ущерба имуществу, иным законным интересам лиц, пострадавших в результате незаконности принятых судебных решений. Наделить суды апелляционной инстанции принимать решение об их применении.

Отсутствие этих положений лишают апелляционную инстанцию действенных мер по обеспечению прав и законных интересов лиц, на имущество которых налагается арест, причиняет вред охраняемым законом социальным ценностям, вносит элементы деструктивности в экономические отношения.

Таким образом, подводя итог, отметим основное:

<sup>231</sup> См. об этом, напр.: *Гладышева О.В., Потапенко С.В., Семенцов В.А.* Уголовно-процессуальные средства обеспечения имущественных и личных неимущественных прав: монография / под общей ред. проф. В.А. Семенцова. Краснодар, 2020. С. 135–138 и др.

— пересмотр законности и обоснованности судебных решений о применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве выступает основным способом защиты и восстановления прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и иных лиц, чьи интересы могут быть затронуты указанными решениями;

— проблемы принятия и проверки указанных решений, продемонстрированные на примере наложения ареста на имущество, убеждают в необходимости кардинального изменения подхода законодателя к регулированию соответствующих процедур, требующего более тщательного и взвешенного законодательного регулирования правил процессуальной деятельности;

— проверка решения о наложении ареста на имущество в апелляционной инстанции должна охватывать установление судом первой инстанции необходимых фактических обстоятельств, на основании доказательств, а также выполнение указанным судом правил доказывания.

#### Список литературы:

1. Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2 (61). С. 18–24.

2. Гладышева О.В., Потапенко С.В., Семенцов В.А. Уголовно-процессуальные средства обеспечения имущественных и личных неимущественных прав: монография / под общей ред. проф. В. А. Семенцова. Краснодар, 2020. 232 с.

3. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 г.) // ИПП «Гарант».

4. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. М., 2017. 256 с.

Чечетин А.Е., Chechetin A.E.  
Шатохин И.Д., Shatokhin I.D.<sup>232</sup>

#### Проверка законности и обоснованности судебных решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий

#### Checking the legality and validity of court decisions on the conduct of operational-search activities

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема законодательного регулирования процедуры обжалования судебных решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, анализируются проекты законодательных актов по этому вопросу и предлагаются варианты их совершенствования.

**Ключевые слова:** судебное решение, оперативно-розыскное мероприятие, Конституционный Суд Российской Федерации.

**Abstract.** The article discusses the problem of legislative regulation of the procedure for appealing court decisions on conducting operational-search measures, analyzes draft legislative acts on this issue and offers options for their improvement.

**Keywords:** court decision, operational-search measure, Constitutional Court of the Russian Federation.

Проверка законности и обоснованности судебных решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), ограничивающих конституционные права граждан, в настоящее время носит весьма проблемный характер. Основной причиной этого является отсутствие законодательного механизма обжалования

<sup>232</sup> Чечетин Андрей Евгеньевич, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Andrey E. Chechetin, Professor of the Department of Operational-Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Шатохин Иван Дмитриевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России.

Ivan D. Shatokhin, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

таких решений. Так, ст. 9 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), регламентирующая порядок вынесения судебных решений об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ, не предусматривает даже самой возможности обжалования таких судебных актов. Указанный закон в части третьей ст. 5 закрепляет право заинтересованных лиц на обжалование лишь действий должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, но не судебных решений, на основании которых такие действия могли осуществляться.

Об актуальности затронутой проблемы свидетельствуют многочисленные жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд) на нормы Закона об ОРД, в которых ставился вопрос о невозможности оспорить судебные решения на проведение ОРМ. Особого внимания при этом заслуживают жалобы от лиц, которые став объектами оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), впоследствии не получили статуса обвиняемых в уголовном судопроизводстве, а потому у них появляется повод для оспаривания законности и обоснованности ограничения из прав.

Так, проходивший свидетелем по уголовному делу гр. И. оспорил в кассационном порядке в президиум областного суда законность судебного постановления на прослушивание его телефонных переговоров. Однако в рассмотрении его обращения было отказано со ссылкой на то, что данное постановление суда самостоятельному обжалованию не подлежит, а его законность и обоснованность может быть проверена только одновременно с итоговым судебным решением. При этом автору обращения было разъяснено, что он вообще не относится к лицам, имеющим право на обращение в суд кассационной инстанции<sup>233</sup>. Отсюда следует, что судья областного суда, давший такой ответ, исходил из абсолютной невозможности обжалования заявителем судебного разрешения на проведение ОРМ.

Другая заявительница, которой также не предъявлялось какого-либо обвинения, оспорила законность судебного решения на проведение гласного обследования ее жилища вначале в суд субъекта Российской Федерации, а затем в Верховный Суд России. Обе

<sup>233</sup> Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 3025-О // <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision221354.pdf> (дата обращения: 11.10.2020).

жалобы были возвращены без рассмотрения. В первом случае ей было разъяснено, что обжалование постановления судей на проведение ОРМ в апелляционном порядке ни УПК РФ, ни Законом об ОРД не предусмотрено. Второй ответ за подписью ведущего консультанта Верховного Суда гласил, что, промежуточные судебные решения могут обжаловаться только одновременно с итоговым судебным решением. Исходя из таких ответов, заявительница справедливо поставила вопрос о нарушении своего права на судебную защиту.<sup>234</sup> Такие примеры весьма типичны для правоприменительной практики, и их можно привести множество как из жалоб в Конституционный Суд, так и из юридической прессы<sup>235</sup>.

Учитывая отсутствие прямых законодательных предписаний о порядке обжалования судебных решений о проведении ОРМ Конституционный Суд в своих определениях сформулировал правовую позицию о том, что право на судебную защиту не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах и выступает как гарантия в отношении всех конституционных прав и свобод, а потому гражданин не лишается права на обжалование как самих судебных решений на проведение ОРМ, так и действий органов, осуществляющих ОРД<sup>236</sup>. Вместе с тем Конституционным Судом указывалось на особенность процедуры получения судебного разрешения на проведение ОРМ, на которую не распространяются в полной мере правила, действующие в судебном разбирательстве по уголовному делу, поскольку в ней не может быть открытости, гласности и состязательности сторон в силу негласного характера ОРМ, а судебное решение вступает в силу непосредственно после его вынесения. В связи с этой особенностью у проверяемого лица не возникает право на оспаривание судебного решения в апелляционном порядке, что не исключает возможность подачи жалобы в порядке надзорного производства<sup>237</sup>. В своих последующих решениях Конституционный Суд указывал на недопустимость оставления без рассмотрения

<sup>234</sup> Архив Конституционного Суда Российской Федерации. Материалы обращения №2376/15-01/17 от 01.03.2017 г.

<sup>235</sup> См.: Колоколов Н. Секретно = неподконтрольно // «ЭЖ-Юрист» №13 (964) 2017 – <https://www.eg-online.ru/article/340525/> (дата обращения: 11.10.2020).

<sup>236</sup> Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2008 г. № 460-О-О // <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision17501.pdf> (дата обращения: 11.10.2020).

<sup>237</sup> Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1809-О-О // <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision86986.pdf> (дата обращения: 11.10.2020).

кассационной жалобы на судебное решение о проведении ОРМ, если заявитель не смог представить его заверенную копию.<sup>238</sup> Таким образом, органом конституционного контроля признается возможность обжалования таких судебных решений в уголовно-процессуальном порядке, предусмотренном для кассационного и надзорного производства.

Верховный Суд Российской Федерации по этому вопросу также определил свою позицию, которая нашла отражение в Информации о рассмотрении судами материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ от 5 июня 2014 г. № 9/5829. В этом документе, который не публиковался в официальных изданиях, со ссылкой на решения Конституционного Суда было разъяснено, что постановление судьи о разрешении проведения ОРМ может быть обжаловано в вышестоящий суд в порядке глав 47<sup>1</sup> и 48<sup>1</sup> УПК РФ, т. е. в кассационном и надзорном порядке. Признавая полезность такого разъяснения, нельзя вместе с тем не отметить, что оно, все же не носит нормативного характера, а потому не решает обозначенной нами проблемы.

Нельзя также не отметить, что на отсутствие в Российской Федерации правового механизма обжалования судебных решений на проведение ОРМ указывалось в качестве главного аргумента нарушения прав заявителя в Постановлении ЕСПЧ по делу «Аванесян против Российской Федерации».<sup>239</sup>

В 2018 г. Минюст России отреагировал на это решение ЕСПЧ законопроектом о дополнении Закона об ОРД статьей 9<sup>1</sup>, которая предусматривала бы особый порядок обжалования судебных решений на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан. Авторами проекта, в частности, предлагалось установить месячный срок для подачи жалобы с момента обнаружения заинтересованным лицом факта проводившегося ОРМ, 15-суточный срок рассмотрения жалобы, определялся круг участников судебного заседания, включающий заявителя, прокурора и представителя органа, осуществляющего ОРД, закреплялась обязанность предоставления судье оперативно-служебных материалов, послуживших пово-

<sup>238</sup> Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2898-О // <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision221030.pdf>. (дата обращения: 11.10.2020).

<sup>239</sup> Постановление ЕСПЧ от 18 сентября 2014 г. «Аванесян (Avanesyan) против Российской Федерации» (Жалоба № 41152/06) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

дом к принятию судебного решения, а также перечислялись виды решений по результатам рассмотрения жалобы. Этот проект, на наш взгляд, несмотря на некоторые недостатки, был весьма прогрессивным, поскольку основывался на концепции дифференцированного подхода к процедуре обжалования судебных решений, принятых в досудебной стадии уголовного судопроизводства, однако по каким-то причинам он не нашел поддержки у уполномоченных должностных лиц и не был внесен на рассмотрение Государственной Думы.

Вместо него в сентябре 2020 г. на федеральном портале проектов нормативно-правовых актов появился новый законопроект о внесении изменений в статьи 5 и 9 Закона об ОРД, который кардинально отличается от предыдущего. Его содержание демонстрирует отказ разработчика от прежней концепции особого порядка рассмотрения жалоб на судебные решения о проведении ОРМ, поскольку предлагается дополнить ст. 9 Закона об ОРД лишь новой частью, закрепляющей возможность обжалования таких решений в уголовно-процессуальном порядке. При этом отдельным Федеральным законом предполагается одновременно внести дополнение в ст. 125 УПК РФ, предписывающее производить такое обжалование в соответствии с ч. 1 ст. 127 УПК РФ<sup>240</sup>.

На наш взгляд, разработчики последнего проекта задают далеко не лучший путь разрешения рассматриваемой проблемы, поскольку конструируют правовой механизм обжалования на основе одних отсылочных норм, способных запутать не только субъектов права на судебную защиту, но и самих правоприменителей. Во-первых, возникает, вопрос о целесообразности дополнения ст. 125 УПК РФ нормой, отсылающей к ст. 127 УПК РФ, которая сама является отсылочной, а потому не проще ли было это положение сразу включить в статью, на которую делается ссылка?

Во-вторых, отсылка к ч. 1 ст. 127 УПК РФ предписывающей рассматривать жалобы на промежуточные судебные решения, в том числе, в порядке гл. 45<sup>1</sup> УПК РФ, противоречит упомянутой выше правовой позиции Конституционного Суда о специфическом характере судебных решений в сфере ОРД, вступающих в силу непосредственно после их принятия, а потому исключających возможность обжалования таковых в апелляционном порядке. Не согласуется такая отсылка и с позицией Верховного Суда РФ, изложенной

<sup>240</sup> <https://regulation.gov.ru/projects#nra=108737> (дата обращения: 11.10.2020)

в упомянутой нами Информации о рассмотрении судами материалов об ограничении конституционных прав граждан, рекомендуемой использовать для обжалования таких судебных решений порядок, установленный главами 47<sup>1</sup> и 48<sup>1</sup>, а не 45<sup>1</sup> УПК РФ. Исходя из этого, если согласиться с концепцией проекта, более логичным было бы дополнить ст. 127 УПК РФ частью третьей, предписывающей жалобы на судебные решения о проведении ОРМ приносить в порядке глав 47<sup>1</sup> и 48<sup>1</sup> УПК РФ.

В-третьих, и это главное, порядок судопроизводства, предусмотренный главами 47<sup>1</sup> и 48<sup>1</sup> УПК РФ, сам по себе представляется весьма громоздким и не приспособленным для проверки законности и обоснованности рассматриваемого нами вида судебных решений. О его неэффективности для решения задачи судебного контроля в сфере ОРД можно судить не только по жалобам граждан в Конституционный Суд, но и по выступлениям представителей адвокатского сообщества, которые не могут понять механизм оспаривания судебных решений о проведении ОРМ. Так, в одной из интернет-публикаций описывался эксперимент, в ходе которого в Верховный Суд России были направлены три одинаковых жалобы на аналогичные судебные решения о проведении гласного обследования жилых помещений с небольшим временным интервалом, чтобы они попали на рассмотрение к разным судьям. В итоге были получены три разных ответа. Один судья вернул жалобу без рассмотрения, мотивировав это отсутствием заверенной копии обжалуемого судебного акта. Второй судья дал ответ, что такие судебные решения не подлежат обжалованию. И лишь третий судья, рассмотрев жалобу по существу, согласился с доводами заявителей, отменил обжалуемое решение и направил материалы на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции. Однако это решение, принятое в соответствии с положениями ст. 401<sup>14</sup> УПК РФ, создало в свою очередь тупиковую ситуацию для суда первой инстанции, который должен был решить вопрос о возможности выдачи разрешения на проведение ОРМ, завершеного более года назад<sup>241</sup>.

Приведенный пример свидетельствует не только об отсутствии единого понимания порядка рассмотрения жалоб на судебные решения, выносимые в сфере ОРД, даже среди судей Верховного Суда, но и о непригодности общей уголовно-процессуальной

процедуры кассационного обжалования применительно к рассматриваемым нами судебным решениям, которые весьма специфичны по своей природе.

На основании изложенного нельзя не согласиться с обсуждаемой в кругах процессуалистов идеей о необходимости дифференциации производств по различным видам промежуточных судебных решений, к числу которых относятся, в том числе, и судебные решения о проведении ОРМ. Разработчикам же законопроектов, направленных на разрешение затронутой нами проблемы, следовало бы порекомендовать вернуться к первоначальному варианту, поскольку предлагавшийся в нем механизм обеспечения конституционного права на судебную защиту более прозрачен и доступен для участников оперативно-розыскных отношений.

#### Список литературы:

1. Архив Конституционного Суда Российской Федерации. Материалы обращения №2376/15-01/17 от 01.03.2017 г.
2. *Брестер А.* Это очень тяжелый «пинг-понг», в который почти нет шансов выиграть // <https://academia.ilpp.ru/obzhalovanie-orm/> (дата обращения: 11.10.2020).
3. *Колоколов Н.* Секретно = неподконтрольно // «ЭЖ-Юрист» №13 (964) 2017 — <https://www.eg-online.ru/article/340525/> (дата обращения: 11.10.2020).

<sup>241</sup> *Брестер А.* Это очень тяжелый «пинг-понг», в который почти нет шансов выиграть // <https://academia.ilpp.ru/obzhalovanie-orm/> (дата обращения: 11.10.2020).

## Проверка и оценка допустимости доказательств в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанции

### Verification and assessment of the admissibility of evidence in the court of appeal, cassation and supervisory instance

**Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные вопросы проверки и оценки допустимости доказательств в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанции.

**Ключевые слова:** доказательства, допустимость, апелляция, кассация, надзор.

**Abstract.** The article discusses topical issues of verification and assessment of the admissibility of evidence in the court of appeal, cassation and supervisory instance.

**Keywords:** evidence, admissibility, appeal, cassation, supervision.

Основная деятельность суда и сторон по проверке и оценке доказательств приходится на стадию судебного разбирательства, на суд первой инстанции. Результаты такой оценки могут быть рассмотрены в стадиях производства в суде апелляционной инстанции, пересмотра в суде кассационной инстанции, производства в надзорной инстанции.

Наибольшие возможности по проверке и оценке допустимости доказательств предоставляет производство в суде апелляционной инстанции: во-первых, предметом проверки решений суда первой инстанции является как их законность, так и обоснованность; во-вторых, проверка допустимости доказательств в ходе судебного следствия на данной стадии аналогична (за определенными изъятиями) с аналогичной проверкой в суде первой инстанции. В связи с этим целесообразно вначале хотя бы кратко проанализировать и попытаться дать ответ на спорные вопросы, возникающие в ходе проверки и оценки доказательств на стадии апелляционного производства, что прояснит многие вопросы проверки оценки допустимости доказательств на стадии кассационного и надзорного производства.

<sup>242</sup> Белоковылский Максим Сергеевич, адвокат Первомайской коллегии адвокатов г. Ижевска.

Maxim S. Belokovytsky, Attorney of the Pervomaisky Collegium of Izhevsk.

Ревизионное начало, закрепленное в главе 45<sup>1</sup> УПК РФ (ч. 1 ст. 389<sup>19</sup> УПК РФ, выразившееся в несвязанности суда доводами апелляционной жалобы, представления и его праве проверять производство по уголовному делу в полном объеме, ограниченное лишь запретом на ухудшение положения лиц, вопрос об ухудшении положения которых не ставился в апелляционной жалобе или представлении (ст. 389<sup>24</sup> УПК РФ), позволяет проверять, в том числе, и допустимость доказательств по уголовному делу без каких-либо ограничений.

Осуществляя проверку производства по делу, суд апелляционной инстанции, в силу ч. 4 ст. 88 УПК РФ, должен проверять проверку и оценку допустимости доказательств как по ходатайству сторон (содержащихся в рамках апелляционного производства в основном в апелляционных жалобах и представлениях), так и по собственной инициативе.

Таким образом, проверив и произведя оценку тех доказательств, на ошибочное решение суда первой инстанции по этому вопросу ссылались стороны в своих апелляционных жалобах или представлениях, суд вправе (а применительно к наделенному полномочиями государственному органу слово «вправе» имеет значение «обязан») проверить по критерию допустимости и иные доказательства.

Однако проверять, в том смысле, в каком это предусматривает ст. 87 УПК РФ, суду по собственной инициативе суда все доказательства, положенные в основу приговора — нереально, либо, по меньшей мере, сверхзатратно по временным и материальным ресурсам. В этом случае достаточно часто употребляемая в апелляционных определениях фраза: «Все положенные в основу приговора доказательства получены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, согласуются между собой и обоснованно признаны судом достоверными и допустимыми. Оценив собранные по делу доказательства в их совокупности, суд пришел к обоснованному выводу об их достаточности для разрешения дела»<sup>243</sup>, по сути, не более чем голая декларация, выдающая желаемое за действительное. Возникает вопрос: чем должен руководствоваться суд, осуществляя проверку и оценку допустимости доказательств по собственной инициативе?

<sup>243</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2019 № 4-АПУ19-44 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Представляется, что оптимальным решением, исключающим необходимость проводить тотальную проверку всех полученных в суде первой инстанции доказательств, будет являться презумпция соблюдения процессуальной формы при получении доказательств с надлежащим процессуальным оформлением (внешней формы). Если же налицо несоблюдение требований такого оформления, или хотя бы имеются сомнения по поводу надлежащего процессуального оформления, то суд и без наличия ходатайства сторон обязан инициировать процедуру проверки и оценки того конкретного доказательства по критерию допустимости.

Если же ходатайство о признании доказательства недопустимым заявляет невластный участник процесса (чаще всего со стороны защиты), то вступает в силу презумпция недопустимости оспоренных стороной доказательств<sup>244</sup>.

Поскольку предметом судебной проверки в суде апелляционной инстанции является законность и обоснованность обжалуемого судебного акта, то и решения суда по вопросам допустимости доказательств также могут являться предметом такой проверки.

Ряд авторов высказывались в пользу законодательного предложения о самостоятельном апелляционном обжаловании судебных решений (постановлений), принятых по вопросам допустимости доказательств<sup>245</sup>.

Данные предложения идут вразрез как с положением ч. 5 ст. 355 УПК РФ, так и с правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенного в Постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жа-

<sup>244</sup> Презумпция, предложенная профессором А.В. Смирновым названа им «презумпцией недопустимости оспоренных стороной защиты доказательств в суде». Между тем, доказательство может оспорить любой участник процесса, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, кроме прокурора. Представляется, что предложенное профессором А.В. Смирновым название данной презумпции не вполне точно; представляется, что название это обусловлено наиболее типичными случаями оспаривания допустимости доказательств и неуниверсальным тезисом о позиционной солидарности каждой из сторон уголовного судопроизводства. (См.: *Смирнов А.В.* Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2018. С. 188)

<sup>245</sup> См., напр.: *Горбачев А.В.* Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11, 22; *Понятовская Т.Г.* Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996. С. 142–143.

лобами ряда граждан»<sup>246</sup>. В указанном Постановлении Конституционный Суд РФ признал не противоречащим Конституции установленное в целях обеспечения независимости судей при осуществлении ими уголовного судопроизводства правило, согласно которому «большинство решений, которые суд первой инстанции выносит в ходе судебного разбирательства, не подлежат кассационному обжалованию (представляется, что с введением в отечественный уголовный процесс апелляционного производства сформулированная Конституционным Судом РФ правовая позиция сохраняет свое значение и применительно к апелляционному обжалованию — М. Б.) и могут быть проверены в кассационном порядке лишь одновременно и в связи с приговором». В вынесенном спустя три года Определении № 129-О от 15 мая 2001 г.<sup>247</sup> Конституционный Суд РФ подтвердил данную позицию, конкретизировав его применительно к решениям по вопросу допустимости доказательств, подчеркнув, что оценка доказательств по критерию допустимости до вынесения итогового решения по делу «означала бы вмешательство в деятельность суда и приводила бы к нарушению его независимости (ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации)».

Допущенные судом первой и (или) апелляционной инстанции ошибки могут стать основанием для отмены или изменения приговора (иного итогового судебного акта).

В целом правильной представляется позиция В. В. Золотых, на основе анализа норм УПК РСФСР 1960 г. выделявшего следующие две группы ошибок, связанные с оценкой допустимости доказательств, ведущих к отмене или изменению принятых по делу судебных постановлений: 1) ошибочное исключение из разбирательства допустимых доказательств, которые могут иметь существенное значение для исхода дела; 2) исследование в судебном заседании недопустимых доказательств, если это могло иметь существенное значение для исхода дела<sup>248</sup>.

С учетом нововведений уголовно-процессуального законодательства, происшедших с момента издания монографии В. В. Золо-

<sup>246</sup> Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 28. Ст. 3393.

<sup>247</sup> Определение Конституционного Суда РФ №129-о от 15.05.2001 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Евстигнеева Юрия Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 31 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Справочная правовая система «Консультант Плюс.

<sup>248</sup> См.: *Золотых В.В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону, 1999. С. 265–266.

тых, в частности, новой (по сравнению со ст. 345 УПК РСФСР 1960 г.) редакцией перечня безусловных оснований отмены судебного решения (ч. 2 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ 2001 г.), классификация ошибок судов первой и (или) апелляционной инстанции, связанных с обеспечением допустимости доказательств, ведущих к отмене или изменению принятых по делу судебных постановлений, по нашему мнению, будет выглядеть следующим образом:

1) Обоснование приговора (иного итогового судебного акта) доказательствами, признанными судом недопустимыми (п. 9 ч. 2 ст. 389<sup>17</sup> УПК)<sup>249</sup>.

2) Исследование в судебном заседании недопустимых доказательств, если это повлияло или могло повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора (иного итогового судебного акта).

3) Ошибочное исключение из разбирательства допустимых доказательств, если это повлияло или могло повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора (иного итогового судебного акта).

4) Неправомерный отказ суда в удовлетворении ходатайства стороны о производстве судебных и иных процессуальных действий, направленных на получение доказательств, мотивированный незаконностью указанных действий, могущих, по мнению суда, привести к недопустимости полученных в ходе их производства доказательств, если указанные доказательства могли повлиять на выводы приговора (иного итогового судебного акта).

Объектом проверки и оценки допустимости в стадии апелляционного производства являются следующие категории доказательств: 1) доказательства, полученные на досудебных стадиях производства по делу, но не имевшие статуса судебных доказательств при рассмотрении дела в суде первой инстанции, к каковым можно отнести доказательства, признанные судом первой инстанции недопустимыми; 2) доказательства, собранные в ходе производства судебных и иных процессуальных действий в суде первой

<sup>249</sup> Представляется, что неопределенность в вопросе, признанные какой судебной инстанцией недопустимые доказательства имел здесь в виду законодатель, на которую указывали отдельные авторы, мнимая. Представляется, что употребляя термин «суд», законодатель и в ранее действовавшем п. 9 ч. 2 ст. 381 и в ныне действующем п. 9 ч. 2 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ имел в виду суд первой инстанции, ошибкам которого посвящена вся вторая часть указанной статьи. (См.: Головкин В. Л. Апелляционное производство по уголовным делам в Российской Федерации (проблемы и пути решения): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 24).

инстанции; 3) доказательства, собранные посредством производства судебных и иных процессуальных действий в суде апелляционной инстанции.

Какова должна быть процедура признания доказательства недопустимым в суде апелляционной инстанции? Представляется, то так же, как в суде первой инстанции, а именно: 1) ставить вопрос о проверке и оценке допустимости доказательств следует лишь сразу же, как только появился процессуальный повод: ходатайство стороны или усмотрение суда; 2) результаты рассмотрения ходатайства следует отражать в отдельном решении (постановлении или определении); 3) в том случае, если суд пришел к выводу о недопустимости доказательства в совещательной комнате при постановлении итогового судебного акта, ему следует возобновить судебное следствие, поставить перед сторонами на обсуждение вопрос о допустимости вызывающего сомнение доказательства и основания такого обсуждения; при убеждении суда в недопустимости доказательств суду следует вынести отдельное решение (постановление или определение) об исключении доказательства; 4) после исключения доказательства для соблюдения принципа состязательности сторон необходимо представить сторонам возможность внести изменения в свою систему аргументации, представить новые доказательства либо ходатайствовать перед судом о содействии в их получении (путем производства судебных или иных процессуальных действий); лишь после исследования дополнительных доказательств, в том случае, если стороны желали получения новых, призванных заместить исключенные, доказательства, возможен переход к этапам судебных прений и постановления итогового судебного акта<sup>250</sup>.

В связи с этим изъятие из запрета на исследование новых доказательств в суде апелляционной инстанции, закрепленного в п. 6 ст. 389<sup>13</sup> УПК РФ, следует трактовать распространительно. Представляется также, что при переоценке судом допустимости доказательств, ранее оцененных по данному критерию судом первой инстанции, принцип состязательности требует, предоставить возможность сторонам представить новые доказательства или ходатайствовать перед судом о содействии в их получении для того, чтобы

<sup>250</sup> Подробнее об этом применительно к производству в суде первой инстанции см.: Кучко В. Г., Белоковильский М. С. Спорные вопросы проверки и оценки судом первой инстанции допустимости доказательств на стадии судебного разбирательства // Рос. юстиция. 2009. № 2. С. 53–56.

иметь возможность полноценно отстаивать свою позицию в условиях изменившейся доказательственной базы. В противном случае на ту или иную сторону легли бы неблагоприятные последствия ошибки суда первой инстанции в оценке допустимости доказательств, что идет вразрез с требованием справедливого судебного разбирательства.

#### Список литературы:

1. *Головков В.Л.* Апелляционное производство по уголовным делам в Российской Федерации (проблемы и пути решения): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 30 с.
2. *Горбачев А.В.* Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: 2004. 24 с.
3. *Золотых В.В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону, 1999. 288 с.
4. *Кучко В.Г., Белоковельский М.С.* Спорные вопросы проверки и оценки судом первой инстанции допустимости доказательств на стадии судебного разбирательства // Рос. юстиция. 2009. № 2. С. 53–56.
5. *Понятовская Т.Г.* Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996. 232 с.
6. *Смирнов А.В.* Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2018. 240 с.

Никитина С.В.  
Nikitina S.V.<sup>251</sup>

#### Обоснованность судебных решений о наложении ареста на имущество, постановленных в досудебном производстве

#### Justification of court decisions on the seizure of property, decided in pre-trial proceedings

**Аннотация.** Обоснованность судебных решений — законодательное требование, подлежащее неукоснительному выполнению. Целесообразность предъявления такого требования очевидна. Однако наличие многих проблем (теоретического, правоприменительного, законодательного характера) затрудняет его выполнение, что негативно отражается на выполнении назначения уголовного судопроизводства, в том числе при наложении ареста на имущество физических и юридических лиц. Проблемы установления фактических обстоятельств обуславливают трудности оценки судебных решений в вышестоящих судебных инстанциях, при апелляционном и кассационном пересмотре. Автором на примере наложения ареста на имущество с применением методов системного анализа, обобщения, синтеза исследуется соответствующая часть уголовно-процессуального законодательства, решения высших судебных органов, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, научные мнения. В результате делаются выводы о необходимости совершенствования уголовно-процессуального закона, формируется совокупность конкретных предложений по оптимизации процедуры установления необходимых суду фактов и обстоятельств и повышения уровня обоснованности судебных решений.

**Ключевые слова:** обоснованность, доказательства, факты, суд, уголовное судопроизводство.

**Abstract.** The validity of court decisions is a legislative requirement that must be strictly followed. The expediency of such a requirement is obvious. However, the presence of many problems (theoretical, law enforcement, legislative) complicates its implementation, which

<sup>251</sup> Никитина Светлана Владимировна, судья Красноармейского районного суда. Краснодарский край, аспирант кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет.

Svetlana V. Nikitina, Judge of the Krasnoarmeyskiy District Court Krasnodar Territory, Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure, Kuban State University.

negatively affects the implementation of the purpose of criminal proceedings, including when the property of individuals and legal entities is seized. The problems of establishing the factual circumstances cause difficulties in assessing court decisions in higher courts, during the appeal and cassation review. The author examines the relevant part of the criminal procedure legislation, decisions of the highest judicial bodies, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, scientific opinions using the example of the seizure of property using the methods of system analysis, generalization, synthesis. As a result, conclusions are drawn about the need to improve the criminal procedure law, a set of specific proposals is formed to optimize the procedure for establishing the facts and circumstances necessary for the court and increasing the level of validity of court decisions.

**Keywords:** validity, evidence, facts, court, criminal proceedings.

Обоснованность представляет собой законодательное требование, обращенное ко всем без исключения судебным решениям (ч. 4 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). По вопросам о понятии обоснованности, ее значимости в уголовном судопроизводстве, содержании категории и практической реализации в процессуальной деятельности суда, иных субъектов уголовно-процессуальных отношений имеется множество научных исследований<sup>252</sup>, проведенных в различные исторические периоды.

В настоящее время это научное направление не остается без внимания ученых-процессуалистов. Активно разрабатываются вопросы соблюдения требования об обоснованности процессуальных решений, принятых на всех этапах уголовного судопроизводства<sup>253</sup>.

<sup>252</sup> См.: *Бажанов М.И.* Законность и обоснованность судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967; *Заблоцкий В.Г.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1971; *Адаменко В.Д.* Приговор и его изменение в кассации. Кемерово, 2000; *Лутинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010; *Ершова Н.С.* Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014; *Гриненко А.В.* Приговор суда первой инстанции как итоговый акт уголовного судопроизводства // Рос. судья, 2017. № 1. С. 29–32; *Манова Н.С., Пантелеева Е.В.* О сущности процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // Право: история и современность. 2020. № 2. (11). С. 110–111.

<sup>253</sup> *Трахов Р.А.* Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010; *Беляев М.В.* О взаимосвязи обоснованности судебных решений и доказывания в уголовном судопро-

Следует отметить интерес ученых к отдельным проблемам обоснованности<sup>254</sup>, а также обоснованности именно судебных решений, принятых по отдельным вопросам производства по уголовному делу<sup>255</sup>.

Особую актуальность в настоящее время приобретают вопросы обоснованности судебных решений, принятых в досудебном производстве, связанных с ограничениями конституционных прав граждан, включая применение мер процессуального принуждения. В этой сфере существует немало проблем теоретического и практического характера, в том числе и вопросов к обоснованности соответствующих судебных решений.

В традиционном научном представлении обоснованность связана с совокупностью доказательств, достаточных для установления необходимых фактов, обстоятельств, и соответствующего им процессуального, в том числе судебного решения<sup>256</sup>. Эта концептуальная линия продолжается и в настоящее время. Так, Р.А. Трахов пишет, что «процессуальное решение является обоснованным, если содержащиеся в нем выводы об обстоятельствах уголовного дела и (или) иных обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу, основаны на совокупности достаточных доказательств»<sup>257</sup>.

изводстве // Сб. ст. и материалов. Брянск, 2018. С. 49–57; *Беляев М.В., Качалова О.В.* Судебные решения в российском уголовном процессе: актуальные теоретические и практические проблемы // Правосудие. 2020. Т. 2. № 2. С. 49–66; *Гладышева О.В., Потапенко С.В., Семенцов В.А.* Уголовно-процессуальные средства обеспечения имущественных и личных неимущественных прав: монография / под ред. проф. В.А. Семенцова. Краснодар, 2020.

<sup>254</sup> *Шигуров А.В.* Ответственность судьи за обоснованность судебного решения, выносимого в особом порядке (гл. 40 УПК РФ) // Наука и современность. 2014. № 31. С. 241–246.

<sup>255</sup> *Виноградов В.А.* Обоснованность разрешения судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: тенденции и проблемы судебной практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 2. С. 107–113.

<sup>256</sup> Например, по мнению М.И. Бажанова обоснованность процессуального акта означает, что обстоятельства дела установлены с достаточной полнотой, доказательства достоверны, выводы в процессуальном акте вытекают из имеющихся доказательств, доказательства получены из надлежащих источников. (См.: *Бажанов М.И.* Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. С. 16.)

<sup>257</sup> *Трахов Р.А.* Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010, С. 8. Об этом же: «обоснованность приговора — это основанность на фактах; установленность соответствующим требованиям УПК РФ доказательствами фактических обстоятельств

О значении обоснованности также имеется множество научных точек зрения<sup>258</sup>.

Отметим одно, важное для нашего исследования, обстоятельство: в каждом случае раскрытия сущности категории обоснованности, определения ее значимости авторы ссылаются на взаимосвязь доказательства и доказывания. Так, есть позиция: «Чем выше необходимый уровень доказанности при принятии решения и чем четче регламентированы процедуры доказывания и принятия решения, тем выше степень обоснованности судебного решения»<sup>259</sup>.

Учитывая объемность, масштабность как самой категории, так и направлений исследований обоснованности в науке уголовного процесса обратим внимание лишь на небольшой сегмент, вызывающий наш интерес, исходя из собственных научных приоритетов — обоснованность судебных решений о наложении ареста на имущество.

В соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ при решении вопроса о наложении ареста на имущество суд должен указать конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение. Определяя порядок принятия судом решения о наложении ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми в уголовном деле либо лицами, несущими материальную ответственность за их действия, законодатель предусмотрел наложение ареста на их имущество исключительно *при наличии достаточных оснований* (курсив здесь и далее наш. — С. Н.) полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого<sup>260</sup>.

---

дела; полнота, совокупность и всесторонность рассмотрения доказательств» (См.: Еришова Н.С. Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8.

<sup>258</sup> См., напр.: «Обоснованность уголовно-процессуальных решений является необходимым элементом принципа законности в уголовном судопроизводстве и права на справедливое судебное разбирательство»: Каблуков И.В. Соотношение понятий «обоснованность процессуальных решений» и «достаточность доказательств» в уголовном судопроизводстве // Доклады Башкирского университета. 2016. Т. 1. № 4. С. 836–841.

<sup>259</sup> Беляев М.В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 18.

<sup>260</sup> Кроме того, основаниями является использование или предназначение для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности

Для разъяснения практики применения имеющегося законодательства Пленум Верховного Суда РФ дал свои рекомендации, в которых повторил формулировку о наличии достаточных оснований<sup>261</sup>.

В части рассмотрения вопросов обоснованности судебного решения о наложении ареста на имущество имеет смысл привести еще один значимый источник. В решениях Конституционного Суда Российской Федерации сформулирована следующая правовая позиция: арест на имущество налагается, если имеются «достаточные, подтвержденные доказательствами основания»<sup>262</sup>. Особенно важным в указанном контексте выступает постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. № 18-П, где правовая позиция сформулирована предельно четко: «наложение ареста на имущество в целях обеспечения иска, продление действия этой принудительной меры, ... — требуют обоснования *имеющимися доказательствами, подлежащими судебной проверке и оценке*».

Данная правовая позиция подлежит учету не только судом первой инстанции, при постановлении решения о наложении

---

(экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

<sup>261</sup> Постановление Пленума Верховного Суда от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»: «арест налагается «если есть достаточные основания полагать что оно (имущество. – С.Н.) получено в результате преступных действий либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)» // ИПП ГАРАНТ.

<sup>262</sup> См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 года № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена»; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 года № 471-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 года № 25-П» и от 24 апреля 2018 года № 878-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Эйдлена Марка Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 115<sup>1</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>.

ареста на имущество или продлении срока действия этой меры принуждения, но и апелляционной и иными вышестоящими судебными инстанциями при проверке обоснованности этих судебных решений. Ее содержание разрешает важную практическую проблему — определено конкретное основание для принятия решения о наложении ареста на имущество — это доказательства. Полагаем, что суть правовой позиции находится в полном соответствии с назначением уголовного судопроизводства, провозглашенным приоритетом защиты прав, свобод и законных интересов личности, а также иных участников уголовного судопроизводства.

Однако, эта же правовая позиция ставит новые проблемы перед правоприменительной деятельностью судов. В ст. 115 УПК РФ имеется отсылка к ст. 165 УПК РФ, как предусматривающей процедуру рассмотрения ходатайств о наложении ареста на имущество. Содержание ст. 165 УПК РФ содержит лишь фрагментарные правила процессуальной формы судебного заседания, предназначенного для рассмотрения ходатайства органов предварительного расследования и принятия судом решения о наложении ареста на имущество. В этих законодательных правилах отсутствует указание как на порядок проведения судебного заседания, включающего исследование доказательств, так и процедуры процессуальных действий, применением которых суд мог бы исследовать доказательства.

Судебная практика также расширяет количество задач, требующих в том числе и научного разрешения. Так, в одном из судебных решений кассационного суда общей юрисдикции указано, что отмена наложения ареста на имущество возможна только лицом или органом, в производстве которого находится уголовное дело и в чьи полномочия входят *установление и оценка фактических обстоятельств*<sup>263</sup>. Иными словами, речь идет о том, что не только применение, но и отмена решения о наложении ареста на имущество должна осуществляться на основании доказательств.

Приведенные обстоятельства позволяют сделать некоторые промежуточные выводы:

1) обоснованность, как требование, предъявляемое законодателем к судебным (и иным) процессуальным решениям, основыва-

ется на использовании доказательств при принятии этих решений, а также процедур, предназначенных для собирания, исследования, проверки доказательств;

2) доказательственная деятельность суда в досудебных стадиях регламентируется уголовно-процессуальным законом лишь отчасти. В сферу законодательного регулирования *не включены*:

— прямые требования о необходимости использовать при принятии процессуального судебного решения доказательства;

— полномочия суда по получению, исследованию и проверке доказательств;

— полномочия иных властных субъектов по представлению суду доказательств;

— права и обязанности заинтересованных лиц по аргументации (обоснованию) своей позиции при обсуждении вопроса о наложении ареста на имущество, определении ограничительных мер, а также при установлении срока ареста либо его продлении;

— процедуры судебного заседания в целом и отдельных его частей, необходимые для исследования доказательств;

3) правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации создают важную базу для формирования необходимого правового поля в регулировании обоснованности судебных решений о наложении ареста на имущество. Однако, они не являются достаточными для выполнения судом в полном объеме назначения уголовного судопроизводства в данной части. Необходимы комплексные и системные решения законодателя.

Применительно к определению возможных мер законодателя по урегулированию выявленных проблем можно предложить:

— уточнить формулировку ч. 1 ст. 115 УПК РФ: «... При решении вопроса о наложении ареста на имущество суд должен указать конкретные, фактические обстоятельства, которые были установлены в соответствии с требованиями гл. 11 настоящего Кодекса, на основании которых он принял такое решение, а также установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом»;

— изменить порядок судебного заседания, в рамках которого рассматривается и разрешается ходатайство органов предварительного расследования о наложении ареста на имущество. Прежде всего, из ч. 1 ст. 115 УПК РФ предлагаем исключить от-

<sup>263</sup> Кассационное определение СК по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2020 г. по делу № 7 У-3035/2020[77-694/2020].

сылку к ст. 165 УПК РФ<sup>264</sup>. Затем, установить, что порядок применения наложения ареста на имущество предусматривается ст. 108 УПК РФ с некоторыми особенностями. Так, следовательно, должностные лица обязаны представлять суду доказательства в подтверждение всех фактов, касающихся как необходимости наложения ареста на имущество, так и: права собственности на имущество определенных лиц, характера имущества, отсутствия/наличия обременений, возможной суммы ущерба и соответственно потенциального иска и т.д. Заинтересованные лица должны иметь права как на участие в судебном заседании, так и на представление материалов. Доказательства и представленные материалы суд должен исследовать путем производства полноценных судебных действий, аналогичных тем, что предусмотрены для судебного разбирательства (гл. 37 УПК РФ).

Проверка судебного решения вышестоящей инстанцией должна проводиться в полном объеме, включая соблюдение правил доказывания.

Как представляется, предлагаемые шаги будут способствовать оптимизации порядка применения ареста имущества и эффективности защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

#### Список литературы:

1. *Адаменко В.Д.* Приговор и его изменение в кассации. Кемерово, 2000. 195 с.
2. *Бажанов М.И.* Законность и обоснованность судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 34 с.
3. *Беляев М.В., Качалова О.В.* Судебные решения в российском уголовном процессе: актуальные теоретические и практические проблемы // Правосудие. 2020. Т. 2. № 2. С. 49-66.
4. *Беляев М.В.* О взаимосвязи обоснованности судебных решений и доказывания в уголовном судопроизводстве // Сб. ст. и материалов. Брянск, 2018. С. 49-57.

5. *Беляев М.В.* Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 472 с.

6. *Виноградов В.А.* Обоснованность разрешения судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: тенденции и проблемы судебной практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 2. С. 107-113.

7. *Гладышева О.В., Потапенко С.В., Семенцов В.А.* Уголовно-процессуальные средства обеспечения имущественных и личных неимущественных прав: монография / под ред. проф. В.А. Семенцова. Краснодар, 2020. 238 с.

8. *Гриненко А.В.* Приговор суда первой инстанции как итоговый акт уголовного судопроизводства // Рос. судья, 2017. № 1. С. 29-32.

9. *Ершова Н.С.* Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 30 с.

10. *Заблоцкий В.Г.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1971. 20 с.

11. *Каблуков И.В.* Соотношение понятий «обоснованность процессуальных решений» и «достаточность доказательств» в уголовном судопроизводстве // Доклады Башкирского университета. 2016. Т. 1. № 4. С. 836-840.

12. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. 238 с.

13. *Манова Н.С., Пантелеева Е.В.* О сущности процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // Право: история и современность. 2020. № 2. (11). С. 100-107.

14. *Трахов Р.А.* Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 173 с.

15. *Шигуров А.В.* Ответственность судьи за обоснованность судебного решения, выносимого в особом порядке (гл. 40 УПК РФ) // Наука и современность. 2014. № 31. С. 241-246.

<sup>264</sup> Такая отсылка, на наш взгляд, является не логичной: наложение ареста на имущество законодателем отнесена к категории мер процессуального принуждения, а порядок принятия решения о его применении предусматривается в статье закона, определяющей получение судебного решения о производстве следственного действия.

**Часть V. Материалы секции «Гарантии обеспечения законности и обоснованности приговора в системе уголовного судопроизводства»**

Назаров А.Д.  
Nazarov A.D.<sup>265</sup>

**Полноценные модели апелляции, кассации и надзора как уголовно-процессуальный механизм исправления судебных ошибок в уголовном судопроизводстве**

**Full-fledged models of appeal, cassation and supervision as a criminal procedure mechanism for correcting judicial errors in criminal proceedings**

**Аннотация.** В статье рассматривается уголовно-процессуальный механизм выявления, исправления и предупреждения судебных ошибок в реви́зионных стадиях российского уголовного судопроизводства — апел­ляционной, кассационной и надзорной. Данный вопрос исследуется с использованием авторских моделей полноценных апелляции, кассации и надзора, в которых обобщенно представлены действующие процедуры этих реви­зионных механизмов, а также показаны перспективные процедуры, которые требуют законодательного закрепления.

**Ключевые слова:** апелляция, кассация, надзор, судебная ошибка.

**Abstract.** The article examines the criminal procedure mechanism for identifying, correcting and preventing judicial errors in the revision stages of Russian criminal proceedings — appeal, cassation and supervisory. This issue is investigated using the author's models of full-fledged appeal, cassation and supervision, which summarize the current procedures of these audit mechanisms, and also show promising procedures that require legislative consolidation.

**Keywords:** appeal, cassation, supervision, miscarriage of justice.

<sup>265</sup> Назаров Александр Дмитриевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета.

Alexander D. Nazarov, Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Siberian Federal University.

Судебный механизм устранения ошибок в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях в российском уголовном процессе обладает рядом признаков:

— возможность полной апелляции в порядке судебной проверки в суде второй инстанции («модель полноценной апелляции»);

— функциональное деление судебного надзора в суде второй инстанции на кассацию, надзор и возобновление дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам («модель полноценной кассации и надзора»; «полноценная следственная модель производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам»);

— функциональная однородность кассации и надзора;

— реви́зионный порядок всех видов пересмотра решений суда первой инстанции.

В уголовно-процессуальном механизме выявления, исправления и предупреждения ошибок судебные реви́зионные процедуры<sup>266</sup> являются неотъемлемой частью.

Классически судебная реви́зия проводится по уголовным делам, по которым судебное решение (приговор, постановление) не вступило в законную силу и по которым оно вступило в законную силу. Л.В. Головки обозначает три важнейших постулата в судебной реви́зии:

«1) каждая уголовно-процессуальная система должна предусматривать механизм пересмотра приговоров, когда один суд (судья) проверяет решения, вынесенные другим судом (судьей);

2) этот механизм должен быть единственным способом исправления судебных ошибок, т. е. любая судебная ошибка может быть исправлена исключительно в уголовно-процессуальном порядке в рамках судебных проверочных производств;

3) механизм пересмотра приговоров должен быть строго и точно ограниченным как в количественном, так и во временном смысле»<sup>267</sup>.

Таким образом, по мнению Л.В. Головки, полностью разделяемого нами, в государстве должна быть логичная инстанционная

<sup>266</sup> Употребление термина «реви́зия» связано с тем, что в теории подход, называемый реви́зионным началом, есть принцип *ultra petita*: рассмотрение дела «сверх жалобы» (суд не связан доводами жалоб, представлений заинтересованных лиц, а рассматривает дело в полном объеме). Именно такой подход принят в российских апелляции, кассации и надзоре. См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М, 2016. С. 1069.

<sup>267</sup> Курс уголовного процесса. С. 1057.

система в виде пирамиды, на вершине которой — высший судебный орган страны. Л.В. Головкин указывает, что ретракционный способ пересмотра приговора, когда приговор пересматривает тот судья, который его и вынес, в Российской Федерации не применяется (судья не может повторно рассматривать одно дело): применяется только реформационный способ — приговор пересматривает вышестоящий суд. Отсюда следует и деволутивный эффект пересмотра: переход полномочий по пересмотру приговора от нижестоящего суда вышестоящему<sup>268</sup>.

Российский уголовный процесс с 1 января 2013 г. в качестве ревизии по уголовным делам, по которым судебное решение не вступило в законную силу, использует апелляционные процедуры, а в качестве ревизии по делам, где судебное решение уже вступило в законную силу, применяет кассационные и надзорные процедуры.

Ревизионные процедуры призваны выявлять, исправлять и предупреждать ошибки предыдущих стадий уголовного судопроизводства — в этом их ценность и основное назначение.

На наш взгляд, ревизионный процесс в российском уголовном судопроизводстве особенный. Если в классической континентальной системе для пересмотра приговоров предусмотрены апелляция, кассация и вновь открывшиеся обстоятельства, а в англосаксонской — только апелляция, а приговор присяжных вообще не обжалуется (он же — «глас народа»!), то в «смешанной» российской модели уголовного процесса пересмотр приговора есть максимальный набор «фильтров» для выявления, исправления и предупреждения судебных ошибок: апелляция, кассация, надзор и новые или вновь открывшиеся обстоятельства.

Следует заметить, что когда ревизионные инстанции изменяют вид и размер назначенного виновному лицу наказания, то существенной судебной ошибкой следует признавать, на наш взгляд, лишь те случаи, если вопреки правилам назначения наказания приговором суда назначено чрезмерно мягкое или чрезмерно суровое наказание. Во всех остальных случаях изменение вышестоящим судом вида и размера наказания лишь формально является ошибкой суда первой инстанции (вышестоящий суд ведь в конечном итоге изменил назначенное наказание), но, по сути дела, в данной ситуации каждый из судей при определении вида и размера наказания руководствовался законом и своим внутренним убеждением, кото-

рое ввиду различных внутренних и внешних факторов подсказывало свое «точечное» наказание, зафиксированное в каждом из судебных решений.

Апелляционный механизм предполагает сплошную ревизию (пересмотр) уголовного дела: в необходимых случаях — полное проведение судебного следствия; в обязательном порядке — проведение прений, последнее слово подсудимого.

Ревизия в кассации и в надзоре является по своей сути документальной: исследуются материалы уголовного дела и доводы кассационных, надзорных жалоб и представлений.

Внешне кажется, что эффект от кассации, а, тем более надзора, незначительный. Но при этом следует отметить, что законодатель, на наш взгляд, пытается добиться того, чтобы приговор суда первой инстанции в подавляющем большинстве случаев был безошибочным — законным, обоснованным, мотивированным и справедливым; чтобы основная масса ошибок выявлялась и исправлялась в апелляционной инстанции, когда приговор еще не вступил в законную силу. Законодатель заботится о стабильности приговора.

Проведенная реформа в части появления новых процедур апелляции, кассации и надзора связана с необходимостью разгрузить вышестоящие суды, особенно Верховный Суд РФ, от непомерного потока жалоб на судебные решения по уголовным делам. Действительно, высшие судебные инстанции должны сосредоточиться на судебном надзоре, связанном с обобщением и регулированием судебной практики, выработкой судебной политики, безусловно, коррелирующей с уголовной политикой и, в целом, с правовой политикой в государстве.

Недовольство участников процесса вынесенным судом первой инстанции решением по уголовному делу побуждает их многократно обжаловать данные постановления и приговоры в ревизионные инстанции: апелляционную, кассационную, надзорную. Причем, не только решения судебных стадий, но решения судов, принятые на досудебных стадиях. По этому поводу достаточно категоричную позицию занимал Ю.К. Якимович: не должно быть «судебного контроля за судебным контролем», кроме решений о заключении под стражу и продления сроков содержания под стражей<sup>269</sup>.

<sup>269</sup> Якимович Ю.К. Проверка приговоров и иных судебных актов по уголовным делам судами второй инстанции // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2005. Ч. 29. С. 164–172.

<sup>268</sup> Там же. С. 1060–1061.

Одна из причин жалоб на судебные решения состоит, на наш взгляд, в том, что суды, провозглашая их, доходчиво не разъясняют подсудимым, потерпевшим суть и мотивы вынесенных постановлений и приговоров. Представляется важным, чтобы текст приговора был понятен всем заинтересованным участникам, особенно не юристам, детально аргументированным и мотивированным, убедительным. К тому же, и провозглашенным надлежащим образом (чтобы все участники комфортно слышали текст по громкости и темпу его прочтения). Но устное разъяснение смысла приговора воспринимается обычными людьми всегда доходчивее и убедительнее.

Другая причина обжалования судебных решений на различных стадиях — надежда сторон, прежде всего осужденного, на выявление и исправление вышестоящим судом ошибок, прежде всего в объеме обвинения, квалификации деяния и размере назначенного наказания.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, ошибки, допущенные судом первой инстанции, подлежат исправлению судом второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции<sup>270</sup>.

Многолетняя адвокатская практика автора статьи наглядно демонстрирует, что процедура рассмотрения уголовных дел в порядке апелляции и кассации напоминает «заводской конвейер»: в определенные дни (как правило, два дня в неделю) и на одно время в суд приглашаются все заинтересованные участники процесса по множеству различных уголовных дел и материалов; на рассмотрение дела (материала) отводится минимум времени — председательствующий постоянно торопит всех участников процесса, прерывает их выступления и т. п.; обсуждение итогового решения занимает у суда время от нескольких минут до нескольких десятков минут; оглашается только резолютивная часть решения; и т. п.

Наш подход к модели современного апелляционного производства выстраивается в контексте позиции Л.В. Головки: «Правило о праве сторон на две инстанции рассмотрения уголовного дела (или правило на повторное рассмотрение уголовного дела во вто-

<sup>270</sup> Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда от 16 мая 2007 г. №6-П // Сайт Конституционного Суда РФ — <http://doc.krsf.ru/decision/KSRFDecision19708.pdf> (дата обращения 06.09.2020).

рой инстанции, в том числе право на повторное судебное следствие)». По мнению ученого, не может быть неполной апелляции — она всегда полная. К тому же, она — ординарная (по любым основаниям), в отличие от кассации, надзора и новых или вновь открывшихся обстоятельств: они — экстраординарные (лишь по вопросам права) способы пересмотра приговоров. Апелляция в отличие от иных способов пересмотра приговоров имеет суспензивный (отлагательный) эффект пересмотра, когда подача жалобы приостанавливает исполнение приговора. Более того, важно иметь в виду и положение теории эвокации: когда процессуально порочно решение суда первой инстанции, то обе инстанции сливаются и апелляция рассматривает дело по существу, не направляя его на новое рассмотрение<sup>271</sup>.

Таким образом, модель апелляционного рассмотрения уголовного дела как действенного «фильтра» выявления, исправления и предупреждения судебных ошибок по уголовному делу в нашем представлении должна быть лишена какого-либо «кассационного уклона»: апелляция точно не может быть конвейером, а должна быть эффективной «моделью полноценной апелляции», то есть, новым рассмотрением уголовного дела по существу судом более высокой инстанции и коллегиально (кроме апелляции по решениям мировых судей и промежуточной апелляции), что, по сути дела, более профессионально. Соответственно, в данной модели апелляции важно зафиксировать следующие компоненты:

— все представленные в суд сторонами уголовного процесса свидетели должны быть допрошены в судебном заседании;

— все письменные ходатайства сторон должны быть приобщены к материалам уголовного дела и мотивированно, законно и справедливо разрешены без констатаций: «Данное ходатайство необходимо было заявлять в суде первой инстанции» (или «Что мешало Вам заявить данное ходатайство в суде первой инстанции?»); «Данное ходатайство уже разрешалось судом первой инстанции» (или «Данные доказательства уже исследованы в суде первой инстанции»).

«Модель полноценной апелляции» заставит суд первой инстанции полно, всесторонне и объективно вести судебное разбирательство по уголовному делу, чтобы избежать судебных ошибок и соблазна сторон выходить на новый, безусловно, затратный «дубль-

<sup>271</sup> Курс уголовного процесса. С. 1058–1067.

процесс» по апелляции (буквальное повторение судебного разбирательства). А если все же «дубль-процесс» по апелляции состоится, то это будет не конвейер, а полноценный процесс, который призван гарантировать устранение судебных ошибок.

Механизм устранения судебных ошибок в кассационной и надзорной инстанциях является экстраординарным и, на наш взгляд, включает в себя уголовно-процессуальную деятельность (ограниченную активность) суда и участников (прежде всего профессиональных) судебного процесса через особые процедуры этих проверочных судебных разбирательств в исследовании (проверке, оценке) имеющихся в уголовном деле доказательств, в том числе, признания в установленных законом случаях этих доказательств недопустимыми и для устранения следующих недостатков:

а) нарушений положений и требований Конституции РФ, норм и общепризнанных принципов международного права, уголовно-процессуальных нарушений;

б) нарушений уголовного (материального) закона – неправильного применения уголовного закона и несправедливости приговора.

И.С. Дикарев полагает, что «в судах кассационной и надзорной инстанциях применяется единая — надзорно-кассационная — форма пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, сочетающая в себе черты традиционного для российского уголовного процесса судебного надзора и классической европейской (континентальной) кассации»<sup>272</sup>, призванная исправлять судебные ошибки. Ученый совершенно справедливо предлагает увеличить круг полномочий Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей, председателей судов и их заместителей уровня субъекта Федерации в части отмены незаконных и необоснованных постановлений судей соответствующего уровня, вынесенные ими при осуществлении надзорно-кассационной деятельности, а также в части по собственной инициативе возбуждать надзорно-кассационные производства в необходимых случаях; установить шестимесячный срок в применении правила «запрета поворота к худшему», и др.

На наш взгляд, И.С. Дикарев обоснованно указывает, что «единым основанием пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в кассационном и надзорном порядках должно

<sup>272</sup> Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. С. 15.

выступать фундаментальное нарушение закона, представляющее собой нарушение уголовно-процессуального закона или неправильное применение уголовного закона, которое повлияло на исход дела и искажает саму суть правосудия и смысл судебного решений как акта правосудия»<sup>273</sup>.

Кассационная и надзорная инстанции — это исключительный резервный судебный механизм устранения судебных ошибок.

Мы полагаем, что для целей устранения судебных ошибок есть также все основания вести речь о «модели полноценной кассации и надзора» (в современной законодательной формулировке — «сплошная кассация»), включающую в себя следующие важные элементы:

— возможность инициации надзорно-кассационного производства не только сторонами уголовного процесса, но и председателями (заместителями председателей) судов субъектов Федерации и соответствующих их уровню судов, а также Верховного Суда Российской Федерации, с учетом специфики надзорно-контрольного производства, призванного рассматривать не «вопросы факта», а «вопросы права», причем, вопросы фундаментальных нарушений закона;

— обязанность должностных лиц, вовлеченных в орбиту надзорно-кассационной деятельности (консультанты, помощники судей, сами судьи судов уровня субъекта Федерации и Верховного Суда Российской Федерации) изучать не только сами кассационные и надзорные жалобы и представления от сторон и приложенные к этим жалобам и представлениям материалы, но и сами уголовные дела, в том числе аудио-видеозаписи состоявшихся судебных заседаний по делу;

— обязанность судей выносить свои итоговые решения «отказного характера» мотивированно: на каждый довод жалобы, представления участников процесса давать развернутую аргументацию на основании изученных материалов уголовных дел, избегая формулировок типа: «Данный довод жалобы был предметом судебного разбирательства суда первой, апелляционной инстанции».

Под новые процедуры апелляции и кассации в ходе создания апелляционных и кассационных судов определен соответствующий штат судей, и если сами эти процедуры не превратятся в формальные и быстрые по времени, если показатель стабильности при-

<sup>273</sup> Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 19.

говоров не будет определяющим в оценке деятельности судей, если исчезнет пресловутое зональное кураторство со стороны высших судей, то тогда можно будет говорить об эффективности проведенных реформ в сфере судебной ревизии, которая станет надежным заслоном на пути ошибок в отправлении правосудия по уголовным делам.

Таким образом, судебный механизм устранения ошибок функционирует как единое целое и включает в себя:

— функционирующий в обычном (штатном) режиме механизм устранения ошибок — через уголовно-процессуальную деятельность (активность) суда при производстве в суде первой и апелляционной инстанций;

— функционирующий в экстраординарном режиме механизм устранения ошибок — через уголовно-процессуальную деятельность суда при производстве в суде кассационной и надзорной инстанций, а также через возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

#### Список литературы:

1. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016.

2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016.

3. Якимович Ю.К. Проверка приговоров и иных судебных актов по уголовным делам судами второй инстанции // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2005. Ч. 29.

Стойко Н.Г.  
Stoyko N.G.<sup>274</sup>

#### Законность, обоснованность и мотивированность приговора: уголовно-процессуальный анализ на примере одного дела

#### Legitimacy, validity and motivation of the sentence: criminal procedural analysis on the example of one case

**Аннотация.** С точки зрения доктрины уголовно-процессуального права дается оценка законности, обоснованности и мотивированности конкретного приговора. С учетом позиций Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека обосновывается, что описание деяния в приговоре суда должно быть настолько подробным и конкретным, чтобы ясно и определенно подтверждать неразрывную связь фактических обстоятельств и юридических выводов; при обосновании обвинительных выводов должны раскрываться только те сведения, которые имеют обвинительное содержание и являются доказательствами, а опровергаться должны те сведения, которые вступают в противоречие с обвинительными доказательствами суда.

**Ключевые слова:** обвинительный приговор, законность, обоснованность, мотивированность.

**Abstract.** From the point of view of the doctrine of criminal procedure law, an assessment is made of the legality, validity and motivation of a particular sentence. Taking into account the positions of the Supreme Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, it is substantiated that the description of an act in a court sentence must be so detailed and specific as to clearly and definitely confirm the inseparable connection of factual circumstances and legal conclusions; when substantiating accusatory dedications, only the information that has accusatory content and is evidence must be disclosed, and the information that contradicts the accusatory proof must be refuted.

**Keywords:** conviction, legality, validity, motivation.

<sup>274</sup> Николай Геннадьевич Стойко, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Nikolay G. Stoyko, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department, St. Petersburg State University, DrSc., Professor.

В рамках дачи научно-консультативного заключения по конкретному делу автору данной статьи довелось оценить законность, обоснованность и мотивированность приговора. Такая оценка была дана с точки зрения теории уголовного процесса. Она основана на информации, которая была представлена стороной защиты, исходит из допущения ее подлинности и не ставит под сомнение реально состоявшийся приговор суда.

Как представляется, доктринальный анализ свойств приговора представляет интерес. Поэтому представим ниже основные положения проведенного исследования.

Для анализа приговора были поставлены следующие вопросы:

1. Обосновывают ли доводы, содержащиеся в описательно-мотивировочной части конкретного обвинительного приговора суда, вывод суда о признании гражданина А.Н.И. виновным в совершении инкриминируемого ему деяния?

2. Может ли суд отказаться принимать во внимание и признать не состоятельными показания и письменные заключения специалистов, представленные защитой, только потому, что это противоречит ч. 1 ст. 58 УПК РФ?

3. Основано ли на законе использование судом в качестве обвинительного доказательства показаний следователя, касающихся содержания проведенного им следственного действия?

4. Является ли обоснованным отказ суда в удовлетворении ходатайств защиты о назначении комплексной судебно-медицинской экспертизы, о назначении комплексной ситуационной видео фонической экспертизы и об истребовании и приобщении к материалам дела в качестве вещественного доказательства результатов компьютерной томографии?

5. Соответствует ли закону отказ суда в удовлетворении ходатайств защиты о допросе свидетелей-очевидцев, явившихся в суд по инициативе стороны защиты?

Для проведения правовой оценки приведем необходимые доктринальные положения уголовно-процессуального права.

Законными, обоснованными и мотивированными должны быть все процессуальные решения по уголовному делу (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), в том числе (и в особенности) обвинительный приговор (ст. 297 УПК РФ)<sup>275</sup>.

<sup>275</sup> См., напр.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. М., 2017. С. 957–961.

Законность приговора означает, что он постановлен в строгом соответствии со всеми правовыми предписаниями, как уголовно-процессуального, так и уголовного закона, как при выдвижении и формулировании обвинительного решения (в смысле ч. 2 ст. 297 УПК РФ), так и во время производства по делу или, иначе говоря, по результатам справедливого судебного разбирательства (в смысле ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Обоснованность приговора предполагает, что приговор может быть вынесен только при наличии достаточных доказательств, полученных путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела (доказанности этих обстоятельств в смысле ст. 299 УПК РФ), в ходе которого каждое из них было непосредственно изучено и оценено судом (как подтверждающее выводы органов уголовного преследования и суда, так и противоречащее им (п. 1, 4, 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»<sup>276</sup>).

Мотивированность требует приведения определенных доводов, свидетельствующих о том, что соответствующее решение должно быть принято: раскрыто содержание доказательств, подтверждающих те или иные фактические обстоятельства, дана оценка доводам защиты и приведены аргументы, почему одни доказательства отвергнуты, а другие признаны достоверными (п. 6, 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 55 от 29 ноября 2016 г. «О судебном приговоре»<sup>277</sup>, Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 42-О<sup>278</sup>).

Общий смысл этих требований состоит в предоставлении обвиняемому возможности защищаться от выдвинутого против него уголовного обвинения на протяжении всего уголовного процесса.

<sup>276</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1, январь, 2017 – <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.10.20). Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.10.20).

<sup>277</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.10.20).

<sup>278</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 N 42-О «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.10.20).

В контексте ст. 45 Конституции РФ указанные требования служат гарантией защиты государством основополагающих прав и свобод человека и гражданина, без которой обвиняемый не в состоянии эффективно использовать ни один из установленных способов защиты<sup>279</sup>. В контексте ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод речь идет об одной из так называемых минимальных процедурных гарантий защиты обвиняемого, призванных обеспечить справедливость судебного разбирательства (всего процесса) путем реализации права быть уведомленным об обвинении в целях эффективной защиты от него<sup>280</sup>.

С одной стороны, содержание анализируемых требований заключается в реализации права обвиняемого знать, в чем он обвиняется путем информирования его об инкриминируемом ему деянии (фактических обстоятельствах и юридических признаках) и обосновывающих его совершение доказательствах. С другой стороны, эти требования свидетельствуют о необходимости приведения доводов и аргументов, лежащих в основании уголовного обвинения (мотивировке обвинительных решений и, в особенности, судебных решений) и подтверждающих его справедливость.

Практика справедливого судебного разбирательства, с точки зрения Европейского Суда по правам человека, означает, что суды обязаны достаточно ясно аргументировать свои решения (указывать основания, приводить мотивировку), равно как и должным образом исследовать доказательства и доводы защиты<sup>281</sup>. Аналогичной позиции придерживается и Конституционный Суд РФ, полагающий, что уголовно-процессуальный закон в его конституционно-правовом толковании исключает отказ органов уголовного преследования и суда от исследования и оценки доводов защиты и, тем самым, мотивировки своих решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения разумности основания, по которым эти доводы отвергаются (Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 42-

<sup>279</sup> См.: Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции РФ постатейный. М., 2020. С. 76–77; и др.

<sup>280</sup> См. подробнее об этом: Харрис Д. Право Европейской конвенции по правам человека. М., 2016. С. 631–634.

<sup>281</sup> О практике Европейского Суда по правам человека в контексте права на надлежащее рассмотрение дела (аргументов сторон) и права на мотивированное решение суда см.: Харрис Д. Право Европейской конвенции по правам человека. С. 577–580.

О<sup>282</sup>). Суть подразумеваемого здесь права на справедливое судебное разбирательство заключается в том, что обвиняемый считается невиновным на протяжении всего уголовного процесса и именно поэтому ему гарантируется право на защиту от тех, кто его обвиняет, а к обвинению (в том числе в форме приговора) предъявляется требование законности, обоснованности и мотивированности. Иначе говоря, по смыслу и содержанию толкуемых требований УПК РФ, определяемому правами на защиту и презумпцию невиновности, информация, излагаемая в обвинительном приговоре должна быть точной, подробной и понятной настолько, чтобы гарантировать обвиняемого от необоснованного обвинения и судебского произвола.

В данной связи приговор (равно как и иные обвинительные решения) не только информирует об обвинении (что само по себе важно), но и обеспечивает реальность для обвиняемого принадлежащего ему права на защиту по уголовному делу в дальнейшем<sup>283</sup>.

Не случайно, что игнорирование анализируемых требований к обвинительному приговору рассматривается, в смысле ст.389.16 и 389.17 УПК РФ, в качестве основания, влекущего за собой отмену или изменение судебного решения.

Рассмотрим теперь, как указанные требования реализованы в конкретном приговоре.

Описательно-мотивировочная часть представленного для правовой оценки приговора по своей структуре согласуется с требованиями, предъявляемыми законодателем к ее содержанию (пп. 1–4 ст. 307 УПК РФ). С точки зрения ответа на поставленные вопросы, принципиальное значение имеют первые два требования, согласно которым в описательно-мотивировочной части приговора должно содержаться: описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления (п. 1 ст. 307 УПК РФ); доказательства, на которых основаны выводы суда в

<sup>282</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 N 42-О «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» – <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.10.20).

<sup>283</sup> См.: Щепельков В.Ф., Стойко Н.Г. Доказывание причинной связи и вины по делам об ятрогенных преступлениях: комментарий к одному случаю // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 4. С. 89–92.

отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства (п. 2 ст. 307 УПК РФ).

Требование п. 1 ст. 307 УПК РФ, с одной стороны, можно считать формально выполненным: дана юридическая формулировка и изложена фабула обвинения в отношении подсудимого А. Н. И. То есть суд сделал юридические выводы о доказанности определенных фактических обстоятельств, которые подпадают под признаки конкретного состава преступления, квалификация которого дана в резолютивной части приговора.

Вместе с тем, с другой стороны, описание этих обстоятельств дано настолько лаконично, что не позволяет говорить о конкретности обвинения А. Н. И. Как следует из приговора, суд считает доказанными следующие обстоятельства: 1. событие (обстоятельства совершения) преступления: «нанес В. А. П. удар кулаком в правую височную область головы» (деяние и способ его совершения), в определенное время (с указанием года, месяца, дня, часов и минут), в определенном месте (с указанием адреса, наименования помещения и обозначением части помещения, где произошло деяние); другие обстоятельства совершения преступления: «в ходе конфликта... с В. А. П.» (без описания хода конфликта и указания на причины и обстоятельства его возникновения); виновность лица в совершении преступления, форма вины и мотивы: «на почве личных неприязненных отношений с В. А. П., умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью...»; «...телесные повреждения..., которые... обусловили по неосторожности наступление смерти В.А.П.» (с конкретизацией места и времени смерти); характер и размер вреда, причиненного преступлением: «были причинены телесные повреждения в виде кровоизлияния над твердой мозговой оболочкой в височной области справа, перелома чешую и передней поверхности пирамидки правой височной кости, кровоизлияния под твердую мозговую оболочку в теменно-затылочной области справа, участков разможжения вещества головного мозга в височной области справа и в затылочной области справа, которые нанесли тяжкий вред здоровью опасный для жизни, сопровождались отеком и сдавлением головного мозга и обусловили... наступление смерти...».

Очевидно, что из всех перечисленных выше обстоятельств конкретно изложено только последнее. Описание события преступления внешне выглядит конкретно — его можно подвести под объективную сторону вменяемого А. Н. И. деяния. Однако совершенно ясно, что описываемое событие преступления не сводится только к

удару. Это всего лишь завершающее действие, которому предшествовал конфликт (другое обстоятельство). Но фабула обвинения не содержит описания конфликта. Он лишь упоминается, наряду с личными неприязненными отношениями, как мотив совершения преступления. Хотя без описания хода конфликта между подсудимым А. Н. И. и потерпевшим В. А. П., его причин и обстоятельств, указания на форму вины, мотив и цель выглядят как абстрактные признаки, соответствующие признакам состава преступления (или совпадающие с ними). По сути, суд игнорирует п. 1 ст. 307 УПК РФ, который требует настолько подробного и конкретного описания деяния, чтобы из него ясно и определенно вытекали выводы о форме вины, мотивах и цели преступления. Причем законодатель формулирует свое требование исключительно к описанию деяния, акцентируя внимание на определенные фактические и юридические признаки, которые в этом описании обязательно должны найти отражение. Иначе говоря, данные признаки должны быть указаны в описании деяния, в неразрывной связи с ним, а не отдельно от него (как излагает суд).

Таким образом, суд при исполнении предписаний п. 1 ст. 307 УПК допустил существенное нарушение закона, поставив под угрозу право подсудимого на защиту. Отмеченное нарушение в принципе можно отнести к юридико-техническому несовершенству описания преступного деяния в приговоре либо объяснить стремлением к процессуальной экономии, если бы выводы суда были надлежащим образом конкретизированы при раскрытии содержания обосновывающих их доказательств и мотивировании исключения других доказательств (во исполнение требования п. 2 ст. 307 УПК РФ). Однако доказательства, изложенные в приговоре в подтверждение обвинительных выводов суда, а также мотивы исключения других доказательств, свидетельствуют об обратном: требование п. 2 ст. 307 УПК РФ практически полностью не исполнено или исполнено не по закону, в противоречии с ним. Суд при изложении (раскрытии содержания) доказательств, на которых основаны его обвинительные выводы, явно нарушает заданную законом логику юридического обоснования: раскрывать содержание доказательств, подтверждающие соответствующие выводы суда, и приводить доводы и основания для опровержения других доказательств. То есть при обосновании обвинительных выводов раскрываться должны (полностью или частично) только те сведения, которые имеют

обвинительное содержание и являются (в смысле статей 74, 75 и ч. 1 ст. 88 УПК РФ) доказательствами, а опровергаться должны те сведения, которые вступают в противоречие с обвинительными доказательствами суда.

Нарушение данной логики усматривается в следующем.

Во-первых, суд придает значение доказательств виновности тем доказательствам, которые вступают в противоречие с обвинительными выводами либо необходимы для решения других вопросов уголовного дела или прямо не свидетельствуют в пользу обвинения и могут иметь значение, как для обвинения, так и для защиты. Так, изложение доказательств, подтверждающих виновность подсудимого, начинается с его показаний, в которых А.Н.И. утверждает, что он «нанес В.А.П. размашистым ударом пощечину левой рукой в область щеки, в скулу». Данное утверждение входит в очевидное противоречие с описанием деяния и способа его совершения судом: «А.Н.И. нанес В.А.П. удар кулаком в правую височную область головы». По сути, это оправдательное доказательство, которое, к тому же, противоречит и окончательному выводу суда, сделанному по результатам анализа доказательств: «А.Н.И. ...наносит удар кулаком левой руки, с замахом в область виска В.А.П.».

Показания потерпевших (матери и супруги В.А.П.) обстоятельств совершения преступления не касаются, а служат исключительно подтверждением их права на возмещение ущерба, причиненного этим преступлением. Процессуальные акты (в том числе указанные в приговоре в качестве подтверждающих обвинительные выводы суда), вообще доказательствами не являются (в перечне видов доказательств отсутствуют — ст. 74 УПК РФ), обстоятельства, установленные этими актами, преюдициального значения не имеют (в силу ст. 90 УПК РФ такое значение придается только судебным решениям, вступившим в законную силу).

Показания большинства свидетелей, которые (за исключением показаний Е.Н.С. и А.Н.М.), так или иначе, относятся к конфликту, констатированному в обвинительном выводе суда, и/или последствиям преступления, инкриминируемого А.Н.И. деяния. Однако непосредственно само деяние они не отражают (удар, нанесенный обвиняемым А.Н.И. пострадавшему В.А.П., не видели, не заметили либо не помнят или точно не могут воспроизвести). Следовательно, вывод суда о доказанности события преступления не подтверждается указанными доказательствами (п. 1 ст. 389<sup>16</sup> УПК РФ).

Во-вторых, для обоснования обвинительных выводов суд использует недопустимые доказательства. Так, свидетелям О.А.Ч., Е.А.М., К.А.П., Н.В.П., чьи показания суд положил в основу вывода о виновности А.Н.И., в ходе допросов демонстрировали видеозапись, носитель которой приобщен к делу в качестве вещественного доказательства. После показа видеозаписи они (в той или иной форме высказывания и степени уверенности) заявили, что видели в этой записи удар «в область головы», но по памяти воспроизвести не могут. Ценность этих заявлений, с точки зрения подтверждения виновности А.Н.И., сама по себе, весьма относительна. Только Е.А.М. (в определенной мере в пользу обвинения) показала, что после просмотра видеозаписи она вспомнила, какой и как был нанесен удар — «сильный удар... кулаком снизу вверх». Однако, вне зависимости от точности воспроизведения в показаниях этих свидетелей видеозаписи инкриминируемого А.Н.И. происшествия, использовать их в качестве доказательств не допустимо. Это означало бы нарушение предусмотренного ч. 2 ст. 189 УПК РФ запрета на наводящие вопросы, то есть вопросы, в которых содержится ответ. Каким образом выражен вопрос (в устной, письменной или в другой форме), значения не имеет. Главное, что в нем содержится ответ, который воспроизводится свидетелем в виде его устных показаний и фиксируется в протоколе допроса. Получается, что в данном случае не свидетель является источником сведений, а следователь. Иначе говоря, перечисленные выше доказательства не только недопустимы (в силу нарушения соответствующего запрета), но и сомнительны по условиям своего происхождения. Следовательно, эти условия следует рассматривать в качестве явно не учтенного судом обстоятельства, которое могло существенно повлиять на выводы суда (п. 2 ст. 389<sup>16</sup> УПК РФ)

В обоснование своих обвинительных выводов суд приводит также показания свидетеля Е.Н.С., данные ею на предварительном следствии. Из этих показаний следует, что она точно видела инкриминируемый А.Н.И. удар, нанесенный В.А.П. в область головы. Однако в суде свои показания свидетель не подтвердила, заявив, что в действительности не видела нанесения этого удара. Противоречие в своих показаниях Е.Н.С. объяснила тем, что протокол допроса «просмотрела бегло, так как куда-то опаздывала и доверяла следователю». Возникшее противоречие суд разрешил с помощью показаний следователя А.В.И., который допрашивал Е.Н.С. во время расследования. А.В.И. показал: «Е.Н.С. сама изла-

гала произошедшее, поясняя, что А.Н.И. нанес удар В.А.П.». Иначе говоря, следователь воспроизвел результаты своего собственного действия. Однако единственным источником сведений, полученных следователем в ходе допроса свидетеля, является протокол этого допроса. Следователь источником таких сведений в принципе выступать не может. По смыслу закона (ст. 79 УПК РФ) в данном случае единственный источник — свидетель (то лицо, которое допрашивает следователь или суд). В противном случае это будет означать подмену одного участника процесса другим его участником, и создавать условия для произвола. Более того, если допустить возможность такого рода допросов следователя в суде, то право каждого допрашивать свидетельствующих против него лиц перестанет служить ограничением произвольного использования в суде протоколов показаний. Не случайно Конституционный Суд РФ считает недопустимым допрос свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в результате допроса подозреваемого (обвиняемого) в рамках уголовного судопроизводства (Определение от 20 марта 2007 г. № 174-О-О<sup>284</sup>), то есть в ситуации подобной рассматриваемой.

Вот почему не только показания следователя А.В.И., но и показания свидетеля Е.Н.С., данные ею на предварительном следствии, следует признать недопустимыми доказательствами (ч. 1 ст. 75 УПК РФ), а основанный на них приговор — вынесенным с существенным нарушением процессуального закона (ч. 1 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ).

В-третьих, суд в приговоре не приводит конкретных мотивов, по которым он отвергает доводы и/или доказательства защиты. Так, суд отказался принимать во внимание и признал не состоятельными показания и письменные заключения специалистов, представленные защитой, только потому, что это противоречит ч. 1 ст. 58 УПК РФ. Аргумент суда не соответствует закону. Более того, он является абсолютно надуманным. Никакого противоречия нет и быть не может, поскольку ч. 1 ст. 58 УПК РФ предоставляет сторонам и суду право на использование специальных знаний, в том числе путем получения от специалиста разъяснений по вопросам, вхо-

<sup>284</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2007 № 174-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефремова Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 42, 56 и 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.10.20).

дящим в его компетенцию, в форме предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания и заключения специалиста. В противном случае получается (по логике суда), что ч. 1 ст. 58 УПК РФ разрешает использовать специальные знания, которые запрещает принимать во внимание. Однако вопрос принятия во внимание и признания состоятельными показаний и заключений специалиста — это вопрос проверки и оценки их относимости, допустимости и достоверности доказательств, что является неременным условием для принятия на их основе правосудного решения. Это значит, что отказываясь решить данный вопрос, суд, тем самым, освободил себя от возложенной на него по закону, конституционно-правовой, по сути своей, обязанности по собиранию и исследованию доказательств в целях обеспечения справедливого и беспристрастного разрешения уголовного дела (Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О<sup>285</sup>; Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 204-О<sup>286</sup>).

Очевидно, вывод суда о признании несостоятельными показаний и заключений специалистов (со ссылкой на ч. 1 ст. 58 УПК РФ) содержит существенное противоречие, которое повлияло или могло повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности при постановлении приговора (п. 4 ст. 389<sup>16</sup> УПК РФ).

Отказ суда в удовлетворении ходатайств защиты от 20.10.2014 г. и 06.11.2014 г. о допросе свидетелей-очевидцев Ю.А.М., Е.Н.С. и А.В.Т., явившихся в суд по инициативе стороны защиты, однозначно следует рассматривать как грубое нарушение ч. 4 ст. 271 УПК РФ. В данном отношении закон императивен, исключает возможность какого-либо толкования и усмотрения: суду запрещено отказывать в удовлетворении такого ходатайства. Более того, предусмотренный законодателем запрет следует рассматривать в более широком контексте как гарантию от необоснованного отказа в удовлетворении ходатайств о вызове и допросе свидетелей и специали-

<sup>285</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.10.20).

<sup>286</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Будаева Цогта Нацагдоржевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.10.20).

стов вообще (как в рамках дознания и предварительного следствия, так и в суде) (Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 г. № 459-О-О<sup>287</sup>). Игнорирование судом предписаний ч. 4 ст. 271 УПК является неоправданным ограничением конституционного права обвиняемого на защиту (в смысле ст. 45 Конституции РФ) и существенным нарушением процессуального закона (в смысле ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ).

Отказ суда в удовлетворении ходатайств защиты о назначении комплексной судебно-медицинской экспертизы, о назначении комплексной ситуационной видеофонической экспертизы и об истребовании и приобщении к материалам дела в качестве вещественного доказательства результатов компьютерной томографии не обоснован. Такой отказ возможен только в случае, если обстоятельства, об установлении которых ходатайствует обвиняемый или защитник, не имеют значения для разрешения уголовного дела, что прямо вытекает из закона (ч. 2, 2<sup>2</sup> ст. 159 УПК РФ) и его конституционно-правового истолкования (Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2011 г. № 324-О-О<sup>288</sup>). Ссылка суда на то, что необходимость в производстве этих экспертиз отсутствует, потому что ранее проведенные экспертизы объективно исследовали соответствующие обстоятельства, является голословной, лишённой конкретики. Такая ссылка, очевидно, не может рассматриваться в качестве довода, способного опровергнуть многочисленные конкретные аргументы защиты, изложенные, к примеру, в показаниях и заключениях специалистов и оставленных судом без внимания под надуманным предлогом (о чем говорилось выше). Иначе говоря, суд, при наличии явных противоречий между заключениями экспертов, представленными стороной обвинения, и показаниями и заключениями специалистов, представленными стороной защиты, не указав, по каким основаниям он принял одни доказательства и отверг другие (п. 3. ст. 389<sup>16</sup> УПК РФ).

<sup>287</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2008 № 459-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мацковского Анатолия Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 47, частью второй статьи 271 и статьей 272 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.10.20).

<sup>288</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2011 № 324-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Расулова Насурдина Магомедрасуловича на нарушение его конституционных прав статьей 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.10.20).

Таким образом, при исполнении предписаний п. 2 ст. 307 УПК РФ суд допустил серьезные отступления от установленного законом требования соответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст. 389<sup>16</sup> УПК РФ), а также конституционно-неоправданные ограничения прав защиты (ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ).

В результате проведенного анализа можно заключить, что представленный для правовой оценки приговор суда постановлен с нарушениями общих требований законности, обоснованности и мотивированности и конкретных предписаний п. 1, 2 ст. 307 УПК РФ. Данный приговор подлежит отмене по основаниям несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (пп. 1–4 ст. 389<sup>16</sup>) и существенного нарушения уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ).

Представляется, что приведенный доктринальный анализ приговора может быть использован как пример в юридической практике, а некоторые допущенные в нем ошибки имеют типичный характер.

#### Список литературы:

1. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. М., 2017. 1280 с.
2. Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции РФ поста-тейный. М., 2020. 212 с.
3. Харрис Д. Право Европейской конвенции по правам человека. М., 2016. 1432 с.
4. Щепельков В.Ф., Стойко Н.Г. Доказывание причинной связи и вины по делам об ятрогенных преступлениях: комментарий к одному случаю // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 4. С. 84-93.

## Реализация принципа законности при пересмотре приговора

### Implementation of the principle of legality when revising a sentence

**Аннотация.** В статье проводится анализ содержания принципа законности. Делается вывод о том, что существует несколько пониманий данного основоположения и в зависимости от этого по-разному можно оценить его действие при пересмотре судебного решения. С одной стороны, складывающаяся правоприменительная практика кассационного пересмотра, которая заключается в проверке не только законности, но также обоснованности и справедливости решения нижестоящего суда является положительной тенденцией. С другой стороны, отсутствие единообразия в кассационном производстве в разных видах правосудия негативно влияет на реализацию принципа законности.

**Ключевые слова:** принцип законности, судебное решение, кассационная инстанция, звено судебной системы, единообразие правоприменительной практики.

**Abstract.** The article analyzes the content of the principle of legality. It is concluded that there are several understandings of this principle and, depending on this, it is possible to assess in different ways its effect when revising a court decision. On the one hand, the emerging law enforcement practice of cassation review, which consists in checking not only the legality, but also the validity and fairness of the decision of a lower court, is a positive trend. On the other hand, the lack of uniformity in cassation proceedings in different types of justice negatively affects the implementation of the principle of legality.

**Keywords:** principle of legality, court decision, cassation instance, link of the judicial system, uniformity of law enforcement practice.

Традиционно принцип законности в уголовном процессе понимается, как требование осуществления правосудия по уголовным

<sup>289</sup> Марьяна Евгения Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королева, кандидат юридических наук, доцент.

Evgeniya V. Maryina, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Samara National Research University named after S. P. Koroleva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

делам в точном соответствии с Конституцией и иными законами, а также обязанностью должностных лиц и граждан соблюдать нормы материального и процессуального права<sup>290</sup>.

Тем не менее, подобная узкая трактовка исходного руководящего начала разделялась и разделяется не всеми учеными. Например, М. С. Строгович считал, что в системе принципов уголовного процесса нет отдельного принципа законности, так как это принцип деятельности всей системы государственных органов, их должностных лиц и граждан и находит он свое выражение во всех принципах процесса, во всех процессуальных формах и институтах<sup>291</sup>. Соответственно, только при осуществлении принципа законности могут быть реализованы требования всех других принципов правосудия и более частных норм. Если рассматривать новую систему пересмотра судебных решений через призму убеждений этого ученого, то можно сделать следующие выводы.

При пересмотре решений нижестоящих судов в рамках так называемой «сплошной» кассации возможна проверка не только законности, но и обоснованности, а также справедливости приговора, если имеются существенные нарушения норм уголовно-процессуального закона или неправильное применение уголовного закона, которые существенно повлияли на исход дела.

На сегодняшний день кассационная инстанция отменяет решения по причинам, например, если суд первой инстанции в приговоре не мотивировал выбор наказания, когда в санкции статьи Уголовного кодекса есть альтернативные виды наказания<sup>292</sup>; если в приговоре при описании преступного деяния, которое признано судом доказанным, не содержится указание на наличие умысла, на способ совершения преступления, на время совершения преступления<sup>293</sup>. В решениях кассационной инстанции можно встретить даже такую формулировку: «проверив по материалам уголовного дела законность, обоснованность и справедливость приговора, суд при-

<sup>290</sup> Кобликов А.С. Законность — конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М., 1979. С. 17.

<sup>291</sup> Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 175.

<sup>292</sup> Определение Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 15 октября 2020 г. № 77-2610/2020.

<sup>293</sup> Определение Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2020 г. № 77-349/2020.

ходит к выводу»<sup>294</sup>. Таким образом, проверяя законность решений первой и апелляционной инстанции, суд может также проверить, была ли дана оценка доказательству, положенному в основу обвинительного приговора, а также проверить и назначенное судом наказание или отказ в условно-досрочном освобождении. Такой подход является вполне допустимым ввиду того, что уголовно-процессуальный закон предъявляет требования как к составлению приговора, так и к назначению наказания, поэтому допущенные нарушения в этой сфере являются, разумеется, и нарушениями требований действующего законодательства.

Более того, при проверке кассационных жалоб и представлений суды опираются на определенные рекомендации по возвращению без рассмотрения кассационных жалоб и представлений в порядке «сплошной» кассации.

Так, суды должны стараться не возвращать жалобу, если:

а) в ней отсутствует полное наименование суда, но по представленным документам (судебным решениям) можно определить, что поданная кассационная жалоба относится к подсудности данного суда;

б) в ней отсутствует указание на суды, которые до этого рассматривали уголовное дело в первой и апелляционной инстанциях, если эти сведения могут быть установлены из приложенных к жалобе копий судебных решений;

в) в ней отсутствуют указания на конкретные нарушения норм уголовного и уголовно-процессуального закона в предыдущих решениях судов, в таких случаях оценка наличия нарушений должна быть проведена судьей после истребования уголовного дела;

г) в ней отсутствует конкретная просьба заявителя в отношении обжалуемого решения, а только имеются общие формулировки об отмене решения нижестоящей инстанции, изменении наказания, признании себя виновным.

Новый подход к пересмотру решений судов в кассационном порядке дает основания полагать, что в «сплошной» кассации имеется заинтересованность в том, чтобы происходила проверка законности решений судов и восстановление нарушенного баланса частных и публичных интересов. Первые итоги эффективности работы кассационных судов общей юрисдикции показывают, что 38% кассационных жалоб по уголовным делам были удовлетворены, что

<sup>294</sup> Определение Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 07 июля 2020 г. № 77-632/2020.

почти в три раза выше по сравнению с показателями за предыдущие годы<sup>295</sup>.

Вместе с тем возникают и вопросы относительно складывающейся системы пересмотра решений, вступивших в законную силу. Некогда экстраординарная стадия уголовного процесса превращается в обычную проверочную инстанцию, которая пересматривает законность решений, которые уже подлежат исполнению, на предмет обоснованности и справедливости, хотя и без исследования фактических данных. Более того, достаточно длительные сроки для подачи кассационных жалоб и представлений подрывают основополагающее свойство приговора — стабильность. Во-первых, вступившие в законную силу решения суда можно обжаловать три-четыре раза; во-вторых, заинтересованные в исходе дела участники могут подавать жалобы в разное время, что может затруднить процесс пересмотра судебных решений.

Если провести небольшое сравнительно-правовое исследование, то можно сказать, что в России формируется не похожая ни на одно другое европейское государство практика по пересмотру решений нижестоящих судов. Например, во Франции кассационная инстанция пересматривает не вступившие в законную силу решения судов, в исключительных случаях в интересах закона могут быть пересмотрены уже вступившие в законную силу решения суда. В Германии апелляционная и кассационная инстанция также пересматривают не вступившие в законную силу решения суда. Только в первом случае проверяется обоснованность и справедливость приговора, а во втором его законность. В России же «сплошная» кассация стала сочетать в себе все основания для пересмотра, проверяя и справедливость решения суда, если нарушены, например, правила назначения наказания, и его обоснованность, если судья нижестоящего суда не обосновал свое решение. «Сплошная» кассация фактически ломает сложившееся до реформы кассационное производство.

В то же время принцип законности можно понимать и иначе. Основная его задача как универсального, общеправового основополагающего правила — подтвердить единство национальной правовой системы и ее внутреннюю непротиворечивость. Именно создание непротиворечивой правовой системы является обязательным условием при определении содержания законности применительно

<sup>295</sup> См.: <https://zasudili.ru/news/Sovet-sudey-novosti-sudebnoy-sistemy> (дата обращения: 01.10.2020).

к судебной системе. Благодаря принципу законности подтверждается единство сложившей правоприменительной практики. Такое понимание законности заставляет нас задуматься над вопросом о том, обеспечивается ли на сегодняшний день в кассационных судах непротиворечивость. Более того, единство судебной системы на законодательном уровне рассматривается как ее отличительное и обязательное свойство, когда все ее элементы связаны и процесс обжалования во всех судах должен быть последовательным и единообразным.

Вместе с тем законодатель определил, что итоговые судебные решения пересматриваются кассационными судами общей юрисдикции в рамках «сплошной» кассации, промежуточные же решения этим судом пересматриваются по правилам «выборочной» кассации. Получается, что отсутствует единый порядок производства в этом суде. Также в зависимости от того, какой суд общей юрисдикции выступал в качестве суда первой инстанции, в одних случаях возможна подача двух кассационных жалоб, в других — только одной. Кроме того, в уголовно-процессуальном законе закреплён разный порядок подачи кассационных жалоб: в судебную коллегию Верховного Суда РФ она подается непосредственно, а в судебную коллегию кассационного суда общей юрисдикции — через суд первой инстанции.

Наконец, следует сказать, что в разных видах правосудия закреплена неодинаковая процедура кассационного пересмотра нижестоящих решений судов, если дело рассматривалось судом общей юрисдикции в субъекте РФ. По уголовным делам кассационной инстанцией выступает судебная коллегия Верховного Суда РФ; по гражданским делам — судебная коллегия кассационного суда общей юрисдикции; по административным — в зависимости от категории дела может быть один из вышеперечисленных судов. В итоге получается, что нарушается иерархия построения судебной системы. В уголовном правосудии апелляционные суды общей юрисдикции находятся выше кассационных, в гражданском же — наоборот. Таким образом, можно утверждать, что рациональный подход в этом отсутствует. Вообще, увеличение количества звеньев судебной системы не отвечает современным тенденциям, происходящим на постсоветском пространстве, где многие государства переходят на трехзвенную судебную систему: Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Молдавия. Несмотря на разное наименование в этих государствах судов, основная идея заключается в ин-

станционной последовательности: один суд — одна судебная инстанция. При этом кассационная инстанция нацелена на обеспечение единообразного применения законов судами и устранение существенных нарушений прав и свобод человека.

Несмотря на отсутствие единообразия правоприменительной практики в России, а также не всегда понятные законодательные решения по поводу кассационного производства, тем не менее, приоритетом в защите прав и свобод личности должен выступать национальный механизм защиты этих прав<sup>296</sup>. И такой механизм на сегодняшний день имеется, но, очевидно, еще будет подвергаться изменениям.

### Список литературы:

1. *Кобликов А.С.* Законность — конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М., 1979. 200 с.
2. *Конин В.В.* Проблемные вопросы применения общепризнанных норм и принципов международного права в российском уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2007. № 11. С. 26-27.
3. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. 470 с.

---

<sup>296</sup> *Конин В.В.* Проблемные вопросы применения общепризнанных норм и принципов международного права в российском уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2007. № 11. С. 26.

**Гармонизация процессуального законодательства РФ,  
регулирующего контрольно-проверочные стадии,  
как средство защиты прав личности и укрепления законности**

**Harmonization of the Russian Federation Procedural  
Legislation Covering Control and Verification Stages,  
as the Means of Personal Right Protection  
and Strengthening of Legality**

**Аннотация.** В статье показаны цели, значение гармонизации процессуального законодательства РФ, регулирующего апелляционное, кассационное, надзорное производство. Сделаны выводы о некоторых неоправданных различиях процессуальной формы пересмотра гражданских, административных, уголовных дел, экономических споров судами вышестоящих инстанций; определенных ограничениях доступа граждан в контрольно-проверочные стадии в сфере уголовного судопроизводства. В целях гармонизации процессуального законодательства обоснованы выводы по его совершенствованию.

**Ключевые слова:** процессуальное законодательство, гармонизация, апелляционное, кассационное, надзорное производство.

**Abstract.** The goals and significance are shown of harmonizing the procedural legislation of the Russian Federation regulating appeal, cassational, and supervisory proceedings. Conclusions are made about some unjustified differences in the procedural form of reviewing civil, administrative, criminal cases and economic disputes by higher courts; about certain restrictions on citizens access to control and verification stages in the criminal proceedings sphere. The conclusions on the procedural legislation improvement are reasoned for the purpose of its harmonization.

**Keywords:** procedural legislation, harmonization, appeal, cassational and supervisory proceedings.

<sup>297</sup> Борисевич Галина Яковлевна — кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Galina Y. Borisevich, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Chair, Perm State National Research University, Professor, Candidate of Juridical Sciences.

Путь возрождения апелляционного производства в России, радикальное реформирование его, а также кассационного и надзорного производства, длителен и непрост. Изначально в разной степени ему сопутствовала и в настоящее время сопровождает деятельность исследователей, законодателей по гармонизации гражданско-процессуального и уголовно-процессуального законодательства, поскольку оба вида процесса были устроены и в настоящее время действуют в соответствии с одинаковыми принципами правосудия. В ходе развития и совершенствования судебной системы стало очевидным значительное отличие от этих 2-х циклов судоустройства и судопроизводства в арбитражных судах. Существенные отличия законодательства о судоустройстве и судопроизводстве в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, регулирующего межотраслевые институты (в данном случае речь идет об апелляционном, кассационном и надзорном производстве) объективно обуславливают необходимость гармонизации ряда законодательных положений. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на то, что федеральный законодатель должен, во всяком случае, осуществлять соответствующее правовое регулирование с учетом того, что любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере регулирования должна отвечать установленным Конституцией РФ критериям, в том числе вытекающим из принципа равенства (ст. 19), в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им; соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях)<sup>298</sup>.

<sup>298</sup> Постановления Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П; 3.06.2004 № 11-П; 15.06.2006 № 6-П; 16.06.2006 № 7-П; 5.04.2007 № 5-П; 25.03.2008 № 6-П; 27.11.2009 № 18-П; 26.02.2010 № 4-П; 19.03.2010 № 7-П; 20.04.2010 № 9-П; 21.04.2010 № 10-П; 28.05.2010 № 12-П; 11.04.2011 № 4-П; 14.07.2011 № 16-П; 19.07.2011 № 18-П; 1.03.2012 № 5-П; 17.10.2011 № 22-П; 22.11.2011 № 25-П; 9.02.2012 № 2-П; 20.07.2012 № 20-П.

Существенные различия в судостроительстве и регулировании контрольно-проверочных стадий в процессуальном праве России между судами общей юрисдикции и арбитражными судами поставили под сомнение подлинность реализации принципа единства судебной системы, закрепленного в ст. 3 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 ФКЗ-1. Требовались реальные меры обеспечения реализации данного принципа, а также конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом. Начиная с 2010 г. по настоящее время государством в этом направлении были сделаны серьезные шаги: был принят пакет законов, целью которых явилось совершенствование судостроительства, судопроизводства по пересмотру решений судов во всех формах процессов судами вышестоящих инстанций, а также гармонизация ряда законодательных положений. Как справедливо отметил П.В. Крашенинников во вступительном слове к тексту Концепции единого Гражданского процессуального Кодекса, унификация ГПК и АПК призвана устранить противоречия между существующими двумя отраслями процессуального права; установить новые правила разрешения спорных правовых вопросов; сохранить наиболее удачные наработки существующих АПК и ГПК, распространив их на весь гражданский процесс; выявить кардинальные проблемы, которые предстоит решить (существование двух кассаций) и ряд других задач<sup>299</sup>.

Перечисленные задачи адресованы двум отраслям права. А между тем, применительно к межотраслевым институтам, к которым относятся апелляционное, кассационное, надзорное производство, объективно существует необходимость унификации процессуального законодательства РФ, регулирующего их, и задачи деятельности такого масштаба значительно шире. Учитывая важность изложенного П.В. Крашенинниковым, мы бы дополнили перечень аргументов автора тем, что унификация, гармонизация процессуального законодательства РФ имеет своей целью обеспечить его системность, реализацию конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом; одинаковый уровень защиты прав и законных интересов личности во всех формах судопроизводства; равный доступ для них в апелляционное, кассационное, надзорное производство во всех видах процессов; разумный баланс защиты нарушенных, либо поставленных под угрозу нарушения, прав лич-

<sup>299</sup> Крашенинников П.В. Концепция единого Гражданского процессуального Кодекса РФ. М., 2015. С. 11–12.

ности и интересов государства; модернизацию судов; оптимальную нагрузку судей; единство судебной системы; единообразие судебной практики; повышение эффективности правосудия и осуществление его в разумные сроки; укрепление законности; повышение авторитета суда как органа правосудия и судебной власти; повышение доверия к населению.

На основе проведенного сравнительного правового регулирования можно сделать выводы об имеющих место ситуациях, свидетельствующих о некоторых неоправданных различиях в дифференциации процессуальной формы пересмотра гражданских, административных, уголовных дел, экономических споров судами вышестоящих инстанций; неравных условиях защиты прав граждан в различных формах судопроизводства; определенных ограничениях доступа граждан в контрольно-проверочные стадии в сфере уголовного судопроизводства. Для устранения имеющих место противоречий считаем целесообразным в целях гармонизации процессуального законодательства внести в УПК РФ следующие изменения:

1. Сроки апелляционного обжалования судебных решений в процессуальном праве РФ существенно разнятся. Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ, по примеру АПК, срок апелляционного обжалования решений, в соответствии с ГПК, был изменен и составил месяц со дня принятия решения в окончательной форме. Такой же месячный срок предусмотрен и ч. 1 ст. 298 КАС. Что же касается УПК, то норма о сроке апелляционного обжалования судебных актов осталась неизменной с дореформенного периода. Разделяем высказанные в юридической литературе аргументы о необходимости увеличения срока подачи апелляционных жалоб, представлений в уголовном процессе с 10 до 15 суток<sup>300</sup>.

2. В отличие от УПК, среди оснований изменения и (или) отмены решений в апелляционном порядке в АПК (п.п. 1–2 ч. 1 ст. 270), ГПК (п.п. 1–2 ст. 330), КАС (п.п. 1–2 ч. 2 ст. 310) закреплены такие, как «неправильное определение, неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела; недоказанность этих обстоя-

<sup>300</sup> См.: Качалов В.И. Недостатки законодательной регламентации апелляционного производства по уголовному делу // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 40–46; Борисевич Г.Я. О гармонизации норм, регулирующих апелляционное производство в соответствии с УПК, ГПК, АПК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1761–1764; Проект Федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ» от 27.04 2017 № 13 // Официальный сайт ГД РФ – <http://duma.gov.ru>.

тельств». Мы разделяем мнение Л. А. Воскобитовой о том, что это более точное определение системы оснований, которое в большей мере адекватно задачам апелляционной проверки. Природа же апелляционной проверки едина независимо от вида судопроизводства<sup>301</sup>. Подчеркнем, что эта общность обуславливает и одинаковый уровень защиты прав граждан во всех формах судопроизводства, единые гарантии исправления ошибок суда первой инстанции. Представляется, что в УПК РФ в систему оснований изменения (отмены) решений судов в апелляционном порядке целесообразно включить такие нарушения, как неправильное (одностороннее, неполное, необъективное) установление фактических обстоятельств, допущенных при рассмотрении дела судом первой инстанции.

3. Несомненным достоинством судебной реформы, проводимой в РФ, является (по примеру АПК) закрепление в 2018 г. в ГПК И УПК РФ норм о сплошной кассации. Нам представляется, что в будущем в уголовном процессе предмет сплошной кассации должен быть расширен, а выборочная кассация, недостатки которой очевидны, сокращена либо ликвидирована полностью.

4. В ходе судебной реформы основания изменения и (или) отмены судебных решений в первой кассации, по примеру ст. 288 АПК, в ГПК (ст. 379<sup>7</sup>), КАС (ст. 328) изменены и стали характерными для смешанной кассации. В этих циклах они отличаются от соответствующих оснований во второй кассации. Содержание же аналогичной ст. 401<sup>15</sup> УПК (нормы, регулирующие основания изменения, отмены решений в первой кассации) осталось без изменения. В итоге, в соответствии с УПК, основания изменения и (или) отмены решений в обеих кассациях одинаковы и характерны для экстраординарной (чистой) кассации, что свидетельствует об ограничении доступа в первую кассацию в уголовном судопроизводстве. Имеющиеся противоречия в этом отношении между нормами процессуальных кодексов, думается, должны быть устранены.

5. Согласно ст. 291<sup>3</sup>, 291<sup>5</sup> АПК; ст. 320, п. 1 ч. 1 ст. 321 КАС отсутствие в кассационных жалобе, представлении, поданных во вторую кассацию сведений об основаниях для изменения и (или) отмены судебных решений, не является поводом для возвращения

их без рассмотрения по существу. Это обстоятельство облегчает доступ во вторую кассацию. Однако такого «ослабления» не предусмотрено в УПК (ст. 401<sup>5</sup>) и ГПК (ст.ст. 378<sup>1</sup>, 379<sup>1</sup>, 390<sup>5</sup>, 390<sup>6</sup>). По УПК жалоба, представление возвращаются без рассмотрения по существу, если в них не указаны допущенные судами существенные нарушения норм уголовного или уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, с приведением доводов, свидетельствующих о таких нарушениях (п. 5 ч. 1 ст. 401<sup>4</sup>). Поскольку в ГПК в 2018 г. закреплены основания изменения и (или) отмены судебных актов, характерные для «смешанной» кассации, то, соответственно, и требования в этой части к составлению жалобы, представления опять же более «мягкие», чем в УПК. Думается, что неоправданные различия в регулировании данных вопросов также должны быть устранены.

6. Смешанная кассация, предусмотренная АПК, ГПК, КАС РФ, представляет повышенный уровень гарантий прав личности и укрепления законности. К тому же доступ в кассацию в трех видах процесса возможен лишь при условии, если обжалуемое судебное решение до вступления его в законную силу было предметом рассмотрения в суде апелляционной инстанции (ст. 273 АПК, ч. 1 ст. 376 ГПК, ч. 2 ст. 318 КАС). Такой «обязательной» апелляции в уголовном процессе нет. Это обстоятельство также вызывает вопросы и определенные возражения. Стороны должны пройти предусмотренные законом ступени обжалования судебных актов, что соответствует международным правовым стандартам. Правило исчерпания всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты является оптимальным средством исправления судебных ошибок, правовой возможностью участников судопроизводства и иных лиц, права и обязанности которых определены решением суда, заявить обоснованные ходатайства об устранении нарушений, допущенных судом первой инстанции. Мы уже отмечали ранее, что правила «исчерпания способов обжалования» должны быть закреплены и в УПК РФ<sup>302</sup>.

7. Что касается надзорного производства. При том порядке, в котором осуществляется кассация в арбитражном, гражданском,

<sup>301</sup> См.: *Воскобитова Л.А.* Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // *Lex Russica*, 2012. № 5. С. 979–980; *Борисевич Г.Я.* О неоправданных различиях в регулировании апелляционного производства в процессуальном праве России // *Седьмой пермский конгресс ученых-юристов. Сб. научных статей.* М., 2017. С. 57.

<sup>302</sup> *Борисевич Г.Я.* О несовершенстве регулирования первого этапа кассационного производства в процессуальном праве России // *Вестник Пермск. ун-та. Юрид. науки.* 2016. № 4. С. 467–474; О едином подходе регулирования института кассационного производства в соответствии с УПК, ГПК, АПК РФ // *Вестник Самарского государственного университета.* 2014. № 11/2 (122). С. 155.

административном процессе, надзорное производство в большей степени носит исключительный, резервный, дополнительный характер. Основания изменения и (или) отмены судебных решений в надзорном порядке в арбитражном, гражданском, административном судопроизводстве унифицированы и отличаются от соответствующих оснований в кассационном производстве, что следует признать правильным. В уголовном процессе, по-прежнему, основания изменения и (или) отмены судебных решений в кассационном и надзорном порядке тождественны, дублируют друг друга. Считать это спецификой уголовного судопроизводства нельзя<sup>303</sup>.

8. Представляется, что решение вопросов и связанных с ними проблем унификации, гармонизации процессуального законодательства России, применительно к межотраслевым институтам, требуют совместных усилий специалистов в области арбитражного, гражданского, административного, уголовного процесса; согласованности позиций законодателей во всех формах судопроизводства.

#### Список литературы:

1. *Борисевич Г.Я.* О гармонизации норм, регулирующих апелляционное производство в соответствии с УПК, ГПК, АПК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 91-106.
2. *Борисевич Г.Я.* О едином подходе регулирования института кассационного производства в соответствии с УПК, ГПК, АПК РФ // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2 (122). С. 154-160.
3. *Борисевич Г.Я.* О неоправданных различиях в регулировании апелляционного производства в процессуальном праве России // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов. Сб. научных статей. М., 2017. С. 52-57.
4. *Борисевич Г.Я.* О несовершенстве регулирования первого этапа кассационного производства в процессуальном праве России // Вестник Пермск. ун-та. юрид. науки. 2016. Вып. 4 (34). С. 467–474.
5. *Борисевич Г.Я.* Эволюция российского процессуального законодательства, регулирующего основания изменения и (или) отмены судебных актов в порядке надзора // Восьмой пермский кон-

гресс ученых-юристов: сб. науч. ст. / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова; Пермь: гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2017. С. 289-291.

6. *Воскобитова Л.А.* Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // Lex Russica, 2012 № 5. С. 976-991.

7. *Качалов В.И.* Недостатки законодательной регламентации апелляционного производства по уголовному делу // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 41-47.

8. *Крашенинников П.В.* Концепция единого Гражданского процессуального Кодекса РФ. М., 2015.

---

<sup>303</sup> *Борисевич Г.Я.* Эволюция российского процессуального законодательства, регулирующего основания изменения и (или) отмены судебных актов в порядке надзора// Пермск. конгресс ученых-юристов. Пермь. 2017. С. 289–291.

**Выявление и устранение судебных ошибок  
в уголовном судопроизводстве**

**Identification and elimination of judicial errors  
in criminal proceedings**

**Аннотация.** Судебные ошибки рассматриваются в значении неправильного применения закона, а не его нарушения. Утверждается, что судебные ошибки отличаются многообразием и возникают по различным причинам: от низкого качества нормативного правового регулирования до загруженности судей, их профессиональной некомпетентности и сложности уголовных дел. Выявленные судебные ошибки, повлиявшие на правильность применения закона, подлежат устранению путем изменения либо отмены процессуального акта.

**Ключевые слова:** суд, ошибки, нарушения, выявление, устранение.

**Abstract.** Miscarriages of justice are considered to mean misapplication of the law, not violation of it. It is argued that judicial errors are diverse and arise for various reasons: from the low quality of legal regulation to the workload of judges, their professional incompetence and the complexity of criminal cases. Identified judicial errors that affected the correct application of the law are subject to elimination by changing or canceling the procedural act.

**Keywords:** court, errors, violations, detection, elimination.

Современное отечественное уголовно-процессуальное законодательство не содержит определения судебных ошибок, но предусматривает их признаки, определяет правила обнаружения и исправления, восстановления нарушенных конституционных прав граждан. Кроме того, термин «судебные ошибки» широко употребляется в юридической литературе, официально используется выс-

<sup>304</sup> Семенцов Владимир Александрович, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор юридических наук, профессор.

Vladimir A. Sementsov, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University", Doctor of Law, Professor.

шими судебными инстанциями, в том числе, Конституционным Судом РФ, в контексте оценки судебных актов.

«Природа судебных ошибок в том, — справедливо отмечал Б. Колб, — что каждое судебное решение содержит элементы субъективности: юридически решение принимается судом, а фактически решают судьи, люди, решения которых субъективны, зависят от их профессиональной квалификации и психологических особенностей. Поэтому судебные ошибки не только возможны, они неизбежны, поскольку природа их принципиально неустранима. Проблема сводится к поиску средств, уменьшающих, насколько возможно, влияние субъективности»<sup>305</sup>.

В обзоре судебной практики дисциплинарной коллегии Верховного суда РФ сделан акцент на том обстоятельстве, что «судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности... в результате судебной ошибки, явившейся следствием неверной оценки доказательств по делу либо неправильного применения норм права»<sup>306</sup>.

В науке и практике уголовного судопроизводства отсутствует единство мнений о сущности судебных ошибок, под которыми обычно понимается не только неправильное применение закона, но и его нарушение. Например, А. Д. Назаров определяет ошибку как не содержащее признаков уголовно-наказуемого деяния незаконное или необоснованное действие, бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс, выразившееся в нарушении закона<sup>307</sup>.

Вместе с тем указанные понятия не равнозначны, поскольку термин «ошибка» означает неправильность в действиях, поступках, высказываниях, погрешность, а слова «нарушение», «нарушить» истолковываются в двух значениях: как прерывание чего-нибудь, либо как несоблюдение (закона, договора, порядка)<sup>308</sup>. Поэтому судебную ошибку необходимо рассматривать в значении неправильности, а не нарушения.

<sup>305</sup> Колб Б. Природа и причины судебных ошибок // Законность. 1997. № 3. С. 47.

<sup>306</sup> Куликов В. Верховный суд запретил наказывать судей за неумышленные судебные ошибки // Рос. газ. 2020. 21 мая.

<sup>307</sup> Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. С. 9–10.

<sup>308</sup> Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2009. С. 478, 617.

Основные причины судебных ошибок, как правило, кроются в недостаточно внимательном отношении к собиранию, проверке и оценке доказательств по уголовным делам в ходе досудебного производства и в суде, в неверной квалификации деяний, несоблюдении правил проведения отдельных следственных действий и применения мер процессуального принуждения, неправильном оформлении процессуальных документов. Например, неточности в оформлении процессуальных документов могут быть следствием игнорирования правил «протокольного языка», погрешностями в использовании юридических терминов и понятий, речевых оборотов, стилистических правил и обязательных реквизитов.

Судебные ошибки могут иметь как объективный, так и субъективный характер, но в каждом конкретном случае они возникают в результате различных причин: от низкого качества нормативного правового регулирования до загруженности судей, их профессиональной некомпетентности и сложности уголовных дел. По мнению А.А. Ильюхова, обстоятельства судебных ошибок субъективного характера «выступают личностные особенности самого судьи и накопленный им профессиональный опыт», а причинами объективного характера — ситуации, в которых «судья не столько препятствует наступлению судебной ошибки, сколько сам создает различного рода условия для ее наступления»<sup>309</sup>.

Последствием судебной ошибки может быть не только необходимость восстановления нарушенных прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, но и решение вопроса о досрочном прекращении полномочий судьи в том случае, когда неправосудность судебного акта явилась «результатом такого поведения судьи, которое по своему характеру несовместимо с занимаемой им должностью. Иное не соответствовало бы принципам независимости, несменяемости и неприкосновенности судей, которые подлежат реализации и при дисциплинарном преследовании отдельных представителей судебной власти»<sup>310</sup>.

<sup>309</sup> Ильюхов А.А. Судебные ошибки, их классификация и влияние на отправление правосудия в суде с участием присяжных заседателей // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 88–89.

<sup>310</sup> Пункт 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 28.02.2008 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 21, 22 и 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г.Н. Белусовой, Г.И. Зиминной, Х.Б. Саркитова, С.В. Семак и А.А. Филатовой» // СПС «КонсультантПлюс».

Судебные ошибки отличаются многообразием и традиционно рассматриваются в широком либо узком смысле. При широком подходе под судебными ошибками понимаются неверные действия и решения судьи на любой стадии уголовного судопроизводства, а узкий подход подразумевает, что судебные ошибки возникают только после вынесения судом итоговых решений. Так, Л. А. Терехова, сторонница узкого подхода, пишет: «о судебной ошибке можно говорить применительно к состоявшемуся судебному акту, разрешающему дело по существу. Последний выступает средством достижения целей судебной деятельности, а судебная ошибка появляется там, где эти цели не достигнуты»<sup>311</sup>.

Однако в ряде случаев судебные ошибки могут содержаться в актах, самостоятельное обжалование которых законом не предусматривается, например, в определениях или постановлениях, вынесенных в ходе судебного разбирательства, о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников, поскольку они обжалуются в апелляционном порядке, по общему правилу, одновременно с обжалованием итогового судебного решения по уголовному делу (ч. 1 ст. 253 УПК РФ).

Судебные ошибки, в зависимости от последствий, к которым они привели, разграничиваются на существенные и несущественные (формальные). Существенными являются ошибки, которые связаны с неправильным применением закона, что обязывает суд устранить их, а несущественные ошибки – это те, что не отнесены законодателем к основаниям отмены и изменения решений суда. Именно как существенную судебную ошибку, послужившую основанием к отмене приговора, следует рассматривать исключение из разбирательства допустимых доказательств, ограничивших тем самым гарантированные законом права участников уголовного судопроизводства на предоставление доказательств, что «может повлиять на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них»<sup>312</sup>.

Судебные ошибки бывают явные и скрытые. Скрытые (неустановленные, латентные) ошибки не предполагают изменения

<sup>311</sup> Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 13.

<sup>312</sup> Постановление Пленум Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Рос. газ. 2005. 2 дек.

или отмены судебных решений, но их наличие оказывает негативное влияние на авторитет судебной власти.

По степени распространённости судебные ошибки подразделяются на типичные и атипичные. Типичные ошибки должны быть однородными и повторяемыми, а атипичные — это те, что принято считать единичными, неповторяющимися, случайными, возникающими из-за невнимательности судьи, исправление которых не может вызвать сомнений и не затрагивает существа приговора, не влечет ухудшение положения осужденного.

Примером атипичной судебной ошибки могут послужить материалы уголовного дела № 1-10, в рамках которого 26 апреля 2017 г. Павинским районным судом Костромской области в открытом судебном заседании с использованием видео-конференц-связи рассмотрен вопрос об исправлении описки в приговоре от 10 апреля 2017 г. в отношении В.Н. Бачерикова, осужденного по п. «г» ч. 2 ст. 163 и ч. 2 ст. 167 УК РФ, хотя в резолютивной части приговора указана ч. 1 ст. 167 УК РФ. Основываясь на разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что с учетом положений п. 15 ст. 397 УПК РФ суды вправе в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ, разрешить вопросы, которые не затрагивают существо приговора и не влекут ухудшение положения осужденного, например, об устранении описок, если они очевидны и исправление их не может вызвать сомнение<sup>313</sup>, судом принято решение об исправлении описки в абзаце 3 резолютивной части приговора в отношении В. Н. Бачерикова — после буквы «ч.» цифру «1» заменить на цифру «2» и считать наказание в виде лишения свободы на срок 3 (три) года назначенным по ч. 2 ст. 167 УК РФ<sup>314</sup>.

По другому уголовному делу апелляционным постановлением Советского районного суда Ставропольского края от 28 июня 2019 г. устранены технические ошибки, допущенные во вводной и описательно-мотивировочной частях приговора от 23 мая 2019 г. в отношении Барабаша, на которые указал государственный обвинитель в апелляционном представлении, выразившиеся в дате составления приговора — 23 мая 2018 г., а при

<sup>313</sup> Подпункт «н» пункта 22 и пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 (в ред. от 18.12.2018) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Рос. газ. 2011. 30 дек.

<sup>314</sup> Постановление Павинского районного суда Костромской области от 26.04.2017 по уголовному делу № 1-10 «Об исправлении описки в приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».

квалификации действий осужденного Барабаша его отчество указано как «Николаевич»<sup>315</sup>.

Довольно часто судебные ошибки допускаются из-за нарушений в протоколах судебных заседаний: от погрешностей в их содержании до отсутствия подписи судьи или секретаря, что служит основанием к отмене или изменению решений нижестоящих судов.

Конституционный Суд РФ отмечает, что «требования к ведению протокола судебного заседания определяют его значение как процессуального документа, который призван достоверно и последовательно отражать ход судебного разбирательства, способствовать постановлению приговора в соответствии с доказательствами, исследованными в судебном заседании, и обеспечивать возможность контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за выполнением судом требований закона при разрешении уголовных дел»<sup>316</sup>.

Последствия ошибок могут быть неблагоприятными как для заинтересованных участников уголовного судопроизводства, так и авторитета судебной власти, а также часто чреваты финансовыми потерями для государства. В Международном пакте о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.)<sup>317</sup> указано, что гражданин, приговоренный за уголовное преступление, но оправданный ввиду открывшихся фактов, указавших на судебную ошибку, должен получить предусмотренную законом компенсацию, а исключения составляют те случаи, когда человек сам способствовал сокрытию этих фактов.

В Российской Федерации пострадавший в результате судебной ошибки может добиться компенсации только через суд. Основанием для рассмотрения судом вопроса о судебной ошибке служит установление факта такой ошибки и необходимость ее устранения. Устранение судебной ошибки — это результат ее выявления, с констатацией в материалах уголовного дела конкретного факта, повлиявшего на правильности решения. Устранение судебной ошибки выражается в изменении либо отмене обжалуемого процессуально-

<sup>315</sup> Апелляционным постановлением Советского районного суда Ставропольского края от 28.06.2019 № 10-7/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>316</sup> Пункт 3 Постановления Конституционного суда РФ от 14.06.2017 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Савченко» // СЗ РФ. 2017. № 31 (часть II). Ст. 4983.

<sup>317</sup> Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

го акта. Конституционный суд РФ неоднократно отмечал, что невозможность пересмотра решения, содержащего судебную ошибку, ущемляет право на судебную защиту<sup>318</sup>, а также противоречит смыслу и принципам правосудия<sup>319</sup>.

Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ, «ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия; судебная ошибка, во всяком случае, должна расцениваться как нарушение ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации и в соответствии с ее статьей 18 подлежит устранению в судебном порядке, причем даже тогда, когда она допущена при рассмотрении дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством признается окончательным в том смысле, что согласно обычной процедуре оно не может быть изменено». В результате сделан вывод: исправление судебных ошибок вытекает из предназначения правосудия и необходимости вынесения правосудного решения<sup>320</sup>.

И еще. Конституционный Суд РФ, раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту (Постановления от 02.02.1996 № 4-П, от 03.02.1998 № 5-П, от 05.02.2007 № 2-П и др.), пришел к выводу, что «отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляет и ограничивает данное право. Институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать возможность затягивания или необос-

<sup>318</sup> См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2005 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 260 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.Г. Одиянкова» // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 337.

<sup>319</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

<sup>320</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 № 15-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389<sup>13</sup>, части третьей статьи 389<sup>20</sup> и части первой статьи 389<sup>24</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 3.

нованного возобновления судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов»<sup>321</sup>.

«Проблема судебной ошибки, — справедливо отмечает В. Н. Курченко, — в ее двойной опасности. С одной стороны, невиновный осуждается или требования добросовестной стороны не удовлетворяются, а с другой — истинный виновный остается ненаказанным, а недобросовестная сторона получает поддержку. Чтобы этого избежать, вышестоящие судебные инстанции и проверяют судебные акты нижестоящих на предмет ошибок»<sup>322</sup>.

Устранение судебных ошибок, а также предупреждение нарушений в будущем, как необходимое условие повышения эффективности отправления правосудия, может достигаться разными путями, в качестве основного из которых выступает пересмотр уголовного дела вышестоящей судебной инстанцией, когда проверяется правильность судебного решения, его соответствие обстоятельствам дела, нормам материального и процессуального права. В уголовно-процессуальном законе предусмотрено четыре формы устранения судебных ошибок при пересмотре судебных решений, принятых судом первой инстанции: апелляционная, кассационная, надзорная и ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Каждая из названных процессуальных форм устранения судебных ошибок призвана фактически исправить ошибку суда, либо создать предпосылки для ее исправления путем направления уголовного дела суду первой инстанции на повторное рассмотрение, или прокурору — в связи с обнаружением непреодолимых для суда препятствий (например, в результате ошибочно заниженной квалификации или размера причиненного преступлением вреда).

Базируясь на изложенном, отметим главное.

<sup>321</sup> Пункт 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 № 7-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Амосовой, Т. Т. Васильевой, К. Н. Жестковой и других» // СЗ РФ. 2010. № 14. Ст. 1734.

<sup>322</sup> Курченко В.Н. Судебная ошибка: ответственность, но не право // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 6.

Судебную ошибку необходимо рассматривать в значении не правильного применения закона, а не его нарушения. Судебные ошибки отличаются многообразием и возникают в результате различных причин: от низкого качества нормативного правового регулирования до загруженности судей, их профессиональной некомпетентности и сложности уголовных дел.

Последствия судебной ошибки могут быть неблагоприятными для заинтересованных участников уголовного судопроизводства, авторитета судебной власти, чреватые финансовыми потерями для государства. Устранение судебной ошибки – результат ее выявления, с констатацией в материалах уголовного дела конкретного факта, повлиявшего на правильность решения, и выражающегося в изменении либо отмене процессуального акта.

#### Список литературы:

1. Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2009. 1268 с.
2. *Ильюхов А.А.* Судебные ошибки, их классификация и влияние на отправление правосудия в суде с участием присяжных заседателей // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 88–92.
3. *Колб Б.* Природа и причины судебных ошибок // Законность. 1997. № 3. С. 44–47.
4. *Куликов В.* Верховный суд запретил наказывать судей за неумышленные судебные ошибки // Рос. газ. 2020. 21 мая.
5. *Курченко В.Н.* Судебная ошибка: ответственность, но не право // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 4–17.
6. *Назаров А.Д.* Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. 43 с.
7. *Терехова Л.А.* Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 46 с.

Овсянников И.В.  
Ovsyannikov I.V.<sup>323</sup>

#### О зависимости оснований пересмотра приговоров от формы разбирательства в суде первой инстанции

#### On the dependence of the grounds for the revision of sentences from the form of proceedings in the first instance court

**Аннотация.** В статье анализируются особенности пересмотра приговоров по уголовным делам, рассмотренным с участием коллегии присяжных заседателей либо в особом порядке судебного разбирательства при согласии подсудимого с предъявленным обвинением или при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; выявляются недостатки правового регулирования. Формулируются предложения по совершенствованию названия и содержания статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ.

**Ключевые слова:** суд с участием присяжных заседателей, особый порядок судебного разбирательства, суд апелляционной инстанции, основания пересмотра приговоров.

**Abstract.** The article analyzes the provisions of Article 389<sup>27</sup> of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, identifies the shortcomings that make it difficult to understand their meaning. Proposals are formulated to improve the title and content of this article.

**Keywords:** jury trial, special procedure for trial, appellate court, grounds for reviewing sentences.

Статья 389<sup>27</sup> УПК РФ является одной из самых лаконичных и небольших по объему, а также едва ли не уникальной для уголовно-процессуального закона по соотношению количества слов в ее названии и содержании, но далеко не самой ясной. Эта статья наводит на мысль о наличии определенной зависимости оснований пересмотра приговоров в суде апелляционной инстанции от формы разбирательства в суде первой инстанции. Однако анализ этой ста-

<sup>323</sup> Овсянников Игорь Владимирович, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент.

Igor V. Ovsyannikov, Chief Researcher of the Scientific Research Department of the Scientific Center of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor.

тьи и выяснение ее точного смысла затруднены рядом недостатков ее содержания и названия.

В содержании ст. 389<sup>27</sup> УПК РФ законодатель указывает на нормы уголовно-процессуального закона (пункты 2–4 ст. 389<sup>15</sup> УПК РФ) как на основания отмены или изменения судебных решений следующих двух групп:

а) судебные решения, вынесенные с участием коллегии присяжных заседателей;

б) судебные решения, вынесенные в порядке, предусмотренном главами 40 и 40<sup>1</sup> УПК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 14 Постановления от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (далее — Постановление от 27.11.2012 № 26) указывает: *«Исходя из положений статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ приговоры, постановленные судом с участием коллегии присяжных заседателей либо в порядке, предусмотренном статьей 316 или статьей 317<sup>7</sup> УПК РФ, не подлежат пересмотру в суде апелляционной инстанции в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела»*<sup>324</sup>. Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ, ссылаясь на положения статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ, вслед за законодателем тоже говорит, в частности, о приговорах, постановленных судом с участием коллегии присяжных заседателей.

Следует учитывать, что под судебными решениями, выносимыми в суде первой инстанции, в уголовно-процессуальном законе понимаются приговор, определение, постановление (п. 53<sup>1</sup> ст. 5 УПК РФ). При этом для коллегии присяжных заседателей уголовно-процессуальным законом предусмотрена возможность вынесения только вердикта, т.е. решения о виновности или невиновности подсудимого (п. 5 ст. 5 УПК РФ). Следовательно, в суде с участием присяжных заседателей выносимое присяжными решение (вердикт) к числу судебных решений, строго говоря, не относится, хотя и оказывает влияние на принимаемое председательствующим по результатам судебного разбирательства последующее судебное решение (на приговор либо постановление о роспуске коллегии присяж-

ных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда).

Важно и то, что полномочия присяжных заседателей ограничены решением лишь тех вопросов, которые указаны в ч. 1 ст. 334 УПК РФ. В ч. 2 ст. 334 УПК РФ законодатель подчеркивает, что иные вопросы должны разрешаться единолично председательствующим и без участия присяжных. Кроме того, по смыслу ч. 2 ст. 346 УПК РФ провозглашение вердикта, безусловно, влечет за собой окончание участия присяжных заседателей в судебном разбирательстве. Любое возможное последующее судебное решение (постановление о прекращении дела, оправдательный или обвинительный приговор, постановление о роспуске коллегии присяжных и направлении дела на новое рассмотрение), принятием которого заканчивается разбирательство дела, принимается председательствующим без участия присяжных (ст. 350 УПК РФ).

Таким образом, существующий регламент предусматривает возможность судебного производства (рассмотрения уголовного дела судом) с участием коллегии присяжных заседателей, но не предусматривает возможности вынесения с ее участием каких-либо судебных решений.

В целях разрешения выявленного противоречия следует обратить внимание на название статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ, которое сформулировано законодателем следующим образом: *«Особенности пересмотра приговоров по уголовным делам, рассмотренным с участием коллегии присяжных заседателей либо в порядке, предусмотренном главами 40 и 40<sup>1</sup> настоящего Кодекса»*. Нетрудно заметить, что в названии данной статьи речь идет тоже о двух группах, но не решений, а уголовных дел. При этом терминология, использованная законодателем в названии обсуждаемой статьи для обозначения приговоров по уголовным делам первой из двух групп, представляется нам более корректной.

С учетом изложенного более корректно, по нашему мнению, было бы в содержании статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ и в пункте 14 Постановления от 27.11.2012 № 26 говорить соответственно не о судебных решениях, вынесенных с участием коллегии присяжных заседателей, и не о приговорах, постановленных судом с участием коллегии присяжных заседателей, а о судебных решениях, которые вынесены по уголовным делам, рассмотренным с участием коллегии присяжных заседателей. Соответствующие изменения целесообразно внести в содержание статьи

<sup>324</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.

389<sup>27</sup> УПК РФ и в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26.

Тем не менее, формулировка названия статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ представляется нам тоже неидеальной. Вторая группа уголовных дел, о которых идет речь в названии этой статьи, поименована как уголовные дела, рассмотренные в порядке, предусмотренном главами 40 и 40<sup>1</sup> УПК РФ. Союз «и», использованный в данном случае законодателем, может навести на мысль о том, что подразумевается какой-то единый порядок. В разделе X УПК РФ «Особый порядок судебного разбирательства» действительно содержатся две главы: 40 и 40<sup>1</sup>. Но эти две главы предусматривают не один, а два различных порядка: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Полагаем, что в приведенной выше цитате из Постановления от 27.11.2012 № 26 Пленум Верховного Суда РФ неслучайно говорит о «*порядке, предусмотренном статьей 316 или статьей 317<sup>7</sup> УПК РФ* (выделено мной — *И. О.*)». Использование Пленумом в данном случае между номерами двух статей, содержащихся соответственно в двух главах УПК РФ (40 и 40<sup>1</sup>), союза не «и», а «или», представляется более точным, так как отражает наличие не одного, а двух процессуальных порядков. Соответствующие коррективы было бы логично внести в название и в содержание статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ.

Следующая проблема. В содержании статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ законодатель указывает на основания отмены или изменения судебных решений, но формулировка названия статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ такова, что ограничивает спектр этих судебных решений, акцентируя внимание правоприменителя на особенностях пересмотра лишь приговоров. Возможно, по этой причине и Пленум Верховного Суда РФ в пункте 14 Постановления от 27.11.2012 № 26 утверждает об определенном ограничении оснований пересмотра лишь приговоров, хотя в пункте 4 того же Постановления от 27.11.2012 № 26 разъясняет, что в апелляционном порядке могут быть обжалованы не вступившие в законную силу итоговые судебные решения, к числу которых относятся, в частности, приговор, определение (постановление) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, определение (постановление) о применении либо об отказе в применении принудительных мер медицинского характера,

определение (постановление) о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Между тем, в суде с участием присяжных заседателей разбирательство уголовного дела может закончиться не только приговором. Например, в случаях, предусмотренных ст. 254 УПК РФ, разбирательство может закончиться принятием председательствующим судьей постановления о прекращении уголовного дела (п. 1 ст. 350 УПК РФ).

Вынесение судом по делу не только приговора, но и иных судебных решений, возможно и в рамках, например, особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 УПК РФ. Пленум Верховного Суда РФ дает судам следующее разъяснение по этому вопросу: «*Глава 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, содеянное обвиняемым может быть переqualифицировано, а само уголовное дело прекращено (например, в связи с истечением сроков давности, изменением уголовного закона, примирением с потерпевшим, амнистией, отказом государственного обвинителя от обвинения) и т.д., если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются*»<sup>325</sup>.

В связи с этим возникает вопрос: от формы разбирательства в суде первой инстанции зависят основания пересмотра только приговоров, или все-таки и иных итоговых судебных решений?

Полагаем, это еще одна причина, позволяющая рекомендовать законодателю в целях правильного понимания его воли и единообразного применения положений статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ практическими работниками усовершенствовать содержание и название этой статьи.

В заключение отметим, что при анализе статьи 389<sup>27</sup> УПК РФ неизбежно возникает и такой вопрос: учитывая, что прямого запрета на пересмотр каких-либо приговоров по основанию, предусмотренному в п. 1 ст. 389<sup>15</sup> УПК РФ, обсуждаемая статья не содержит, должны ли те формы разбирательства в суде первой инстанции, которые так или иначе отражены в обсуждаемой статье, безусловно

<sup>325</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (пункт 12) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

исключать возможность пересмотра постановленных приговоров в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции? Думается, что этот вопрос является более сложным, проблемным, он актуален и для науки уголовного процесса, а потому заслуживает отдельного рассмотрения.

Стрелкова Ю.В.  
Strelkova Y.V.<sup>326</sup>

### **Законность и обоснованность вердикта присяжных заседателей**

#### **The legality and validity of the jury's verdict**

**Аннотация.** В статье исследуются проблемы новейшей апелляционной и кассационной практики проверки приговоров, вынесенных в суде присяжных, связанные с пороком вердикта. Автором приводится собственная условная классификация подобных нарушений, основанная на признании свойства обоснованности вердикта, выделяемого в доктрине уголовного судопроизводства, анализируются отдельные процессуальные нарушения.

**Ключевые слова:** вердикт, суд присяжных, присяжные заседатели, приговор, законность, обоснованность.

**Abstract.** The article examines the problems of the latest appeal and cassation practice of verifying decisions passed in a jury trial, related to the defects of the verdict. The author provides his own nominal classification of such violations, based on the recognition of validity of the verdict, highlighted in the doctrine of criminal proceedings, analyses particular procedural violations.

**Keywords:** verdict, jury, jurors, sentence, legality, validity.

Категории законности и обоснованности вердикта с точки зрения апелляционной и кассационной проверки имеют сугубо теоретическое значение: безусловно, обжалованию подлежит приговор, вынесенный судом с участием присяжных заседателей. Вместе с тем, приговор, вынесенный в этой форме рассмотрения дела, может быть обжалован в двух ключевых ракурсах: в связи с нарушениями, не образующими порок вердикта (неверная интерпретация вердикта в приговоре, вопросы наказания и др.), и по причине нарушений, влияющих на вердикт присяжных — в таком случае возникает необходимость в новом рассмотрении дела с этапа формирования коллегии.

---

<sup>326</sup> Стрелкова Юлия Владимировна, кандидат юридических наук, адвокат АП г. Москвы (АБ «Сословие»).

Yulia V. Strelkova, PhD, Advocate of the Moscow Bar Association (Law Firm "Soslovie").

При возникновении нарушений второго вида (вызывающих порок вердикта) из триады апелляционных оснований *de jure* проводится проверка законности судебного решения (приговора). Вместе с тем, мы полагаем возможным выделить группу нарушений, *de facto* свидетельствующих о пороке обоснованности вердикта: такое теоретическое разделение позволит наиболее точно различать природу и последствия действий, вызывающих направление дела на новое рассмотрение с этапа формирования коллегии, и может составлять основу для более удобной классификации нарушений.

Российская модель вердикта не предполагает наличия письменного обоснования, составляемого присяжными<sup>327</sup>. Вместе с тем, в теории уголовного судопроизводства вердикт нередко понимается как решение, которое презюмируется обоснованным<sup>328</sup>, несмотря на то, что в случае с вердиктом это свойство не визуализируется. Этот взгляд на вердикт в полной мере коррелирует с последствиями представления недопустимых доказательств или оглашением запрещенной информации перед присяжными при отсутствии должной реакции председательствующего: предполагается, что эти сведения также служат основой для вынесения вердикта, вызывая его порок, что в дальнейшем приводит к направлению уголовного дела для нового рассмотрения.

Таким образом, наиболее простая классификация процессуальных нарушений, вызывающих пороки вердикта, в этом случае может быть представлена нарушениями, влияющими на законность состава коллегии; нарушениями, влияющими на законность процедуры рассмотрения дела (в том числе, на подчеркиваемую нами обоснованность вердикта) и нарушениями формы и содержания (текста) вердикта. Такое разделение, безусловно, является упрощенным, так как одни и те же действия могут одновременно влиять на несколько названных нами аспектов, а сами указанные аспекты находятся во взаимосвязи друг с другом.

Текущая апелляционная и кассационная практика рассмотрения приговоров, вынесенных судами присяжных, свидетельствует об увеличении числа отдельных видов нарушений, некоторые из

<sup>327</sup> О моделях вердикта, содержащих письменное обоснование см.: *Насонов С.А.* Европейские модели производства в суде присяжных: суд присяжных в Испании (сравнительно-правовое исследование) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 154–159.

<sup>328</sup> См., напр., *Насонов С.А.* Вердикт присяжных заседателей в контексте учения П.А. Лупинской о решениях в уголовном судопроизводстве // *Lex Russica*. 2010. № 3. С. 620.

которых сигнализируют о значимых теоретических либо прикладных проблемах, требующих осмысления и дальнейшего разрешения. Выделенные нами проблемы можно условно разделить на связанные с формированием законного состава коллегии, соблюдением законности процедуры рассмотрения дела (влияющей на правосудность вердикта), формой и содержанием вердикта.

*Законный состав коллегии.* Проблемы формирования законного состава присяжных заседателей отражаются в судебной практике на протяжении всего периода действия суда присяжных в современной России. Ключевая из них связана с сокрытием информации кандидатами, выявляемым после вынесения вердикта и основанного на нем приговора. Эта проблема сохраняет свое значение и в новейшей судебной практике, приводя, как привило, к отмене оправдательных приговоров, в некоторых случаях не единожды. Так, например, были отменены оправдательные приговоры, вынесенные при сокрытии кандидатом данных о привлечении к административной ответственности (довод заявлен потерпевшей в апелляционной жалобе)<sup>329</sup>; о совместной работе с оправданным в исправительной колонии в одном взводе (органами прокуратуры получена архивная справка УФСИН)<sup>330</sup>; не был отменен приговор, но были получены якобы сокрытые сведения о судимости дочери кандидата<sup>331</sup>.

Приведенные примеры содержат сведения о получении персональных данных присяжных и их родственников из закрытых источников после вынесения оправдательных приговоров для использования этих сведений при апелляционном обжаловании. Представляется, что правомерность получения таких сведений в отсутствие законодательного запрета (который мог бы стать важной гарантией независимости присяжных) нуждается в детальной проверке судебными инстанциями в каждом случае их использования. Вместе с тем, тексты изученных решений не содержат каких-либо аргументов, указывающих на правомерность получения этих данных (например, в рамках законно и обоснованно инициированной надлежущей проверки).

*Законность процедуры.* Наиболее сложными вопросами судебной практики остаются проблемы определения перечня выска-

<sup>329</sup> Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2020 № 77-605/2020.

<sup>330</sup> Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции № 7У-233/2020.

<sup>331</sup> Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.07.2020 № 77-1161/2020.

званий сторон, составляющих нарушения статей 334–336 УПК РФ. Как известно, разовые нарушения, сопровождающиеся необходимой реакцией председательствующего, не признаются поводами для отмены вынесенного приговора. Вопрос же об отмене может быть поставлен в двух случаях: если реакции суда не последовало, либо если несмотря на нее, нарушения носили системный и массовый характер. В обоснование второго довода сторонами нередко приводятся обширные перечни фраз, содержащие, в том числе, и нейтральные высказывания, дополнительно создающие количественный эффект. В дальнейшем эти фразы нередко приводятся и апелляционной и кассационной инстанцией.

Стоит отметить, что сочетание весьма спорных цитат с фразами, действительно содержащими «запрещенную» информацию проявлялось и в практике Верховного Суда РФ. Например, следующее высказывание защитника: «Г. обвиняется в совершении ряда тяжких преступлений, но орган расследования не мог найти прямых доказательств этого» (защита констатирует недоказанность обвинения в судебных прениях)<sup>332</sup>. В качестве примеров можно привести и другие высказывания, выделенные судами нижестоящего уровня: «в ходе судебных прений потерпевший и сторона защиты с целью вызвать сомнения у присяжных заседателей вовлекали коллегия в обсуждение ... вопросов ... о достоверности показаний допрошенных лиц... так, потерпевший ФИО3 утверждал, что свидетели ФИО8 и ФИО9 оговаривают ФИО1, а уголовное дело не раскрыто, виновник не найден»<sup>333</sup>; «подсудимый в последнем слове допустил высказывания, порочащие доказательства, заявив, что «выводы видеотехнической экспертизы о сходстве в одежде вызывают большие сомнения»<sup>334</sup>. Неоднозначные выводы могут содержаться и в форме оценки тех или иных действий: «кроме того, в ходе судебных прений стороной защиты предпринимались попытки опорочить доказательства стороны обвинения, навязать присяжным заседателям мнение об их ... недостоверности»<sup>335</sup>.

<sup>332</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.02.2017 № 49-АПУ17-1СП.

<sup>333</sup> Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 09.09.2020 № 55-1332/2020.

<sup>334</sup> Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.07.2020 № 77-1161/2020.

<sup>335</sup> Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 18.08.2020 по делу № 55-431/2020.

В приведенных примерах судебные решения, как следует из их текста, основывались на достаточном количестве реальных процессуальных нарушений, исключение выделенных нами фрагментов не привело бы суд к достижению обратных выводов. Вместе с тем представляется, что подобное смешение законных и незаконных действий не только негативно сказывается на качестве судебных решений, но и ставит под сомнение возможность надлежащего осуществления процессуальных прав сторон, главным образом права оспаривать обвинение и проводить оценку достоверности доказательств.

*Пороки вердикта.* На текущий момент наибольшая часть нарушений, связанных с составлением вопросного листа, основывается на использовании юридических терминов в тексте вопросов. Стоит отметить, что в судебная практика не приходит к консенсусу по поводу слов и словосочетаний, допустимых к использованию в вопросном листе.

Так, к примеру, был отменен приговор вследствие использования в вопросном листе следующих выражений: «вступили в сговор на разбойное нападение с целью открытого хищения имущества», «решили совершить убийство», «находящейся в беспомощном состоянии», «нанесли тяжкий вред здоровью», «убили ее», «открыто похитили», «причинили тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека», «применив насилие, опасное для жизни и здоровья»<sup>336</sup>. В других решениях было признано, что термин «внезапно возникшие неприязненные отношения» не является юридическим<sup>337</sup>, формулировки «незаконное приобретение» и «из личной неприязни» нельзя отнести к числу формулировок, которые были бы недоступны для понимания присяжных заседателей<sup>338</sup>. Сравнив отдельные выражения, выделенные в первом примере и сопоставив их сложность с фразами из остальных примеров, можно проследить различия в подходе судов к оценке использования терминологии.

При этом, Первый апелляционный суд общей юрисдикции применительно ко всем приведенным выше фразам исходил из полного запрета на использование юридических терминов и особо подчеркнул, что «разъяснение присяжным заседателям в напут-

<sup>336</sup> Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 05.08.2020 № 55-1149/2020.

<sup>337</sup> Апелляционное определение Московского городского суда от 27.02.2020 по делу № 10-2969/2020.

<sup>338</sup> Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.08.2020 № 77-1804/2020.

ственном слове содержания юридического закона и юридических терминов не свидетельствуют об отсутствии ... нарушений действующего уголовно-процессуального закона». Несколько иной акцент продемонстрирован в подходе Свердловского областного суда: «... само по себе применение при формулировании вопросного листа используемых в уголовном законе терминов, обозначающих подлежащие установлению фактические обстоятельства, не исключаются, если фактическое и юридическое содержание этих терминов совпадает и если у присяжных заседателей не возникает неопределенности в толковании содержания того или иного понятия»<sup>339</sup>. Оба изложенных подхода видятся взвешенными и потенциально дополняющими друг друга. Вместе с тем, единообразие судебной практики требует выработки единых стандартов составления вопросного листа. На наш взгляд, использование общеупотребимых слов безусловно является приоритетным, и сугубо юридические категории не должны вводиться в вопросный лист даже при наличии разъяснений председательствующего. Вместе с тем, как справедливо отмечено Свердловским областным судом, содержание ряда юридических терминов соответствует их бытовому смыслу, и излишние попытки поиска синонимов в этом случае не будут иметь какого-либо практического смысла.

Проанализированные нами проблемы видятся органичными для нового этапа развития апелляционной и кассационной практики: их возникновение можно считать неизбежным ввиду расширения числа судов, выполняющих функции апелляционной и кассационной инстанции. Это развитие само по себе не несет негативных последствий, а открывает путь к новым, возможно, более прогрессивным тенденциям практики и расширению существующих теоретических дискуссий.

#### Список литературы:

1. *Насонов С.А.* Вердикт присяжных заседателей в контексте учения П.А. Лупинской о решениях в уголовном судопроизводстве // *Lex Russica*. 2010. № 3. С. 609-620.
2. *Насонов С.А.* Европейские модели производства в суде присяжных: суд присяжных в Испании (сравнительно-правовое исследование) // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 8. С. 154-160.

<sup>339</sup> Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26.08.2019 по делу № 22-6199/2019.

### Применение процессуального механизма благоприятствования защите при проверке законности и обоснованности судебных решений

#### Application of the procedural mechanism of favouring the defence when checking the legality and validity of court decisions

**Аннотация.** В статье анализируется важный аспект проверки законности и обоснованности судебных решений через призму надлежащего обеспечения баланса сил стороны обвинения и защиты в ходе рассмотрения уголовного дела по существу и роли процессуального механизма благоприятствования защите в достижении этого баланса.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, судебные решения, активный суд, баланс сил, стороны, благоприятствование защите.

**Abstract.** The article analyses an important aspect of checking the legality and validity of court decisions through the prism of proper balance of forces between the prosecution and the defence during the consideration of a criminal case on the merits and the role of the procedural mechanism of favouring the defence in achieving this balance.

**Keywords:** criminal proceedings, court decisions, active court, balance of power, parties, favouring protection.

Законность и обоснованность судебных решений, как некая нормативная формула, закрепленная и в Конституции Российской Федерации (статьи 49, 55), и в УПК РФ (ч. 4 ст. 7), обладает весьма объемным наполнением, требующем от суда при проверке судебных решений активной деятельности по целому ряду направлений.

<sup>340</sup> Соловьев Сергей Александрович, адвокат, управляющий партнер Адвокатского бюро города Москвы «СОСЛОВИЕ», член Совета Адвокатской палаты города Москвы, кандидат юридических наук.

Sergey A. Solovyov, Lawyer, Managing Partner of the Moscow Law Office "ESTATE", Member of the Council of the Moscow Chamber of Lawyers, PhD in Law.

Одним из таких направлений является проверка обеспечения надлежащего баланса сил стороны обвинения и защиты в ходе рассмотрения судом уголовного дела по существу.

Как нами ранее уже отмечалось, положения о состязательности и равноправии сторон перед судом в качестве принципов уголовного процесса (статьи 15, 244 УПК РФ) во взаимосвязи с их толкованием Конституционным Судом Российской Федерации<sup>341</sup> всегда были сопряжены с обязанностью государства по созданию необходимых условий, обеспечивающих их соблюдение и реализацию при отправлении правосудия. Естественное неравенство сторон при публично-правовой форме организации уголовного судопроизводства, помимо нормативного закрепления состязательности и равноправия сторон, требует соответствующего правоприменения, от которого во многом зависит способность стороны реализовать предоставленные ей процессуальные возможности для защиты своих прав и законных интересов<sup>342</sup>.

Важную роль в обеспечении такого баланса сил играет процессуальный механизм благоприятствования защите<sup>343</sup>, правоприменительный критерий которого ориентирован на такой способ отправления уголовного судопроизводства, при котором соблюдение правовых предписаний предоставляющих исключительные права и процессуальные преимущества лицу, защищаемому от обвинения, является безусловным<sup>344</sup>.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на опубликованное на интернет-портале судов общей юрисдикции города Москвы апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда по делу № 10-3362/2020 в отно-

---

<sup>341</sup> Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении № 227-О от 23.06.2005 г. отмечал, что «публичные правоотношения не предполагают равенства сторон в отношениях, если одной из сторон выступает государство в лице его органов, должностных лиц и служащих, что не может и не должно рассматриваться как нарушение вышеуказанного конституционного принципа равенства». См.: Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2005 г. № 227-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32941.pdf> (дата обращения 11.10.2020).

<sup>342</sup> См.: Соловьев С.А. Благоприятствование защите как процессуальный механизм обеспечения равенства сторон в уголовном судопроизводстве России: автореф... дисс. канд. юрид. наук. М., 2019. С. 3.

<sup>343</sup> См. подробнее: Соловьев С.А. Благоприятствование защите (favor defensionis): монография / под ред. Л.Н. Маслениковой. М., 2021. 296 с.

<sup>344</sup> Там же.

шении С. и Э. от 30.07.2020<sup>345</sup>, которое примечательно целым рядом доводов, часть из которых характеризуется именно реализованным в них механизмом правоприменения, который в теории уголовного процесса и рассматривается как благоприятствование защите (favor defensionis).

Так, констатируя допущенное судом первой инстанции грубое нарушение права на защиту подсудимых, повлекшее, во взаимосвязи с иными нарушениями, отмену состоявшегося обвинительного приговора, судом апелляционной инстанции в частности отмечено, что появление нового защитника у подсудимого на стадии судебного разбирательства формирует необходимость активной деятельности суда, как властного участника уголовного судопроизводства, направленной на обеспечение подсудимому и его новому защитнику достаточного времени для подготовки к защите, включая право на свидание в условиях конфиденциальности для согласования позиции и дополнительного разъяснения прав новому участнику процесса. Важным также является довод суда апелляционной инстанции, что суд должен самостоятельно инициировать выяснения вопроса у нового защитника о необходимости повторного исследования каких-либо доказательств, при этом позиция этого защитника должна быть очевидной и понятной суду.

Продемонстрированный в вышеуказанном судебном решении подход был направлен на достижение баланса в положении стороны обвинения и защиты в конкретном уголовном деле, обеспечение которого возлагается именно на властного участника уголовно-процессуальных правоотношений. Только такой подход полностью соответствует как двуединому назначению уголовного судопроизводства в Российской Федерации (ст. 6 УПК РФ), так и позициям Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) по данному вопросу.

ЕСПЧ неоднократно отмечал, что неисполнение государством своей обязанности по организации и обеспечению должного и эффективного представления интересов обвиняемого является нарушением подп. «с» п. 3 ст. 6 Конвенции, так как у государства *«может быть позитивное обязательство обеспечить надлежащее саморегулирование профессии адвоката ... и оно может нести*

---

<sup>345</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда по делу № 10-3362/2020 в отношении С. и Э. от 30.07.2020 // <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/40698cab-b6f4-48fc-9c79-42a3099c8bd9> (дата обращения 11.10.2020).

непосредственную ответственность, если адвокат является "публичным защитником" на службе у государства", при этом обязанность компетентных органов государства вмешаться в оценку качества оказываемой юридической помощи возникает во всех случаях, когда из-за упущений адвоката защита стала, очевидно, неэффективной и к этому «в достаточной мере привлечено внимание компетентных органов»<sup>346</sup>.

В деле *Rutkowski v. Poland* Европейский суд проверил, не были ли назначенный компетентными властями государства адвокат «небрежным и поверхностным» при определении наличия оснований для обжалования<sup>347</sup>. В деле «Сахновский против России» Европейским Судом как нарушение указанных пунктов Конвенции было признано назначение и предоставление подсудимому адвоката непосредственно перед заседанием с предоставлением лишь пятнадцати минут для общения по системе видеоконференцсвязи по делу, по которому предстояло рассмотреть по существу кассационную жалобу другого адвоката, поданную 5 (пять) лет тому назад. Суд посчитал, что при обозначенных условиях защитник являлся лишь номинальной фигурой, не способной быть эффективной в защите прав и свобод доверителя<sup>348</sup>.

Принимая решения по делам подобной категории, ЕСПЧ продолжает реализовывать основной вектор своей деятельности, который характеризуется поиском именно разумного баланса между интересами правосудия и интересами лица, привлеченного к уголовной ответственности. Так, в деле *Artico против Италии (Artico v. Italy)* Европейский Суд указал, что подпункт «с» п. 3 ст. 6 Конвенции регламентирует право на «помощь», а не на «назначение» защитника, в связи с чем был отклонен довод властей Италии, назначивших подсудимому защитника по его просьбе, который однако не предпринял никаких действий в интересах доверителя<sup>349</sup>.

Признает Европейский Суд нарушениями указанных выше положений Конвенции и случаи, когда адвокат не выполняет фор-

<sup>346</sup> ECHR, *Kamasinski v. Austria*, A 168 (1989), 13 EHRR 36, § 65. Там же. См. также: ECHR, *Sannino v. Italy*, № 30961/03, (2006) // [http://www.conventions.ru/view\\_base.php?id=10248](http://www.conventions.ru/view_base.php?id=10248) (дата обращения 09.10.2020).

<sup>347</sup> См.: ECHR, *Rutkowski v. Poland*, № 45995/99, HUDOC (2000), DA // Цит. по: Харрис Д. Право Европейской конвенции по правам человека. М., 2016. С. 649–650.

<sup>348</sup> См.: ЕСПЧ, Сахновский против Российской Федерации (Жалоба 212722/03). Постановление от 05 февраля 2009 года. §§ 48-53 // <http://docs.pravo.ru/document/view/19381522/> (дата обращения 09.10.2020).

<sup>349</sup> Право Европейской конвенции по правам человека. Указ. соч. С. 650.

мальное, но важное процессуальное требование национального процессуального законодательства, если это повлекло за собой неблагоприятные и в особенности необратимые отрицательные последствия для защищаемого лица. В деле *Czekalla v. Portugal* адвокат представлял интересы обвиняемого не владеющего языком уголовного судопроизводства, в связи с чем, по мнению Европейского суда, находился в сильной зависимости от своего адвоката. В этой связи отклонение Верховным судом Португалии жалобы подсудимого на том только основании, что эти доводы не были включены в свое выступление в суде его адвокатом, признаны ЕСПЧ нарушением права на практическую и эффективную помощь защитника<sup>350</sup>.

Заслуживает отдельного упоминания и довод суда апелляционной инстанции в вышеназванном определении о недопустимости идентичности показаний двух свидетелей обвинения, в данном случае сотрудников полиции, объективно не имевших возможности дать совпадающие дословно показания об обстоятельствах дела. Активное развитие научно-технического прогресса, как любое явление общественной жизни, имеет не только положительные стороны. В уголовном судопроизводстве это вылилось в упречное обыкновение правоохранительных органов, а в ряде случаев и суда, к копированию текстов показаний одних лиц и переносу их в протокол допроса другого лица в виде дословно совпадающего текстового файла.

Очевидно, что такие идентичные показания разных лиц не могут признаваться допустимыми доказательствами, так как в получены в нарушение ч. 2 ст. 190 УПК РФ, регламентирующей, что показания допрашиваемого лица должны быть записаны от первого лица и по возможности дословно. Два разных человека, будучи индивидуальностями с собственным словарным запасом, способом построения и изложения фраз, лексикой, фонетикой и синтаксисом, даже рассказывая об одних фактических обстоятельствах не могут говорить одинаково. В этой связи нами безусловно отмечается позиция суда апелляционной инстанции Московского городского суда, обратившего внимание суда первой инстанции на подобное нарушение.

<sup>350</sup> См.: ECHR, *Kamasinski v. Austria*, A 168 (1989); ECHR, *Czekalla v. Portugal*, 2002. VIII, § 60.. Цит. по: Право Европейской конвенции по правам человека. Указ. соч. С. 650.

Подводя краткие выводы, хотелось бы отметить, что проверка законности и обоснованности судебных решений через призму процессуального механизма благоприятствования защите будет демонстрировать ценностный подход государства в организации отправления уголовного судопроизводства, демонстрирующий, говоря словами Роско Паунда, «прагматичный подход к праву с функциональным»<sup>351</sup>, где целью является верховенство права, как средство социального контроля.

### Список литературы

1. *Румянцева В.Г.* Правовое учение Роско Паунда // История государства и права. М., 2005. № 2. с. 50-52.
2. *Соловьев С.А.* Благоприятствование защите (favor defensionis): монография / под ред. Л.Н. Масленниковой. М., 2021. 296 с.
3. *Соловьев С.А.* Благоприятствование защите как процессуальный механизм обеспечения равенства сторон в уголовном судопроизводстве России: автореф... дисс. канд. юрид. наук. М., 2019. 31 с.
4. *Харрис Д.* Право Европейской конвенции по правам человека. М., 2016. 1432 с.

<sup>351</sup> *Румянцева В.Г.* Правовое учение Роско Паунда // История государства и права. М., 2005. № 2. С. 52.

Бурмагин С. В.  
Burmagin S.V.<sup>352</sup>

### Содержание требования обоснованности решений уголовного суда

### Content of the requirement of validity of criminal court decisions

**Аннотация.** В статье исследуются содержательные компоненты нормативно-правового требования обоснованности уголовно-процессуальных решений суда. На основе анализа доктринальных положений и норм уголовно-процессуального закона проводится размежевание элементов, охватываемых понятием обоснованности судебного решения, от иных факторов, служащих необходимыми условиями для придания судебному решению свойства обоснованности.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство; уголовный суд; решение суда; обоснованность судебного решения; фактические обстоятельства дела, достоверность.

**Abstract.** The article examines the content components of the legal requirement for the validity of criminal procedural court decisions. Based on the analysis of the doctrinal provisions and norms of the criminal procedure law, the elements covered by the concept of validity of a court decision are separated from other factors that serve as necessary conditions for giving a court decision the property of validity.

**Keywords:** criminal proceedings; criminal court; court decision; validity of the court decision; factual circumstances of the case, reliability.

Обоснованность судебного решения является одним из обязательных условий (критериев) его правосудности и характеризует решение суда как процессуальный правоприменительный акт.

<sup>352</sup> Бурмагин Сергей Викторович, начальник отдела методической, научно-исследовательской работы и качества образования Северного института предпринимательства, кандидат юридических наук, доцент, федеральный судья в почетной отставке.

Sergey V. Burmagin, Head of the Department of Methodological, Research Work and Quality of Education, Northern Institute of Entrepreneurship, Candidate of Law, Associate Professor, Honorary Retired Federal Judge.

Как предъявляемое к процессуальным решениям уголовного суда нормативно-правовое требование обоснованность законодательно не сформулирована, а только утверждена в этом качестве в ч. 4 ст. 7 и ст. 297 УПК РФ и соответственно включена в предмет проверки судебных решений судом апелляционной инстанции (ст. 389<sup>9</sup> УПК РФ).

В процессуальной литературе требование обоснованности трактуется неоднозначно, вариативно и зачастую ограничено либо чрезмерно широко. В связи с этим, учитывая значение обоснованности как неотъемлемого свойства-требования любых решений уголовного суда, крайне важным для судебной деятельности по осуществлению уголовного правосудия, включая пересмотр судебных решений вышестоящими судами, представляется раскрытие сущности и содержания понятия обоснованности судебного решения.

Ввиду отсутствия законодательной дефиниции обоснованности содержание рассматриваемого правового требования определяется из смысла положений п. 1 ст. 389<sup>15</sup> и ст. 389<sup>16</sup> УПК РФ, устанавливающих основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке, объединяемых понятием «необоснованность судебного решения», не имеющем нормативного закрепления, но получившим широкое употребление, как в научной литературе, так и в судебной практике.

Поэтому главным компонентом, на котором чаще всего строятся дефиниции обоснованности приговора и иных процессуальных решений, признается соответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и их доказанность<sup>353</sup>. В этой формуле учитывается объективная связь задействованных в механизме принятия решений явлений: фактов, доказательств, выводов. Любое процессуальное решение, в том числе судебное, основывается на юридиче-

<sup>353</sup> *Бажанов М.И.* Понятие обоснованности процессуальных актов в советском уголовном судопроизводстве // *Избранные труды.* Харьков, 2012. С. 1210; *Перлов И.Д.* Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960. С. 114; *Остапенко И.А.* Приговор как итоговое решение по уголовному делу: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 7; *Куцова Э.Ф.* Приговор и его качества // *Законодательство.* 2009. № 12. С. 58–74; *Лутинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 218. Аналогичным образом обоснованность трактуется применительно к судебным решениям в гражданском судопроизводстве (См.: *Загайнова С.К.* Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 24).

ски значимых фактических обстоятельствах, опосредованных доказательствами — специальными процессуальными средствами познания этих обстоятельств, поэтому связка «доказательства — факты — выводы» в структуре обоснованности судебного решения выступает ключевым, неотъемлемым элементом.

В юридической литературе обоснованность решения связывается также с истинностью (действительностью) фактов или знания о них<sup>354</sup>, с объективностью, полнотой и всесторонностью установления фактических обстоятельств или исследования доказательств<sup>355</sup>, достоверностью доказательств<sup>356</sup>, с правильной правовой оценкой фактических данных<sup>357</sup>, с наличием предусмотренных законом оснований вынесения решения<sup>358</sup>, с соблюдением требований закона<sup>359</sup>, в том числе относительно порядка проведения судебного заседания и вынесения решения (приговора)<sup>360</sup>; с указанием в решении (приговоре) доказательств, на которых построены выводы суда и оснований, в силу которых приняты или отвергнуты те или иные доказательства<sup>361</sup>. Но все ли перечисленные факторы относятся к требованию обоснованности судебных решений?

<sup>354</sup> *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 325; *Муратова Н.Г.* Процессуальные акты органов предварительного расследования: Вопросы теории и практики. Казань, 1989. С. 60; *Суханова Н.Н.* Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 15–16.

<sup>355</sup> *Бутов В.Н.* Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 12; *Гриненко А.В.* Приговор суда первой инстанции как итоговый акт уголовного судопроизводства // *Рос. судья.* 2017. № 1. С. 29–32.

<sup>356</sup> *Булдина А.В.* Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 17; *Виницкий Л.В., Маганкова А.А.* Справедливость приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России. М., 2014. С. 48.

<sup>357</sup> *Хачиров А.Д.* Влияние процессуального статуса сторон в уголовном судопроизводстве на постановление приговора: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 27.

<sup>358</sup> *Бутов В.Н.* Определения суда первой инстанции по уголовным делам. С. 12; *Кудрявцева А.В.* Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства // *Уголовная юстиция.* 2018. № 11. С. 62.

<sup>359</sup> *Мотовиловкер Я.О.* Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. С. 165.

<sup>360</sup> *Ершова Н.С.* Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 20.

<sup>361</sup> *Булдина А.В.* Приговор суда как акт правосудия. С. 17.

Правосудие представляет собой правоприменительную деятельность суда, заключающуюся в установлении исходных фактов и применении к ним правовых норм. Из этого следует, что судебное решение как заключительный акт индивидуального правоприменения аккумулирует в себе результат этой правосудной деятельности и должно покоиться на конкретных фактических и юридических основаниях. Конкретика первых определяется фактологической индивидуальностью каждого судебного дела, вторые конкретизируются в законе при регламентации видов решений.

Раздельно, «сами по себе», фактические и юридические основания могут существовать только в абстрактном виде. В правовой реальности они «находят» друг друга, соединяются в конкретном судебном решении и становятся неразрывны до такой степени, что сливаются в общее основание, после чего корректно выделять только фактическую и юридическую стороны единого основания решения суда по отдельному вопросу, а не вести речь о разнохарактерных самостоятельных (отдельных) его основаниях.

Понятие обоснованности не может ограничиваться только требованием соответствия выводов об обстоятельствах дела доказательствам, но неизбежно охватывает соответствие установленным обстоятельствам дела (равно и подтверждающим эти обстоятельства доказательствам) всех иных, в том числе правовых, выводов, обуславливающих то или иное резолютивное решение, включаемое в принимаемый акт правосудия. В пользу такого заключения можно и нужно сослаться на положения ст. 389<sup>16</sup> УПК РФ, которая раскрывая такое основание для отмены (изменения) приговора и иного судебного решения как несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела не конкретизирует эти выводы, следовательно, подразумевает все изложенные в приговоре выводы без исключения.

Далее. Фактические обстоятельства судебного дела устанавливаются на основании сведений, содержащихся в доказательствах или иных источниках доказательственной информации (использование последних характерно для судебного-контрольных и судебного-исполнительных производств), поэтому соблюдение в ходе всего производства по делу требований процессуального закона относительно доброкачественности доказательств, процессуальных правил собирания, проверки и оценки доказательств, а также порядка их исследования в судебном заседании является необходимым условием, предпосылкой обоснованности решения суда. Влияя в

таком качестве на реализацию требования обоснованности судебного решения, предписания закона такого рода, тем не менее, остаются составной частью, компонентом свойства законности (правомерности) судебного решения и «не участвуют» в формировании содержательной части свойства-требования обоснованности, поэтому не могут включаться в понятие обоснованности. Так, обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми, отнесено законодателем к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона (п. 9 ч. 2 ст. 389<sup>17</sup> УПК РФ), т. е. к основаниям отмены судебных решений, определяющим понятие законности судебного решения, а не его обоснованности.

При анализе понятия обоснованности судебного решения неизбежно встает вопрос об истинности фактических обстоятельств дела, который тесно связан с давней (и видимо вечной) проблемой истины в уголовном судопроизводстве, порождающей острые дискуссии о характере, способах и средствах достижения истины в уголовном процессе. Не углубляясь в бескрайнее море различных позиций и взглядов относительно указанной проблемы, отметим лишь следующее.

В советской правовой науке, твердо стоявшей на позициях объективной (материальной) истины как цели уголовно-процессуального доказывания и принципа уголовного процесса, истинность признавалась необходимым свойством-требованием судебного приговора наравне с его законностью и обоснованностью либо ассоциировалась, отождествлялась с обоснованностью и предполагала полное и точное установление фактов, имевших место в действительности<sup>362</sup>. В таком же ракурсе в русле общей парадигмы истины в уголовном процессе рассматривалась и обоснованность иных судебных и несудебных процессуальных решений<sup>363</sup>.

Для такой интерпретации обоснованности судебных решений помимо идеологических имелись и правовые основания: перед судом ставилась задача принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления и лиц, виновных в соверше-

<sup>362</sup> Пашкевич П.Ф. Законность и обоснованность судебного приговора: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1958. С. 3–10; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. С. 325; Гродзинский М.М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1953. С. 105–106.

<sup>363</sup> Бажанов М.И. Понятие обоснованности процессуальных актов в советском уголовном судопроизводстве. С. 1211; Муратова Н.Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования. С. 60.

нии преступления (ст. 3 УПК РСФСР 1960 г.); к суду было обращено требование всестороннего, полного и объективного исследования доказательств (ст. 20 УПК РСФСР); в полномочия председательствующего в судебном заседании входило принятие мер к установлению истины (ч. 2 ст. 243 УПК РСФСР); если предоставленных суду правовых средств оказывалось недостаточно для выполнения в судебном разбирательстве пробелов и недостатков предварительного расследования, суд в целях установления истинных обстоятельств дела обязан был направить дело для производства дополнительного расследования, и это полномочие принадлежало всем судебным инстанциям (п. 1 ч. 1 ст. 232, ст. 258, ч. 2 ст. 348, п. 2 ст. 378 УПК РСФСР); приведенные обязанности подкреплялись процессуальной ответственностью за их неисполнение — одним из оснований отмены и изменения приговора и иного решения суда в кассационном и надзорном порядках являлась односторонность и неполнота дознания, предварительного или судебного следствия, под которыми понималось невыяснение таких обстоятельств, установление которых могло иметь существенное значение при постановлении приговора (п. 1 ст. 342, п. 1 ст. 343, ст. 379 УПК РСФСР).

Действующий УПК РФ подобных норм не содержит, формально обязанностей устанавливающих истину по делу и восполнять пробелы предварительного расследования на суд не возлагает, а кроме того, не предусматривает односторонность и неполноту предварительного расследования или судебного следствия в качестве оснований отмены или изменения судебных решений (ст. 389<sup>15</sup> УПК РФ). В силу отмеченных особенностей нормативного регулирования российского уголовного судопроизводства и действия в нем принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ) суд при осуществлении правосудия может ограничиться исследованием только представленных сторонами доказательств и в зависимости от содержащейся в них доказательственной информации делать выводы о фактической стороне дела, на которых и будет основано судебное решение.

В тоже время изложенное не означает, что все предъявляемые сторонами сведения об искомых фактах суд должен принимать на веру, без надлежащей проверки. Напротив, УПК РФ требует от суда оценивать все доказательства с точки зрения их достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ) и основывать обвинительный приговор не на предположениях, а на совокупности исследованных в судебном

заседании доказательствах (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Суд вправе проверять представленные доказательства (ст. 87 УПК РФ) и аргументированно отвергать те из них, которые не отвечают требованиям относимости, допустимости и достоверности (ст. 88, п. 2 ст. 307, п. 3 ст. 389<sup>16</sup> УПК РФ, пункты 15, 17 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном ре»<sup>364</sup>). Таким образом, суд ориентирован на получение достоверного знания о фактических обстоятельствах дела, а знание вероятностное допустимо для обоснования лишь ограниченного круга решений (оправдательного приговора, решений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, решений о применении мер пресечения и о даче разрешений на производство следственных действий, решений по ряду судебно-исполнительных дел, например, об условно-досрочном освобождении).

Достоверность знания об исследуемом факте означает отсутствие у познающего субъекта объективных данных для сомнений в истинности знания, т. е. в его соответствии действительности. Иначе говоря, достоверность — обоснованное убеждение в истинности знания<sup>365</sup>. Мерой истинности устанавливаемых по уголовному делу фактов и обстоятельств выступает внутреннее убеждение (уверенность) судьи — субъекта, который констатирует доказанность того или иного факта (обстоятельства), делает окончательные выводы о фактической стороне дела и на их основе разрешает дело по существу. При этом, во избежание ошибочности и произвольности выводов суда и их перерастания в субъективное заблуждение, в ч. 1 ст. 17 УПК РФ нормативно определено правило, в соответствии с которым внутренняя уверенность судьи в достоверности того или иного факта (обстоятельства) должна базироваться на совокупности доказательств, собранных и исследованных в установленном законом порядке, то есть иметь конкретную объективную основу.

Несмотря на то, что по целому ряду решений суд ограничивается получением вероятных знаний о возможном в будущем событии, и закон позволяет использовать такое знание в качестве основания для вынесения решения, орган правосудия каждый раз опирается в своих выводах на достоверно установленные, доказанные в предусмотренном законом порядке фактические обстоятельства, и

<sup>364</sup> Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // [www.garant.ru](http://www.garant.ru).

<sup>365</sup> *Смирнов А.В.* Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 78.

сами выводы о фактической стороне дела (процедурного вопроса) всегда имеют характер однозначного и категоричного утверждения. Это характерно не только для обвинительного приговора, но и для любых иных решений уголовного суда, в том числе принимаемых в рамках судебного-контрольных и судебного-исполнительных производств. Так, например, для принятия решения о применении меры пресечения необходимо установить достаточные основания полагать (вероятное знание) о том, что обвиняемый, подозреваемый может скрыться или иным, указанным в ч. 1 ст. 97 УПК РФ способом воспрепятствовать производству по делу, но фактологически основаниями для такого предположительного вывода служат вполне конкретные и реальные, а не вероятные факты прошлого или настоящего (наличие судимости, выдача зарубежной визы, отсутствие постоянного места жительства или работы, злоупотребление алкоголем, наркотиками или иные проявления антисоциального образа жизни). Эти факты должны быть достоверно установлены на основании материалов уголовного дела и не вызывать сомнений у судьи в их действительности. Вероятность вывода в этом случае обусловлена не вероятностью фактов, а их недостаточностью для достоверного (несомненного) знания.

В правосудии в рамках определенного судебного дела истина одна — та, что устанавливается судом в акте правосудия, только она конкретна и реальна, все остальное — субъективные предположения и утверждения (желанные версии) заинтересованных в исходе дела субъектов либо интерпретации этих событий (зачастую поверхностные, тенденциозные и некомпетентные) со стороны средств массовой информации и несведущих обывателей. И если под истиной в уголовном правосудии понимать доказанное в суде знание, то истинность можно признавать неотъемлемым свойством судебного решения. При таком подходе истинность характеризует судебное решение с точки зрения отношения положенного в его основу процессуального знания к отражаемому объекту правовой действительности, но при этом она утрачивает значение самостоятельного правового требования и полностью поглощается свойством обоснованности. Данный вывод подтверждается нормативно — УПК РФ не предъявляет к судебным решениям отдельно сформулированного требования истинности и не ставит правосудность решений уголовного суда в зависимость от наличия этого свойства.

Далее. Объективность, полнота и всесторонность исследования обстоятельств юридического дела — важные предпосылки до-

стоверности результатов процессуального познания — сохраняют свою актуальность в качестве характеристик уголовно-процессуальной деятельности и в современных условиях, хотя в прежнем качестве принципа уголовного процесса (ст. 20 УПК РСФСР) действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрены, а их значение и характер проявления в состязательном судопроизводстве изменились.

Объективность, полнота и всесторонность по-прежнему — необходимые условия успешного осуществления расследования уголовного дела и реализации функции уголовного преследования, поскольку только достоверное установление обстоятельств преступления и их доказанность в судебном следствии позволяют признать лицо, совершившее общественно-опасное деяние, виновным и применить к нему меры уголовно-правовой ответственности. То же можно констатировать и по всем иным судебным производствам в отношении иных актов уголовного правосудия: объективность, полнота и всесторонность — залог полноценного и качественного судебного разбирательства по любому процессуальному обращению, гарантии его обоснованного и справедливого разрешения судом.

Однако при этом необходимо иметь в виду, что в условиях состязательного судебного разбирательства обеспечивать полноту и всесторонность исследования доказательств, и соответственно установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, должны в первую очередь заинтересованные в исходе дела стороны. Суд же не озадачен неполнотой следствия<sup>366</sup>, а направляет свои усилия на создание сторонам благоприятных и равноправных условий для выявления всех фактических обстоятельств дела, оказывает сторонам необходимое содействие в наиболее полном, всестороннем и объективном исследовании доказательственного материала<sup>367</sup> и лишь в субсидиарном порядке проявляет инициативу в истребовании и исследовании дополнительных, не представленных сторонами доказательств, когда такая активность вызвана необхо-

<sup>366</sup> Конституционный Суд РФ неоднократно и однозначно высказывал правовую позицию о том, что согласно действующему нормативно-правовому (конституционному) регулированию суду запрещается восполнять неполноту произведенного дознания или предварительного следствия (См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 г. № 7-П от 08.12.2003 г. № 18-П; а также Определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 г. № 9-О).

<sup>367</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П.

димостью проверки наличных доказательств в связи с возникшими у суда сомнениями в их допустимости и достоверности<sup>368</sup>. Особый правовой режим, в котором проходит деятельность по осуществлению правосудия и который включает в себя состязательный метод познания фактических обстоятельств рассматриваемого дела, создает наиболее благоприятные условия для всестороннего и объективного рассмотрения и разрешения уголовного дела<sup>369</sup>, и задача суда при отправлении правосудия — обеспечить этот режим.

Подводя итог анализу содержательной стороны понятия обоснованности судебного решения, приходим к выводу, что обоснованность как необходимое и неотъемлемое свойство любого решения уголовного суда и одновременно как правовое требование к его качественному состоянию означает *соответствие вынесенного решения наличным фактическим основаниям его принятия*, которое подразумевает, что:

— содержащиеся в судебном решении резолюции (результатирующие предписания) согласуются с выводами суда, на которых эти резолюции основаны;

— выводы и резолюции суда по всем разрешаемым вопросам соответствуют установленным в судебном заседании фактическим обстоятельствам дела и закономерно вытекают из них;

— фактические обстоятельства дела установлены судом достоверно и в объеме, необходимом для принятия решения, на основе исследованных в ходе судебного разбирательства доказательств;

— в решении между различными суждениями, выводами суда отсутствуют противоречия.

При этом обязательными условиями, соблюдение которых обеспечивает обоснованность судебного решения, можно назвать: а) полное, всестороннее и объективное посредством состязательности сторон судебное исследование, т. е. проверка и оценка на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности, наличных доказательств и (или) иных доказательственных материалов по делу в предусмотренном законом порядке; б) объективный,

<sup>368</sup> Более подробно цели и участие суда в доказывании в русле концепции ограниченной активности суда в состязательном уголовном судопроизводстве изложены нами в указанных далее работах. См.: Бурмагин С.В. Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. Т. 1. С. 126–171; Бурмагин С.В. Уголовный суд России. М., 2010. С. 151–198.

<sup>369</sup> Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2009. С. 240.

логически правильный содержательный и правовой анализ судом установленных фактов (обстоятельств дела); в) адекватное изложение в судебном решении установленных фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, исследованных доказательств и сделанных на их основе выводов.

Указанные условия представляют разные стороны деятельности суда по осуществлению правосудия и непосредственно понятием обоснованности судебного решения не охватываются, а относятся к иным категориям: первое – к законности судебного решения, второе – к его обоснованию, третье – к мотивированию, но при этом включаются в общий механизм принятия уголовным судом правосудного решения, создают важные и необходимые предпосылки для обретения судом достоверного знания о подлежащей разрешению правовой ситуации, ее правильной юридической квалификации и обоснованного выбора судом варианта процессуального решения.

#### Список литературы:

1. Бажанов М.И. Понятие обоснованности процессуальных актов в советском уголовном судопроизводстве // Избранные труды / отв. ред. В.Я. Таций. Харьков, 2012. 1244 с.
2. Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 26 с.
3. Бурмагин С.В. Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Т. 1. Владимир, 2009. 263 с.
4. Бурмагин С.В. Уголовный суд России. М., 2010. 392 с.
5. Бутов В.Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 20 с.
6. Веницкий Л.В., Маганкова А.А. Справедливость приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России: монография. М., 2014. 248 с.
7. Гриненко А.В. Приговор суда первой инстанции как итоговый акт уголовного судопроизводства // Рос. судья. 2017. № 1. С. 29–32.
8. Гродзинский М.М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1953. 232 с.

9. *Ершова Н.С.* Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 30 с.

10. *Загайнова С.К.* Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 50 с.

11. *Кудрявцева А.В.* Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 61–64.

12. *Куцова Э.Ф.* Приговор и его качества // Законодательство. 2009. № 12. С. 58–74.

13. *Лутинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. 24 с.

14. *Мотовиловкер Я.О.* Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Ч. 1. Кемерово, 1962. 296 с.

15. *Муратова Н.Г.* Процессуальные акты органов предварительного расследования: Вопросы теории и практики. Казань, 1989. 116 с.

16. *Остапенко И.А.* Приговор как итоговое решение по уголовному делу: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 21 с.

17. *Пашкевич П.Ф.* Законность и обоснованность судебного приговора: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1958. 20 с.

18. Судебное разбирательство в советском уголовном процессе. Ч. 5: Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960. 263 с.

19. *Смирнов А.В.* Состязательный процесс. СПб., 2001. 320 с.

20. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. 516 с.

21. *Суханова Н.Н.* Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 24 с.

22. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2009. 1072 с.

23. *Хачиров А.Д.* Влияние процессуального статуса сторон в уголовном судопроизводстве на постановление приговора: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 29 с.

Сидоренко Е.В., Sidorenko E.V.  
Суханкина Л.И., Sukhankina L.I.<sup>370</sup>

## Некоторые проблемы правового регулирования института особого мнения судьи при пересмотре судебных решений

### Some problems of legal regulation of the institution of a special opinion of a judge when reviewing court decisions

**Аннотация.** Вопрос о справедливости судебного решения является ключевым в уголовном судопроизводстве, и ему по праву уделяется особое внимание. Между тем в научных исследованиях незаслуженно остается в стороне вопрос об особом мнении судьи, который, без преувеличения имеет прямое отношение к справедливости решения. В данной статье подняты лишь некоторые проблемные вопросы института особого мнения судьи, а также обосновывается позиция о необходимости проверки доводов особого мнения при пересмотре судебного решения вышестоящими инстанциями.

**Ключевые слова:** особое мнение судьи, разногласие судей, тайна совещательной комнаты, пересмотр судебных решений.

**Abstract.** The issue of justice of a court decision is a key issue in criminal proceedings, and special attention is paid to it. In scientific research, the issue of the judge's dissenting opinion, which is directly related to the fairness of the decision, is left out. This article raises some problematic issues of the institution of a special opinion of a judge, as well as justifies the position on the need to check the arguments of a special opinion when reviewing a court decision by higher instances.

**Keywords:** dissenting opinion of the judge, dissent of judges, secrecy of the conference room, review of court decisions.

<sup>370</sup> Сидоренко Елена Васильевна, доцент кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия, почётный работник прокуратуры, старший советник юстиции, кандидат юридических наук.

Elena V. Sidorenko, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure Law Russian State University of Justice, Honorary Worker of the Prosecutor's Office, Senior Counselor of Justice, Candidate of Legal Sciences.

Суханкина Людмила Ивановна, доцент кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия, заслуженный юрист Российской Федерации, судья в отставке.

Lyudmila I. Sukhankina, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure Law Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation, Retired Judge.

Институт особого мнения судьи, хотя и имеет большую историю, однако следует констатировать, что единого мнения в мире научных изысканий не достигнуто. В научной литературе далеко не все положительно относятся к институту особого мнения судьи.

Так, по мнению Д.А. Басангова, особое мнение судьи разрушает целостность судебного решения, усложняет его понимание<sup>371</sup>. Само же наличие особого мнения, как утверждают его сторонники, безусловно, указывает как на ослабление авторитета суда<sup>372</sup>, так и на ослабление авторитета судебного решения.

Противники данного процессуального института одним из негативных его последствий видят то обстоятельство, что в результате вынесения особого мнения одним из судей нарушается тайна совещательной комнаты. Хотя закон и запрещает судье при изложении своего особого мнения указывать в нём сведения о суждениях, имевших место при обсуждении и принятии судебного решения (ч. 5 ст. 301 УПК РФ), само наличие особого мнения указывает на разногласия среди судей во время обсуждения судебного решения, а из содержания особого мнения легко сделать выводы о сути разногласий. Таким образом, делается вывод о разглашении тайны совещательной комнаты.

Но голоса сторонников института особого мнения судьи звучат громче.

Право судьи на особое мнение является гарантией, ограждающей свободу и независимость проявления внутреннего убеждения судьи, входящего в состав коллегии, в случае его несогласия с мнением большинства судей коллегии<sup>373</sup>. Оно отражает субъективный вывод судьи об истинности тех или иных обстоятельств по делу, о справедливости разрешения вопросов, указанных в законе. Полноценное особое мнение — это способ защиты профессиональной чести судьи<sup>374</sup>.

<sup>371</sup> Басангов Д.А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда РФ: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 39.

<sup>372</sup> Шиняева Н. ВАС РФ начинает публиковать особые мнения своих судей // <http://www.pravo.ru/news/view/55006/> (дата обращения: 10.09.2020).

<sup>373</sup> Фадеева Е.И. Особое мнение судьи по приговору в Российском уголовном процессе: понятие, значение, порядок вынесения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 164.

<sup>374</sup> Гаджиев Г.А. Публикация особого мнения судьи, или История нормы, которая является камертоном судебной реформы в России // Законодательство и практика массмедиа. 2005. № 12. С. 27–30.

Институт особого мнения судей и, следовательно, судебной власти в целом, является гарантией ответственности судей. Право на особое мнение индивидуализирует фигуру судьи, выделяет его как автономного и ответственного субъекта судебного органа, несомненно, работает на укрепление его независимости. «Особое мнение — это, конечно, крайний вариант позиции судьи, когда цена решения заведомо высока, когда внутренний компромисс невозможен, а убежденность в судебной ошибке максимальна, ведь затрагиваются такие принципы и ценности, которые требуют активной вербальной защиты, и в общем иного выхода нет. Право на особое мнение — это и защита репутации судьи, сильный профессиональный стимул, психологическая гарантия, которая позволяет ощущать личную свободу и независимость, ценность собственного решения и ответственность за свой выбор»<sup>375</sup>.

И здесь еще нужно сказать о доступности особых мнений для широкого круга лиц. Ведь если этого важного элемента не будет, можно вообще не придавать никакого значения этому институту<sup>376</sup>. Это будет равно обычному высказыванию судьи в совещательной комнате.

Хотелось бы подписаться под каждым словом, присоединяясь к сторонникам института особого мнения судьи. Считаю необходимым остановиться на отдельных проблемных вопросах и привести ряд аргументов в дополнение к уже приведенным.

Прежде всего, следует обратить внимание на некоторую незавершенность законодательной регламентации особого мнения и неопределенность правовой значимости этого нормативного документа. В настоящее время в юридической науке вопрос правового регулирования института особого мнения вряд ли можно назвать популярным, но это не является следствием отсутствия споров между судьями. В данном случае уместно вспомнить имеющее серьезный подтекст выражение о трех мнениях на двух юристов. Мы видим, что причина отсутствия заслуженного интереса к теме об особом мнении судьи не в отсутствии такового, а в редком его использовании.

<sup>375</sup> Кононов А.Л. Право на особое мнение // СПС Garant.ru (дата обращения 10.09.2020).

<sup>376</sup> Чернышев И.А. Правовые позиции Конституционного Суда России и Европейского суда по правам человека: генезис и взаимовлияние: дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 30.

Недостаточная законодательная регламентация последствий особого мнения влечет за собой в определенной мере его бессмысленность. Свидетельством тому является недалекое прошлое, когда по положениям ст. 307 УПК РСФСР особое мнение судьи не объявлялось, никому не вручалось, а лишь приобщалось к делу и носило закрытый характер. Логика подхода законодателя к вопросу об особом мнении<sup>377</sup> усматривалась во внутреннем деле судебной власти, написании особого мнения одних судей для других (вышестоящих). Аналогичной позиции законодатель придерживался и с введением в действие 1 июля 2002 г. УПК РФ, изложив ее в статьях 301 и 310, 312.

Новое слово в современной дискуссии появилось лишь через 10 лет, когда 17 января 2012 г. несколько судей Конституционного Суда РФ — Г.А. Гаджиев, Г.А. Жилин, С.Д. Князев, М.И. Клеандров не согласились с решением Конституционного Суд РФ, которым было отказано в принятии к рассмотрению жалобы гр. Ю.Р. Юдина о неконституционности названных статей УПК РФ. В особых мнениях судьи Конституционного Суда РФ утверждали о необходимости проверки конституционности положений об особом мнении и внесении соответствующих изменений в УПК РФ, так как положения закона в этой части в очень высокой степени неопределенны. В качестве аргумента М.А. Клеандров, в частности, привел разные подходы к этому институту в разных правовых системах, в том числе сослался на статью 9 главы 17 Кодекса судебного процесса Королевства Швеции от 18 июля 1942 г. (в действующей редакции) о том что «В случае составления особого мнения оно должно быть доведено до сведения сторон одновременно с постановлением суда и тем же способом, что последнее». Судя по всему, к их мнению прислушался законодатель, согласившийся, что держать особое мнение судьи в закрытом режиме недопустимо, оно не только должно приобщаться к материалам дела и приговору, но и вручаться участвовавшим в деле лицам.

Таким образом, статус особого мнения изменился, и этот процессуальный документ стал носить в некоторой степени открытый характер.

---

<sup>377</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. № 174-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Но можно ли на этом остановиться? На наш взгляд положения закона в этой части продолжают оставаться неопределенными и заслуживают содержательного обсуждения.

Во-первых, само содержание закона носит противоречивый, непоследовательный, нелогичный и незавершенный характер. Достаточно сказать о положениях статей 301 и 310 УПК РФ., где с одной стороны указано, что «Судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно изложить его в совещательной комнате» (ч. 5 ст. 301 УПК РФ), и одновременно, предлагается изготовить его не позднее 5 суток со дня провозглашения приговора и приобщить к приговору. Во-вторых, нет определенности не только в порядке вынесения особого мнения. Новые положения статей 301 и 310 УПК РФ (в редакции 2013 г.) не дают исчерпывающего ответа и о требованиях, предъявляемых к особому мнению, что, на наш взгляд необходимо. Аналогично разрешен вопрос об особом мнении судьи при апелляционном рассмотрении дела (ч. 2<sup>1</sup> ст. 389<sup>33</sup> УПК РФ).

Наиболее важным для настоящего исследования мы видим вопрос о назначении особого мнения. Если не определить в законе его назначение, оно становится, как мы уже высказались — бессмысленным. Нам представляется недостаточным говорить только о защите репутации судьи, его профессиональном стимуле, психологических гарантиях личной свободы, независимости и ответственности за свой выбор. Наша убежденность связана с не менее важным аргументом, а, возможно, и самым главным аргументом, а именно недопущение судебной ошибки. А если это так, то логичным продолжением должно быть указание в законе о необходимости тщательного исследования аргументов особого мнения и оценки вышестоящим судом наравне с доводами жалоб и представлений сторон, а, кроме того, и при отсутствии таковых (жалоб и представлений), особенно, если речь идет об особом мнении о невиновности при постановлении обвинительного приговора. Важно, что с решением о виновности не согласился один из судей.

Дополнительные аргументы к сказанному необходимо привести хотя бы в тезисном режиме со ссылкой на законоположения, которые свидетельствуют об исключительном значении особого мнения при разрешении ряда вопросов. В частности, по общему правилу решение принимается большинством голосов (ч. 2 ст. 301 УПК РФ), но, для назначения наказания в виде смертной казни, требуется единогласие всех судей (ч. 2 и 4 ст. 301 УПК РФ). Исходя

из концептуального содержания такого положения в законе, можно сделать вывод, что законодатель установил безусловный приоритет особого мнения судьи, возражавшего против применения смертной казни, перед большинством других судей. Таким образом, исключения из общего правила об особом мнении в законе уже предусмотрены. Нам видится, что к исключениям, по крайней мере, следует отнести и особое мнение о невиновности при постановлении обвинительного приговора. Особенно очевидным это становится, если речь идет о назначении наказания в виде пожизненного лишения свободы или иных длительных сроков лишения свободы. В таком случае следовало бы предусмотреть особое мнение о невиновности как повод к пересмотру судебного решения, а его предметом назвать аргументы, изложенные в особом мнении. Здесь речь идет не о приоритете особого мнения судьи, а именно о поводе и предмете пересмотра судебного решения.

Особое мнение предусмотрено в разных отраслях процессуального права, но нигде оно не является поводом для пересмотра судебного решения и предметом такого пересмотра. В нашем случае следует обратиться статьям 389<sup>9</sup>, 401<sup>1</sup>, 412<sup>1</sup> УПК РФ из содержания которых следует один вывод: поводом, основанием и предметом пересмотра в апелляционном, кассационном порядке, в порядке надзора особое мнение не является, а, следовательно, его правовое значение утрачивается.

Давая оценку положениям УПК РСФСР, касающимся особого мнения судьи, коллектив авторов, в который входили и судьи Верховного Суда РФ, высказались отрицательно в отношении требований к вышестоящему суду не только рассмотреть в обязательном порядке особое мнение судьи, но и дать ему оценку в своем решении. Такие положения, по мнению авторов, неприменимы в настоящее время в условиях состязательного процесса. Как далее указывают авторы — роль особого мнения изменилась, оно не является поводом к пересмотру судебного решения и это вытекает из действующего законодательства. Здесь же авторы этой позиции, противореча себе, со ссылкой на упомянутое Определение Конституционного Суда РФ (отказавшегося принять к рассмотрению жалобу) признали, что вышестоящие инстанции вправе исследовать письменно изложенное особое мнение<sup>378</sup>. Встает вопрос — как же вышестоящему суду исследовать особое мнение и давать оценку

<sup>378</sup> Практика применения Уголовно-процессуального Кодекса РФ / под ред. В.М. Лебедева. Ч. 2, М., 2016. С. 124–125.

изложенном в нем доводам, если оно не является поводом и предметом к пересмотру.

Нами же в качестве аргумента, указывающего на необходимость пересмотра судебного решения при особом мнении судьи приведена ч. 4 ст. 301 УПК РФ об исключительном значении особого мнения, а по аналогии и при особом мнении о невиновности при разрешении вопроса о назначении наказания в виде пожизненного лишения свободы. Продолжить аналогичные рассуждения можно и распространяя их на другие меры наказания. Решающее значение для таких суждений мы видим в назначении уголовного судопроизводства: защита обвиняемого «от незаконного и необоснованного уголовного преследования, осуждения, ограничения его прав и свобод» (ст. 6 УПК РФ). Также следует исходить из конституционного принципа о презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), тем более, если обвинительный приговор не обжалован участниками уголовного судопроизводства независимо от причин. Именно поэтому требования к форме и содержанию особого мнения должны быть определены законом, а именно требования к обоснованности и мотивированности (ст. 7 УПК РФ).

Возражая противникам особого мнения, утверждавшим, что оно подрывает авторитет судебной власти и судебного решения, хочется высказаться с точностью до наоборот: не только не подрывает, а преумножает. И для такого утверждения мы имеем серьезные основания, связанные с открытостью правосудия. Открытость судопроизводства предполагает контроль со стороны общества, защищает стороны от отправления правосудия в тайне, является одним из средств поддержания доверия к суду, одной из основ справедливого судебного разбирательства (п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 123 Конституции Российской Федерации, ст. 241 УПК РФ).

Полноценным особое мнение в уголовно-процессуальном праве можно будет считать только в том случае, когда будет урегулирован порядок рассмотрения особого мнения вышестоящими инстанциями. Разносторонний взгляд на спорный юридический вопрос позволит минимизировать судебные ошибки

Нами не оспариваются утверждения ученых-процессуалистов о том, что судью нельзя заставить присоединиться к мнению большинства в случае его несогласия с ним, что приговор не делим, независимо от того, что кто-то из судей с ним не согласился, и при

этом приговор обладает абсолютно одинаковой юридической силой и в случае, если один из судей остался при особом мнении.

Резюмируя вышесказанное, мы приходим к выводу о необходимости дальнейшего развития института особого мнения судьи в уголовном процессе. Необходимо установить форму особого мнения судьи, его структуру; определить, что особое мнение должно отвечать таким требованиям, как законность, обоснованность и мотивированность; и, наконец, что особое мнение проверяется вышестоящими инстанциями наравне с самим судебным решением. Вышестоящие судебные инстанции обязаны изучить содержащиеся доводы в особом мнении и отразить в принимаемом судебном акте свое согласие с положениями, либо мотивированно опровергнуть положения особого мнения<sup>379</sup>.

На наш взгляд, авторитет суда и судебного решения от этого только повысится. Мы согласны с мнением Л.А. Усич: судьи должны преодолеть свое стереотипное мышление о том, что судья, имеющий свою противоположную, отличающуюся от иных мнений позицию, выставляет напоказ публике наличие разногласий при принятии судебных решений, разрушает единство судебной коллегии<sup>380</sup>.

Пока же перспективы развития института особого мнения туманны и это может повлечь за собой его упадок, что недопустимо в условиях демократического общества, открытого, прозрачного правосудия.

### Список литературы:

1. *Басангов Д.А.* Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда РФ: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

2. *Буянецкая А.С.* Институт особого мнения судьи в Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского судопроизводства. Материалы межвузовской научно-практической конференции. 2017. С. 1823.

<sup>379</sup> *Буянецкая А.С.* Институт особого мнения судьи в Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского судопроизводства. Материалы межвузовской научно-практической конференции / под ред. С. В. Потапенко. 2017. С. 1823

<sup>380</sup> *Усич Л.А.* Институт особого мнения судьи в Гражданском судопроизводстве: сравнительно-правовой контекст // Актуальные вопросы права, экономики и управления. сборник статей XI Международной научно-практической конференции: в 3-х ч. 2017. С. 175.

3. *Гаджиев Г.А.* Публикация особого мнения судьи, или История нормы, которая является камертоном судебной реформы в России // Законодательство и практика массмедиа. 2005. № 12. С. 27–30.

4. *Кононов А.Л.* Право на особое мнение // СПС Garant.ru (дата обращения 10.09.2020).

5. Практика применения Уголовно-процессуального Кодекса РФ под редакцией В.М. Лебедева. Ч. 2, М., 2016.

6. *Усич Л.А.* Институт особого мнения судьи в Гражданском судопроизводстве: сравнительно-правовой контекст // Актуальные вопросы права, экономики и управления. Сб. статей XI Международной научно-практической конференции: в 3-х ч. 2017. 172-175

7. *Фадеева Е.И.* Особое мнение судьи по приговору в Российском уголовном процессе: понятие, значение, порядок вынесения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 164-166.

8. *Шиняева Н.* ВАС РФ начинает публиковать особые мнения своих судей // <http://www.pravo.ru/news/view/55006/> (дата обращения: 10.09.2020).

**Ультраактивное действие уголовно-процессуального закона  
во времени: проблемные вопросы судебной практики**

**Ultra-active effect of criminal procedure law in time:  
problematic issues of court practice**

**Аннотация.** В статье анализируются примеры из судебной практики, демонстрирующие различные подходы к возможности ультраактивного действия уголовно-процессуального закона во времени, в связи с чем автором обозначается проблема допустимости (недопустимости) применения прежней редакции уголовно-процессуальной нормы спустя значительное время после утраты ею силы.

**Ключевые слова:** действие уголовно-процессуального закона во времени, ультраактивное действие (переживание закона).

**Abstract.** The article analyzes examples from judicial practice, demonstrating different approaches to the possibility of ultra-active action of the criminal procedure law in time, in this regard the author identifies the problem of admissibility (inadmissibility) of the application of the previous version of the criminal procedure norm after a significant time after the loss of its force.

**Keywords:** action of criminal procedure law in time, ultra-active action of law.

Действие уголовно-процессуального закона во времени определено ст. 4 УПК РФ, согласно которой при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено этим Кодексом.

При этом классическим является подход, согласно которому уголовно-процессуальный закон никогда не имеет обратной силы<sup>382</sup>.

<sup>381</sup> Гордиенко Александр Юрьевич, аспирант кафедры уголовно-процессуального права ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Alexander Y. Gordienko, Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure Law at the Russian State University of Justice.

Вместе с тем, вопросы о действии во времени не сводятся только лишь к обратимости или необратимости нового закона (новой редакции нормы) к правоотношениям, возникшим до его вступления в силу. Представляется, что также заслуживает внимания и аспект, связанный с возможностью или невозможностью продолжения действия утратившего силу уголовно-процессуального закона, т. е. его ультраактивного действия. Рассчитаны ли нормы данной отраслевой принадлежности на ультраактивность (переживание закона)? Притом что ст. 4 УПК РФ прямо не предусматривает такой вариант их действия.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем примеры из судебной практики, в которых суды вышестоящих инстанций приняли решение о направлении уголовного дела на новое рассмотрение, указав при этом на необходимость применения утративших силу правил и процедур.

Как известно, закон утрачивает силу при истечении срока его действия, а также при его отмене, замене более поздним законом или же в ситуации, когда норма признается Конституционным Судом Российской Федерации неконституционной.

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ положения главы 45 УПК Российской Федерации, регламентировавшие порядок рассмотрения дела в суде кассационной (второй) инстанции, были признаны утратившими силу с 1 января 2013 г. (п. 22 ст. 1, ч. 1 ст. 3). При этом, как отметил Президиум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 26 декабря 2012 г. «О рассмотрении вопросов, возникших у судов в связи со вступлением в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ», кассационные жалобы или представления, не рассмотренные на день вступления этого закона в силу, рассматриваются по правилам, действовавшим до 1 января 2013 г., то есть по правилам главы 45 УПК РФ. По этим же правилам рассматриваются кассационные жалобы или представления, поданные до 1 января 2013 г., в случаях отмены кассационного определения и передачи уголовного дела на новое кассационное рассмотрение.

<sup>382</sup> Гулялова М.К. Действие уголовно-процессуального закона во времени, в пространстве и по кругу лиц : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003, С. 11.; Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2017. С. 252–253.

Рассмотрим первую ситуацию. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2015 г.<sup>383</sup> отменено кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2007 г., которым в свою очередь был оставлен без изменения вынесенный в отношении гражданина А. приговор республиканского суда от 22 сентября 2006 г. При этом дело направлено на новое кассационное рассмотрение в порядке главы 45 УПК РФ. Причиной же отмены кассационного определения послужило нарушение права осужденного на защиту, допущенное судом кассационной инстанции.

Приведенный пример иллюстрирует ультраактивное действие главы 45 УПК РФ, которая хотя и утратила силу с 1 января 2013 г., однако была применена Верховным Судом Российской Федерации в 2015 г., в том числе в ходе нового кассационного рассмотрения уголовного дела. Представляется, что нормативной основой для осуществления такого регулирования послужила не столько ст. 4 УПК РФ, которая могла быть истолкована по-разному в данной ситуации, а сколько оговорка из постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, конкретизирующая особенности вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ.

Рассмотрим второй пример. 24 сентября 2010 г. Похвистневским районным судом Самарской области в отношении гражданина М. постановлен приговор, а также вынесено постановление об объявлении его в розыск, поскольку подсудимый не явился в зал судебного заседания на оглашение приговора. Апелляционным постановлением Самарского областного суда от 1 октября 2019 г. постановление районного суда об объявлении в розыск оставлено без изменения. Приговор же был Самарским областным судом частично изменен (апелляционное определение от 10 октября 2019 г.).

Шестой кассационный суд общей юрисдикции, рассматривая кассационные жалобы на вышеуказанные судебные решения, пришел к выводу, что Самарским областным судом допущено существенное нарушение закона, выразившееся в необоснованном рассмотрении апелляционных жалоб на приговор и постановление районного суда по правилам главы 45<sup>1</sup> УПК РФ, вступивших в силу 1 января 2013 г. При этом кассационный суд об-

<sup>383</sup> Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15.07.2015 г. № 81-П15 // СПС КонсультантПлюс.

щей юрисдикции отменил вышеуказанные апелляционные постановления и апелляционное определение, направив материалы дела в тот же суд на новое рассмотрение в ином составе суда в порядке главы 45 УПК РФ<sup>384</sup>.

Кроме того, кассационный суд отметил, что поскольку решение по существу уголовного дела в отношении М. и объявлении его в розыск принималось Похвистневским районным судом Самарской области 24 сентября 2010 г., то проверка их законности, вне зависимости от времени принесения апелляционных жалоб на указанные решения, судом второй инстанции должна была осуществляться по правилам суда кассационной инстанции, действовавшим до 1 января 2013 г.

Представляется, что указанное утверждение кассационного суда, а также его решение (в части направления дела на новое рассмотрение именно по правилам главы 45 УПК РФ), являются ошибочными ввиду их противоречия как ст. 4 УПК РФ, так и вышеупомянутым разъяснениям Президиума Верховного Суда Российской Федерации, конкретизирующим особенности вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ. Как следует из текста определения, решения суда первой инстанции были вынесены в 2010 г. и в кассационном порядке по правилам главы 45 УПК РФ не оспаривались, т. е. вступили в силу до 1 января 2013 г.

Поскольку решение суда первой инстанции вступило в силу до 1 января 2013 г., и по состоянию на эту дату не имелось поданных, но не рассмотренных кассационных жалоб, то оно, по всей видимости, могло быть пересмотрено либо в порядке главы 45<sup>1</sup> УПК РФ (при наличии уважительных причин позднего обращения в суд второй инстанции) либо в ныне действующем порядке пересмотра вступивших в законную силу решения, т.е. по правилам главы 47<sup>1</sup> УПК РФ в порядке выборочной кассации.

Рассмотрим третий пример. Президиум Оренбургского областного суда, рассматривая в 2015 г. кассационную жалобу осужденного Ш. о пересмотре кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам этого же областного суда от 27 января 2009 г., вынесенного по правилам главы 45 УПК РФ, пришел к выводу, что в ходе кассационного рассмотрения дела судебной коллегией допущено существенное нарушение закона, повлиявшее на исход дела (нарушение права осужденного на защиту), и принял

<sup>384</sup> Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2020 г. № 77-169/2020 // СПС КонсультантПлюс.

решение об отмене кассационного определения и направлении дела на новое рассмотрение в порядке главы 45<sup>1</sup> УПК РФ, т. е. в апелляционном порядке<sup>385</sup>.

Полагаем, что данное решение президиума Оренбургского областного суда противоречит вышеупомянутым разъяснениям Президиума Верховного Суда Российской Федерации, конкретизирующим особенности вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ. Однако, принимая во внимание, что к 2015 г. уже прошло значительное время после утраты силы положениями главы 45 УПК РФ, и в качестве второй инстанции в уголовном судопроизводстве установился апелляционный порядок рассмотрения дела, вышеуказанное решение президиума Оренбургского областного суда о направлении дела на пересмотр в порядке главы 45<sup>1</sup> УПК РФ не выглядит ошибочным.

Приведенные примеры из судебной практики демонстрируют не вполне определенный подход к вопросу о действии уголовно-процессуального закона во времени в аспекте его ультраактивного действия. Отсутствует однозначное разрешение вопроса о допустимости переживания уголовно-процессуального закона, равно как и теоретические исследования, посвященные данной тематике. Следовательно, требуется более глубокое исследование вопроса о том, насколько долго могут применяться утратившие силу уголовно-процессуальные нормы при переходе на новое процессуальное регулирование.

#### Список литературы:

1. *Гулялова М.К.* Действие уголовно-процессуального закона во времени, в пространстве и по кругу лиц : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2017. 1280 с.

<sup>385</sup> Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 13.07.2015 г. № 44у-118-2015 // СПС КонсультантПлюс.

Ковалева М.Г., Корсаков К.А., Суханкина Л.И.  
Kovaleva M.G., Korsakov K.A., Sukhankina L.I.<sup>386</sup>

#### Оптимизация деятельности проверочных инстанций с использованием положений криминалистики: программно-целевой метод

#### Optimization of the activities of inspection authorities using the provisions of forensic science: program-targeted method

**Аннотация.** Статья посвящена проблемам оптимизации работы судов, посредством использования криминалистических методов организации деятельности, в частности, программно-целевого метода и приводится в качестве примера развернутая общая программа: «Изучение кассационной жалобы, представления».

**Ключевые слова:** судебные проверочные инстанции, криминалистика, программно-целевой метод, криминалистическая программа.

**Abstract.** The article is devoted to the problems of optimizing the work of courts, through the use of forensic methods of organizing activities, in particular, the program-target method, and is given as an

<sup>386</sup>Ковалева Марина Геннадиевна, доцент кафедры уголовно-процессуального права СЗФ Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, заместитель председателя Пушкинского районного суда Санкт-Петербурга.

Marina G. Kovaleva, Associate Professor at the Department of criminal procedural law of The North Western branch of “The Russian State University of Justice”, Ph.D. of Juridical Sciences, Counselor of Justice, Deputy Chairman of the Pushkinsky district court of Saint-Petersburg.

Корсаков Константин Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права СЗФ Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции.

Konstantin A. Korsakov, Associate Professor at the Department of criminal procedural law of The North Western branch of “The Russian State University of Justice”, Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Counselor of Justice.

Суханкина Людмила Ивановна, доцент кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия, заслуженный юрист Российской Федерации, судья в отставке.

Lyudmila I. Sukhankina, Associate Professor of criminal procedure law North-West branch of the Russian state university of justice (Saint Petersburg), Honored Lawyer of Russia, Deputy Chairman of the Leningrad regional court (retired).

example a detailed general program: "Study of a cassation complaint, presentation".

**Keywords:** judicial reviewing instances, forensics, target program method, forensic program.

Осуществляя любую деятельность на протяжении определенного времени человек начинает стараться осуществить ее наиболее оптимальным способом, то есть с наименьшими затратами времени и энергии, и при этом достичь желаемого результата. Тем более это касается профессиональной деятельности, в которой имеют решающее значение не только указанные критерии, но качество достигнутого результата. В процессе выполнения деятельности подбираются приемы, способы, инструменты и, в конечном итоге, методы ее осуществления, рождается методология конкретной деятельности. Различные отрасли науки, в той или иной степени, обеспечивают методологией направления деятельности.

Применительно к уголовному судопроизводству данные требования в первую очередь относятся к криминалистике. Несмотря на то, что криминалистика традиционно направлена на обеспечение расследования, ею разрабатывается методология применительно ко всей познавательной-доказательственной деятельности, осуществляемой на всем протяжении судопроизводства, составляющей ее сущность и применимой к ней<sup>387</sup>.

Уголовное судопроизводство представляет собой деятельность множественных субъектов, совершаемую на различных этапах и стадиях, в различных условиях. Каждый субъект имеет собственные цели и задачи, изменяющиеся в определенной степени в зависимости от этапа, стадии, условий. Осуществление такой деятельности невозможно без ее структуризации с последующим синтезом.

Надлежащая организация деятельности каждого участника уголовного процесса, в том числе суда, и, в конечном счете, достижение целей уголовного судопроизводства в большой степени зависит не столько от прилагаемых ими практических усилий, сколько от тех методов, которые они используют. Одной из главных причин малой эффективности деятельности субъектов уголовного судопроизводства является неправильный выбор, а часто и незнание методов организации указанной деятельности (поиска,

<sup>387</sup> См.: Корсаков К.А. Методы научного познания в уголовном судопроизводстве: Конспект лекций. СПб., 2004.

исследования, оценки и использования имеющейся информации), неумение сформулировать задачи, соответственно, найти пути их решения.

Одним из таких методов организации деятельности, сформулированных в рамках криминалистики, является программно-целевой метод, автором которого проф. Г.А. Густов<sup>388</sup>.

Сущностью данного метода является составление и использование программ деятельности в соответствии с технологией этого метода. Программы составляются как для достижения конечных целей, так и для разрешения задач, связанных с отдельными элементами деятельности. Следует констатировать, что этим занимается каждый постоянно, ежедневно, в профессии и в быту, начиная с эмпирического уровня, затем переходя к более осознанным действиям.

Программой является определенная последовательность действий, мысленных и физических, обеспечивающая оптимальность достижения поставленной цели. С точки зрения мыслительного аспекта он является своеобразным методом организации, дисциплины мышления, которые, соответственно, оптимизирует всю деятельность.

Так, например, опытный судья при поступлении в его производство уголовного дела, начинает его изучение не с существа обвинения и его доказанности, а с процессуальных вопросов. В первую очередь, выясняет, выполнены ли все процессуальные требования закона, позволяющие приступить к его рассмотрению. Если они не выполнены, то вникать в существо обвинения уже нет необходимости, разве что из любопытства. Таким образом экономится время и энергия судьи, которые бы он затратил вначале на изучение обвинения, а затем оказалось бы, что дело не может быть рассмотрено и надо принять соответствующее решение. Это простейший пример оптимизации деятельности.

Если технология метода является единой, то программы создаются применительно к конкретным решаемым задачам и требуют значительных практических навыков, но могут использоваться начинающим практиком<sup>389</sup>.

<sup>388</sup> Густов Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств: Учебное пособие. СПб., 1997.

<sup>389</sup> См., напр.: Кузьмин С.В. Расследование краж из помещений (программно-целевой метод): Учебное пособие. СПб., 1995.

Не вызывает сомнения, что надлежащее выполнение всего соответствующего комплекса может являться качественным показателем профессионализма как помощника судьи, так и кандидата в судьи, судьи.

В качестве примера приводим развернутую общую программу: «Изучение кассационной жалобы, представления», которая представляет интерес в первую очередь не судьям кассационной инстанции, которые уже имеют собственные подобные программы, а помощникам судей, которые таковых, как правило, еще не имеют. Надо отметить, что технология метода позволяет изменять программы в соответствии с индивидуальными особенностями субъекта ее применения и конкретной ситуацией и, кроме того, предписывает создание программы, в случае ее отсутствия.

Развернутая общая программа: «Изучение кассационной жалобы, представления»

1. Не пропущен ли срок обжалования судебного решения в кассационном порядке?

2. Не нарушены правила подсудности?

А) На какое решение суда подана жалоба, представление?

Б) На решение какого суда подана жалоба, представление?

3. Надлежащим ли лицом подана жалоба, представление?

А) Является ли лицо, подавшее жалобу, представление, лицом, учувствовавшим деле?

Б) Надлежащим ли прокурором подано представление

В) Подтверждены ли полномочия адвоката?

Г) Указало ли лицо, не принимавшее участия в деле, какие права или законные интересы этого лица нарушены вступившим в законную силу судебным решением?

4. Надлежаще ли оформлена жалоба, представление?

А) Подписана ли жалоба, представление подавшим ее лицом?

Б) Если жалоба подана защитником, приложен ли к ней ордер или другой удостоверяющий его полномочия документ?

В) Указано ли наименование суда, в который они подаются?

Г) Указаны ли данные о лице, подавшем жалобу, представление, его место жительства или место нахождения, процессуальной статус?

Д) Указаны ли суды, рассматривавшие уголовное дело в первой, апелляционной или кассационной инстанции, и содержание принятых ими решений?

Е) Если кассационные жалоба, представление ранее подавались в суд кассационной инстанции, указано ли принятое решение?

Ж) Через надлежащий ли суд подана жалоба, представление?

З) Приложены ли к жалобе, представлению заверенные соответствующим судом копии судебных решений, принятых по данному уголовному делу, копии иных документов, подтверждающих, по мнению заявителя, доводы, изложенные в кассационных жалобе, представлении?

5. Соблюдены ли требования к содержанию жалобы, представления?

А) Указаны ли судебные решения, которые обжалуются?

Б) Указаны ли допущенные судами существенные нарушения норм уголовного или уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, с приведением доводов, свидетельствующих о таких нарушениях?

В) Указана ли просьба лица, подающего жалобу, представление?

Г) Соответствует ли предмет обжалования предмету судебного разбирательства в кассационном порядке?

6. Позволяют ли выявленные недостатки принять к рассмотрению жалоба, представление?

7. Поступила ли просьба об отзыве кассационных жалобы, представления?

Поясним некоторые положения приведенной программы.

Программы формулируются в соответствии с определенными принципами<sup>390</sup> такими как: положения когнитивной, от латинского «сogito» (мыслить), программы формулируются в виде вопросов, т. е. постановки задач, что, в свою очередь, формирует определенный способ мышления, направленный на необходимость разрешить задачу (задачи) для достижения цели программы, которая формулируется в ее названии; возможность изменить последовательность разрешения отдельных вопросов (в отличие от алгоритма, в котором последовательность неизменна), но для достижения основной цели все положения программы должны быть выполнены, за исключением тех случаев, когда отрицательный ответ на предше-

<sup>390</sup> См.: Принципы построения криминалистических программ // Актуальные проблемы теории практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей: В 3 частях. Ч. 2: Вопросы криминалистики. М., 2004. С. 213–216.

ствующий вопрос может исключить, или делает не обязательным, выполнение последующих задач; и другие.

Так, вопрос о необходимости исследовать соблюдение сроков (Вопрос 1. программы) подачи жалобы, представления, влечет за собой разрешение задачи о соблюдении любых сроков, установленных законом. Например, согласно ч. 2 ст. 412<sup>9</sup>, ст. 401<sup>6</sup> УПК РФ пересмотр в кассационном, надзорном порядке судебных решений по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Пропуск срока уже является основанием для отказа в принятии к рассмотрению жалобы, представления. В то же время, при разрешении других вопросов программы, могут возникнуть и иные основания отказа.

Или при разрешении вопроса о полномочиях адвоката (Вопрос 3 программы). В частности, необходимо проверить его полномочия на подачу кассационной жалобы, в том числе содержание прилагаемого им к кассационной жалобе ордера, в котором должно быть указано о праве защитника представлять интересы лица, в защиту которого он действует именно в суде кассационной инстанции, проверить, не истекли ли полномочия защитника на стадии исполнения приговора.

При разрешении вопроса об отзыве кассационной жалобы, представления (Вопрос 6 программы), необходимо учесть не только формальное наличие такового, но и разъяснения, содержащиеся в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47<sup>1</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». В частности, в Пленуме разъясняется, что если просьба об отзыве жалобы, представления поступит до назначения судебного заседания суда кассационной инстанции в порядке сплошной кассации либо до принятия решения об их передаче с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции в порядке выборочной кассации, то жалоба или представление возвращаются заявителю в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 401<sup>4</sup> УПК РФ. Если же такая

просьба поступит после принятия названных выше решений, то суд кассационной инстанции выносит определение о прекращении кассационного производства.

Представленная программа является элементом более общей программы: «Изучение уголовного дела в кассационной инстанции». Вопрос этой, более общей программы, может быть сформулирован следующим образом: «Есть ли основания для возвращения кассационной жалобы, представления, без рассмотрения», но правильнее: «Возможно ли принять к рассмотрению жалобу, представление». Приведены две формулировки в качестве примера изменения направления мысли в зависимости от формулировки вопроса (задачи).

#### **Список литературы:**

1. *Густов Г.А.* Программно-целевой метод организации раскрытия убийств: Учебное пособие. СПб., 1997.
2. *Корсаков К.А.* Методы научного познания в уголовном судопроизводстве: Конспект лекций. СПб., 2004.
3. *Корсаков К.А.* Принципы построения криминалистических программ // Актуальные проблемы теории практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей: В 3 частях. Часть 2: Вопросы криминалистики. М., 2004.
4. *Кузьмин С.В.* Расследование краж из помещений (программно-целевой метод): Учебное пособие. СПб., 1995.

*Научное издание*

## ПРОВЕРКА ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Сборник материалов  
Всероссийской научно-практической конференции  
16-17 октября 2020 года / Под редакцией  
К.Б. Калиновского

### **Редакционная коллегия**

— *Защляпин Леонид Александрович*, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук;

— *Зейдлиц Евгения Георгиевна*, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, судья Ленинградского областного суда в отставке;

— *Ковалева Марина Геннадьевна*, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук;

— *Корсаков Константин Александрович*, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент;

— *Лаврищева Ольга Мирославовна*, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

— *Чельшиева Ольга Владиславовна*, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

— *Яльшиев Станислав Алимович*, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

Технические редакторы:

И.А. Белова, М.В. Андрианова, А.В. Сидоров

ЦНИТ «Астерион»

Подп. в печать 10.02.2021. Формат 60×84 1/16.  
Заказ № 022. Бумага офсетная. Печ. л. 21,375. Тираж 300.  
191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 61  
e-mail: asterion@asterion.ru